

Блаженный
Феодорит Кирский

**ИСТОРИЯ
БОГОЛЮБЦЕВ,
или повествование
О СВЯТЫХ
ПОДВИЖНИКАХ**

ДУХОВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

**Блаженный Феодорит
Кирский**

**ИСТОРИЯ
БОГОЛЮБЦЕВ,
ИЛИ
ПОВЕСТВОВАНИЕ
О СВЯТЫХ ПОДВИЖНИКАХ**

Москва
«Отчий дом»
2011

УДК 235
ББК 86.372
Ф42

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

Печатается по изданию:
История боголюбцев, или Повествование
о святых подвижниках, блаженного Феодорита,
епископа Кирского. СПб., 1853

Феодорит Кирский, блаженный.

Ф42 История боголюбцев, или Повествование о святых подвижниках. — М.: Отчий дом, 2010. — 208 с. (Серия «Духовный собеседник»).

Достоверные рассказы-жития блаженного Феодорита Кирского о святых подвижниках, совершавших свой путь на Востоке, в Сирии, поражают яркостью изображения — мы видим живых людей. Одних автор знал лично, о других передает со слов очевидцев. Не вдаваясь в подробности их внешней жизни, блаженный Феодорит старается показать особенные образцы подвижничества, достойные удивления и подражания. Главное движущее начало жизни этих «поклонников истинной мудрости», их способность «простиаться далее пределов естества», блаженный Феодорит находит в их пламенной любви к Богу.

УДК 235.3
ББК 86.372

ISBN 5-85280-187-9

© Макет, оформление —
издательство «Отчий дом», 2010

Блаженный Феодорит, епископ Кирский, принадлежал к числу знаменитейших учителей и писателей христианских V века. Он был равно славен и как мудрый истолкователь Слова Божия, и как ревностный защитник православной веры против язычников и еретиков, и как рассудительный и красноречивый историк Церкви.

Настоящее сочинение, которое сам автор назвал «Историею филофеев», то есть боголюбцев, было плодом его благочестивого желания — сохранить для потомства память о дивных подвигах святых людей, которые в брennom теле являлись бесстрастными Ангелами и на земле вели жизнь Небесную. Впрочем, святитель не брал на себя великого труда описать жизнь всех угодников Божиих, какие когда-либо подвизались на земле, считая это делом, превышающим силы одного человека. Он предположил только рассказать про замечательнейшие деяния чудных подвижников, которые славны были в его время на Востоке и притом представляли из себя какой-либо особенный образец жизни, достойный удивления и подражания. Посему и поместил в своей «Истории боголюбцев» жизнеописания самые разнообразные, не только святых мужей, но отчасти и святых жен, чтобы и слабый пол не имел недостатка в назидательных примерах.

Говоря о достоверности своей «Истории», блаженный Феодорит свидетельствует, что одних из описываемых в ней событий он был сам очевидцем, а о других слышал от очевидцев или от людей, обращавшихся с очевидцами. Эту же достоверность засвидетельствовал и Седьмой Вселенский Собор, когда, ссылаясь на «Историю филофеев», привел из нее одно сказание касательно древности почитания святых икон¹.

Издавая на русском языке это драгоценное сочинение древности для своих соотечественников, переводчик напутствует его самым искренним и пламенным благожеланием: да послужит «История боголюбцев» и для нас такою же назидательною и душеспасительною книгою, какою она всегда была на православном Востоке, да научимся и мы из нее так же всецело любить Бога, как любили Его древние боголюбцы, и, изумляясь чудным делам, которые совершал Он чрез Своих избранных, более и более будем прославлять Его, «дивнаго во святых Своих».

С. А. Б.

¹ См.: VII Вселенского Собора Деяния, 4.

Предисловие¹

Хорошо быть очевидцем подвигов знаменитейших мужей и поборников благочестия и, взирая на них своими очами, извлекать для себя пользу. Все достохвальное, когда видишь его собственными очами, является привлекательным, становится вожделенным и возбуждает в зрителе желание приобрести его. Но немало пользы приносят и повествования о таких подвигах, передаваемые очевидцами в слух людей, которые сами их не видели. Зрение, говорят, достовернее слуха, однако ж и слух заслуживает доверия, если он различает речи судя по достоверности лиц говорящих. Как языку и гортани усвоено различать сладость и горечь и другие подобные качества вещей и они, так сказать, произносят об этом суд, так и слуху вверено распознавать речи и он умеет отличить приносящие сколько-нибудь пользы от вредных.

Посему если бы память полезных повествований могла сохраниться неповрежденною и тьма забвения, как бы некоторая отверстая бездна, не поглощала бы ее, то, без сомнения, излишне и бесполезно было бы записывать их, когда польза от них истекающая и без того весьма легко доходила бы до отдаленных поколений. Но так как время повреждает и тела, приводя старость и смерть, вредит и добрым примерам, наводя на них забвение и изглаждая память о них, — то никто, без сомнения, не укорит нас за то, что мы решаемся описывать славные подвиги боголюбцев. Те, которым предоставляется лечить тела, борясь с болезнью, употребляют лекарства и подают по-

¹ Предисловие издания 1853 года.

мощь страждущим; так и предприятие подобного рода сочинения есть как бы врачебно-вспомогательное средство, предотвращающее забвение добрых примеров и помогающее памяти. Тогда как поэты и историки описывают воинские подвиги, а трагики открыто изображают тщательно скрываемые несчастья и в сочинениях увековечивают их память, а иные тратят речи на смехотворство и забавные шутки, — не странно ли было бы нам оставлять без внимания то, что мужи, которые в смертном и страстном теле явили бесстрашие и поревновали бесплотным, предаются забвению? Какого наказания мы не были бы достойны, когда с равнодушием допустили бы исчезнуть памяти об их достоублажаемых подвигах?

Сами святые, быв подражателями высокого любомудрия древних святых, начертали память их не на меди и не буквами, но, совершив каждую из их добродетелей, себя самих соделали как бы некоторыми одушевленными их образами и памятниками. Какое же после сего извинение могли бы иметь мы, если бы даже на бумаге не проследили славной их жизни, — тогда как в честь борцов и победителей на олимпийских играх выставляют их изображения и возницы, на конских ристалищах оставшиеся победителями получают ту же награду; когда не этих только, но и женоподобных мужей — которые играют роли жен и о которых не знаешь, мужчины ли это, или женщины, — люди, услаждающиеся подобными зрелищами, изображают на досках, стараясь на продолжительнейшее время сохранить память их, хотя эта память делает больше вреда, чем пользы для души? Несмотря, однако ж, на вред, почитатели подобных людей удостаивают живописных изображений — одни тех, другие других, кто кому нравится; и поелику смерть разрушает самое тело человека, как смертное, то, смешивая краски и отпечатлевая ими изображения любимцев своих на досках, чрез то сохраняют память о них долее их жизни.

А мы изобразим жизнь святых, которая может научить любомудрию и которая в свое время была подобна образу жизни обитателей Неба. Мы не телесные черты бу-

дем живописать, чтобы показать отпечатки их людям незнающим, но сделаем очертание мыслей невидимой души и покажем незримую борьбу и сокровенные подвиги.

В такое-то всеоружие облек святых вождь и начальник сонма их святой апостол Павел. *Приимите*, — говорил он, — *вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют, и вся содежавше стати*, — и далее: *Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшися в броня правды, и обувше нозе во уготовление благовествования мира: над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженных угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 13–17). В такое-то всеоружие облекши, он вывел их на подвиги. Ибо и природа врагов их такова же, то есть они бестелесны, невидимы, нападают тайно, скрытно строят козни, внезапно и неожиданно поражают, — что внушал и сам тот вождь (Павел), когда говорил: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Однако ж и таких имея противников, сонм тех святых — или, лучше, каждый из них в отдельности, окружаемый множеством подобных врагов (ибо эти враги не нападали на всех разом, но в одно время приступали к одному, в другое к другому), — одерживал столь славные победы, что обращал врагов в бегство и, преследуя, совершенно разбивал их и в память победы воздвигал трофеи, не встречая уже никакого препятствия.

Победу же эту доставила святым не природа, сама смертная и исполненная бесчисленных страстей, а разум, привлечший к себе благодать Божию. Пламенно возлюбив Божественную красоту, охотно решившись всем пожертвовать и всё претерпеть за Возлюбленного, они мужественно перенесли нападения страстей, могущественно отразили тучи стрел диавола и, говоря словами апостола (см.: 1 Кор. 9, 27), умертвив и поработив свое тело, угасили пламень вожделения и заставили умолкнуть волнения похотей. Постом и беспрестанным бодрствованием усыпив

страсти и укротив порывы их, заставили тело подчиниться душе и прекратили естественную борьбу между ними. Водворив таким образом мир между душою и телом, они отгнали от себя всё множество врагов, которые, не зная сокровенных внутри души помыслов и не имея содействия себе со стороны плоти, не могли уже вести успешной борьбы; ибо стрелами против нас диавол употребляет наши члены. Посему если глаза не обольщены, слух не очарован, осязание не услаждено каким-либо приятным ощущением и разум не воспринимает нечистых вожделений, то тщетны все ухищрения коварного врага.

Как города, построенного на высоте, огражденного толстою стеною и со всех сторон обведенного глубокими рвами, не может взять ни один неприятель, если никто из находящихся в городе не изменит и не откроет какого-нибудь прохода, так и демоны, нападающие отвне, не могут овладеть душою, которая ограждена благодатию Божиею, если только какой-нибудь нечистый помысл не откроет какого-либо окна наших внешних чувств и чрез него не впустит врага внутрь. Все это основательно изучивши из Божественного Писания и вняв гласу Господа, говорящего чрез пророка, что *взыде смерть сквозе окна* (Иер. 9, 21), ублажаемые нами святые заключили свои чувства как бы запорами и замками и ключи от них вручили уму, так что, когда не было повеления от ума, не отверзались ни язык, ни уста и зеницы не смели показаться из-за ресниц, если им не было это позволено, а слух, будучи не в состоянии заградить своего входа чем-нибудь вроде ресниц или уст, уклонялся от несмысленных речей и принимал только те, которые услаждали ум.

Точно так же святые приучили обоняние не питать страсти к благоуханиям, как к таким вещам, которые способны изнежить и расслабить. Таким же образом удалили они от чрева пресыщение и научили его принимать то, что приносит не удовольствие, а пользу, да и такой пищи принимать не более, как сколько нужно было для того, чтобы не умереть с голода. Так разрушили они и обаятельную

власть сна и, освободив ресницы из-под его рабства, вместо того чтобы покорствовать ему, научились владычествовать над ним и пользоваться им не тогда, когда он нападает, но когда сами они призывают его для некоторого подкрепления естественных сил. Позабывшись таким образом об ограде стен и дверей и водворив согласие между внутренними помыслами, они смеялись над нападающими отвне врагами, которые не могли насильно войти внутрь, так как святые были ограждены Божиею благодатию и у них не было изменника, который бы решился впустить врагов. А враги, имея природу невидимую, не могли овладеть телом видимым и связанным естественными потребностями, потому что возница его, музыкант и кормчий¹, хорошо держа вожжи, заставил коней идти в порядке; мерно ударяя по струнам чувств, сделал то, что они издавали гармонические звуки; искусно управляя рулем, отражал и стремление волн, и порывы ветров.

Этим-то людям, которые совершили земной путь свой посреди бесчисленных трудов, укротили тело постом и лишениями, не знали удовольствий смеха, провели всю жизнь в рыданиях и слезах, этим людям, которые сладостнейшим наслаждением считали пост, приятнейшим отдохновением — изнурительное бодрствование, мягким одром — твердую землю, величайшим и неизмеримым удовольствием — пребывание в молитве и псалмопении, — этим людям, которые стяжали все виды добродетели, кто, по справедливости, не удивится или, лучше, кто воздаст хвалу по достоинству? И я вполне понимаю, что никакое слово не в состоянии проследить за их добродетелью. Попытаюсь, однако ж.

Несправедливо было бы — потому только, что это были совершенные мужи, поклонники истинной мудрости, — не воздать им и меньшей (их подвигов) хвалы.

¹ Тело представляется здесь под тремя различными образами: коней, управляемых *возницею*, музыкального инструмента, из которого рука *музыканта* извлекает какие хочет звуки, и, наконец, — корабля, управляемого *кормчим*. — *Примеч. изд. 1853 г.*

Напишу не одну общую для всех похвалу, так как им сообщены были от Бога различные дарования, что внушал блаженный Павел, говоря: *Овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе: другому же вера, тем же Духом: иному же дарования исцелений, о том же Дусе: другому же действия сил, иному же пророчество, другому же рассуждения духовом, иному же роды языков, другому же сказания языков* (1 Кор. 12, 8–10), и, указывая источник всего этого, присоединил: *вся же сия действует един и той же Дух, разделяя властью коему ж-до, яко же хочет* (1 Кор. 12, 11). Посему так как святые обладали различными дарами, то, естественно, и я отдельно буду повествовать о каждом из них, не представляя всех совершённых ими дел (для такого описания недостаточно было бы и целой жизни), но, рассказав немного о жизни и делах одного и в немногом показав отличительную черту всей его жизни, буду переходить к другому.

Не возьмусь также описывать образа жизни всех живших в разных концах мира святых: я и не знаю подвижников, просиявших во всех концах мира, да и невозможно, чтобы один описал всех. Я расскажу только о жизни тех, которые, как светила, блистали на Востоке и своими лучами объяли все концы вселенной. И речь у меня будет повествовательная, чуждая приемов панегирика, безыскусственно передающая кое-что немногое. Прошу же тех, которые будут читать эту «Историю боголюбцев, или Повествование о жизни святых подвижников» — пусть всяк называет ее как хочет, — прошу не питать недоверия к тому, что здесь говорится, хотя бы и пришлось им услышать нечто и превышающее их силы, и не измерять добродетели святых по своей мерке, а твердо помнить, что Господь обыкновенно соразмеряет дары Святаго Духа с душевными расположениями людей благочестивых и совершеннейшим ниспосылает и больше даров. Я сказал это для тех, которые не проникли еще в глубину дел Божиих; потому что посвященные в сокровенные тайны Духа знают, как благоволит Он к чтущим Его и сколько Он чрез

одних из людей чудодействует среди других, привлекая неверующих к Богопознанию величием своих чудес. А кто не поверил бы событиям, о которых я буду говорить, тот показал бы, что у него слаба вера и в истину того, что совершенно было чрез Моисея, Иисуса Навина, Илию и Елисея, — даже в чудеса святых апостолов. Всякий же, кто верит в истину этих чудес, должен верить, что чужды лжи сказания и о первых; потому что та же благодать, которая действовала в тех (святых мужах библейских), была виновницею совершения чудес и чрез этих (святых подвижников). Благодать неоскудеваема и, избирая людей достойных, чрез них, как чрез какие каналы, изливает потоки благотворения.

Одних из описываемых мною (лиц и событий) я сам был очевидцем, а которых не видал, о тех слышал от очевидцев — людей, одушевленных любовью к добродетели, удостоившихся видеть тех подвижников и внимать их назидательным наставлениям. Из святых евангелистов мы веруем не только Матфею и Иоанну, которые сами видели чудеса Господа, но и Луке и Марку, которым *изначала* бывшие *самовидцы и слуги Словесе* точно передали не только то, что Господь потерпел и сотворил, но и то, чему Он постоянно учил. Не бывши самовидцем, святой Лука в начале своего Евангелия говорит, что он намерен повествовать о вещах *известованных*. И мы хотя и знаем, что он не был самовидцем того, о чем повествует, а слышал об этом от других, не менее верим ему и Марку, сколько Матфею и Иоанну; потому что оба вполне достойны веры в своих повествованиях, хотя повествуют о том, что узнали от самовидцев. Так и я иное расскажу как самовидец, а об ином — по доверию к рассказывавшим мне это очевидцам, подражавшим жизни описываемых нами подвижников. Об этом распространился я, желая убедить в истинности своего рассказа. Теперь приступлю и к самому повествованию.

1. Иаков Низибийский¹

Божественный законодатель Моисей, открывший дно морское, а безводную пустыню наводнивший, совершивший и другие многие чудеса, описал образ жизни ветхозаветных святых, руководствуясь не приобретенною от египтян мудростию, но светом благодати, полученной свыше. Откуда бы иначе узнал он о добродетели Авеля, о богоугодности Еноха, о праведности Ноя, о благочестивом священстве Мелхиседека, о призвании, вере, мужестве, усердном странноприимстве, необычайном жертвоприношении и о других добродетелях Авраама, и вообще о подвигах, победах и о славе благочестивых тех мужей, — откуда бы иначе узнал он обо всем этом, если бы не пользовался светом Божественного Духа? Подобное содействие нужно в настоящее время и мне, решившемуся описать жизнь

¹ О нем см.: *Феодорит Кирский, епископ*, — представитель Антиохийской школы богословия (†457). — Церковная история: В 5 кн. Кн. 2, гл. 30; *Никифор Каллист* — церковный историк, монах (†1350). — Церковная история: В 18 кн. Кн. 8, гл. 14 и Кн. 9, гл. 28.

святых, просиявших незадолго до нас и в наше время, и как бы представить некоторого рода законоположение для желающих подражать жизни святых. Призовем же их самих в молитве и начнем повествование.

На границе царства Римского и Персидского есть город Низибия, который в древности платил дань римлянам и зависел от их власти. Родившийся в этом городе великий Иаков¹ возлюбил жизнь пустынную и уединенную и укрывался на вершинах самых высоких гор. Весною, летом и осенью жил он в лесах под открытым небом, зимою же скрывался в пещере, доставлявшей ему тесный приют. В пищу употреблял он не то, что с трудом производится и добывается, а что произрастает само собою. Собирая самородные плоды с диких деревьев, и из растений те, которые были похожи на огородные овощи и могли быть употребляемы в пищу, из них давал своему телу столько, сколько необходимо было для поддержания жизни. Он не употреблял волны², которую для него заменяла самая жесткая шерсть диких коз. Из этой-то шерсти было у него и нижнее платье, и плащ. Удручая таким образом тело, он постоянно доставлял духовную пищу душе, и, очистив око ума и соделав дух свой светлым зеркалом вещей Божественных, *откровенным лицом*, по слову апостола, *славу Господню созерцал, в той же образ преобразовался*

¹ Церковь чтит память преподобного Иакова, епископа Низибийского († 350), 13/26 января.

² Вólна — материал из овечьей шерсти.

от славы в славу, якоже от Господня Духа (ср.: 2 Кор. 3, 18). Поэтому с каждым днем возросло в нем дерзновение к Богу, и чего просил у Бога, — а просил только того, чего должно, — получал тотчас же. Он даже провидел пророчески будущее, и стяжал от благодати Святаго Духа силу — творить чудеса. О некоторых из этих чудес я расскажу, и незнающим открою луч его апостольского света.

В то время властвовало между людьми безумное почитание идолов, и бездушные статуи удостоивались чести Божеской, а служением Богу истинному многие пренебрегали, преследуя тех, которые не хотели участвовать в их безумии и которые, утвердившись в истинных понятиях о вещах, смеялись над бессилием идолов и поклонялись Творцу вселенной.

В это-то время Иаков перешел в Персию, узнав, что там насаждено благочестие и желая сделать ему какую можно было услугу. Когда он переходил чрез один поток, некоторые девицы, мывшие здесь белье и ногами своими выжимавшие его, вместо того чтобы принять другое более приличное положение, без всякой скромности, с дерзким видом и бесстыдными глазами взирали на человека Божия, не покрыв голов и не опустив одежд. Человек Божий, вознегодовав на это и желая при этом случае показать силу Божию, чтобы чудом поразить нечестие, проклял поток, — и вода в нем тотчас иссохла. Наказал также за бесстыдство и девиц, призвав на главы их преждевременные седины. За словом его

тотчас последовало дело: исчез черный цвет их волос, и они сделались похожими на только что посаженные весной дерева, покрытые осенними листьями. Почувствовав такое наказание (ибо увидели, что поток иссох, и, смотря на головы одна другой, заметили такую внезапную перемену), девицы побежали в город рассказать там о случившемся.

Некоторые из жителей города вышли на встречу великому Иакову и умоляли его смягчить гнев и снять наказание. Он недолго медлил — принес молитву Господу, и повелел потоку опять течь; мгновенно опять появился поток из своего сокровенного вместилища, повинувшись мановению праведника. Удостоившись этого, жители города просили Иакова возвратить также волосам дочерей своих прежний цвет. Говорят, что он внял и этой их просьбе и уже потребовал, чтобы девицы, которые получили такое наказание, явились к нему. Но так как те девицы не пришли, он оставил на них наказание, как бы в урок скромности, в побуждение к целомудрию и в постоянное напоминание о Божией силе.

Таково-то чудо этого нового Моисея, произведенное, впрочем, не ударом жезла, а совершённое знамением креста. Я, со своей стороны, кроме самого чудотворения, весьма также удивляюсь и кротости Иакова, потому что он не предал тех бесстыдных девиц, подобно великому Елисею, свирепым медведицам, но наказанием безвредным, которое состояло только в некотором безобразии, научил их и благочестию, и

благопристойности. Я сказал это не с тем, чтобы осуждать строгость пророка (да не будет такого безрассудства), но дабы показать, что Иаков, имея подобную Елисейевой силу, действовал в духе кротости Христа и Нового Завета.

Узнав однажды, что персидский судья несправедливо решил дело, он повелел одному, вблизи лежащему, очень большому камню — сокрушиться и исчезнуть, и таким образом обличил несправедливое решение судьи. Когда же камень мгновенно раздробился на бесчисленное множество мелких частиц, присутствовавшие при этом ужаснулись, — судья же, объятый страхом, отменил прежнее решение, а положил другое, справедливое. И здесь также Иаков подражал своему Господу, Который, восхотев показать, что Он добровольно подвергается страданиям и что легко мог бы наказать Своих врагов, если бы захотел, не на них наложил наказание, но, иссушив словом бездушную смоковницу, явил силу Свою. Иаков, подражая такому человеколюбию, не положил наказания на самого несправедливого судью, но сокрушением камня научил его правосудию.

Прославившись такими делами, будучи всеми любим и сделавшись предметом общего внимания, Иаков возведен был в сан епископа и получил предстоятельство в своем отечестве. Но, и оставив уединение в горах, и избрав, против своего желания, жизнь в городе, не переменял образа жизни; только трудов у него прибавилось, и труды новые были разнообразнее прежних.

К посту, к подвигам бодрствования и к власянице, в которую он одевался, присоединились еще всякого рода заботы о нуждающихся, то есть попечение о вдовах, заботы о сиротах, обличение людей, которые делали обиды, и справедливая защита обижаемых. И к чему обо всем этом рассказывать тем, которые знают, что требуется от принимающих на себя подобное служение? Он любил такие труды, потому что в сердце своем питал и горячую любовь и сыновний страх к Господу овец. А чем более он приобретал богатства добродетели, тем больше получал и благодати Святаго Духа.

Однажды он шел в какую-то деревню или город, — я не могу точно сказать о месте, — к нему подошли некоторые нищие, указывая на одного кого-то из них как на умершего и прося у святого чего-нибудь в помощь для погребения этого умершего. Иаков удовлетворил их просьбе и помолился Богу о мнимоумершем, прося Господа об отпущении грехов его и причислении его к лику праведных. Во время этой его молитвы душа притворявшегося умершим отлетела, а тело его было закрыто. Едва только благочестивый муж отошел, устроившие этот обман заставляли лежавшего встать. Когда же заметили, что он не слышит и с ним случилось то, в чем он притворялся, и личина обратилась в истину, то, догнавши великого Иакова, умоляли его и, повергшись к ногам его, объясняли ему причину обмана — свою бедность, и просили простить им прегрешение, а лежащему возвратить отлетев-

шую душу. Подражая человеколюбию Господа, Иаков внял их просьбе и явил чудо, молитвою возвратив лежащему жизнь, отнятую у него силою же молитвы¹. И мне кажется, что это чудо подобно чуду великого апостола Петра, который предал смерти Ананию и Сапфиру — тайных похитителей и обманщиков. Ибо точно так же и Иаков отнял жизнь у человека, утаившего истину и употребившего ложь. Только тот, зная о похищении, — так как это открыла ему благодать Духа, — положил наказание, а этот, не зная тайны обмана, только помолился и остановил течение жизни у притворившегося умершим. И апостол не освободил умерших от наказания, а Иаков, будучи исполнен благодати апостольской, сначала наказал, а потом снял наказание, потому что видел в этом пользу согрешившим.

Но перейдем к другим делам Иакова и изложим их хотя кратко. Когда Арий — этот отец и изобретатель хулений на Единородного Сына и Святаго Духа, восстав словом против Творца, исполнил Египет возмущений и волнений, а великий император Константин — Зоровавель нашего стада (ибо, подобно ему, вывел из чужой страны всех пленных — православных, возобновил и поднял на высоту разрушенные храмы Божии) — собрал в Никее всех предстоятелей Церквей, то вместе с другими в Никею пришел также Иаков для защиты правых догматов, как

¹ См. об этом происшествии: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 1, гл. 7; — *Никифор*. Кн. 8, гл. 14; — *Созомен*. Церковная история. Кн. 7, гл. 26; — *Кассиодор*. История. Кн. 9, гл. 28.

бы вождь и начальник всего Собора. Низибия была тогда под властью римлян. На этом великом Соборе¹, когда многие рассуждали здраво и хорошо, а другие говорили иначе (ибо были немногие, которые неправо мыслили, хотя не осмеливались обнажать своего нечестия, а прикрывали его некоторыми хитростями, которые не всякий мог распознавать, а только люди, хорошо изучившие истину), — прочитано было Исповедание веры, содержащее и проповедуемое по всей вселенной в то время; все признали его и на словах и на бумаге засвидетельствовали, что они так веруют и так мудрствуют.

Но многие это сделали совершенно охотно, а семь некоторых сообщников Ариева богохульства, хотя языком и пером также засвидетельствовали, но держались убеждения, противного их словам, по пророческому слову: *приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами своими почитают Мя, сердце же их далече отстоит от Мене* (Ис. 29, 13); и согласно с словами Иеремии: *близ еси Ты уст их, далече же от утроб их* (Иер. 12, 2), — и псалмопевца Давида: *усты своими благословляху, и сердцем своим клянуху* (Пс. 61, 5), — и еще: *умякнуша словеса их паче елеа, и та суть стрелы* (Пс. 54, 22).

Эти-то семь человек просили великого Александра, епископа Александрийского, сжалиться над Арием, осужденным от всего Собора. Но когда Александр, зная их притворство и

¹ На Первом Вселенском Соборе в Никее в 325 г. был утвержден Символ веры.

подозревая лукавство Ария, не внял их просьбе, то другие некоторые, по своей простоте обольщенные Арием, много хвалили человеколюбие, выставляя, что оно приятно и Господу всяческих. Когда же великий Александр назвал несправедливое человеколюбие к одному бесчеловечием, вредным для многих, и представил, что оно послужит причиною гибели всего стада Христова, то Иаков предложил всем совет: прибегнуть к помощи поста и в продолжении семи дней поста молить Господа — даровать мир Церквам.

Все приняли совет человека Божия, так как все знали, что он сияет апостольскими дарованиями. Пост соединили с молитвою; а добрый совет этот подал для Церквей предводитель всех — Иаков. Когда наступил день воскресный, в который многие надеялись увидеть нечестивого Ария принятым в сообщество православных, и когда, по наступлении времени Божественной литургии, все ожидали увидеть противника Божия помилованным — совершилось некоторое Божественное и поистине дивное чудо. В самом нечистом месте нечестивец этот, извергнув принятую им пищу, извергнул вместе с нею и вместилище ее: чрево его расселось, этот несчастный упал и потерпел такую постыдную смерть, получив наказание за свое мерзкое богохульство и в месте мерзком, и погибнув по слову великого Иакова.

Священное Писание восхваляет священника Финееса, и восхваляет по справедливости, по-

тому что он поразил Замврия — виновника бедствий народа. Посему и псалмопевец Давид сказал: *И ста Финеес и умилистави, и преста сечь: и вменися ему в правду, в род и род до века* (Пс. 105, 30, 31). Но тот воинским оружием совершил заслуженное и славное поражение, а Иакову вместо копья и меча довольно было слова, которым он поразил нечестивца, дабы он не видел славы Господней. Этого одного достаточно было для обличения безумия сообщников нечестия Ариева; потому что Иаков, как проповедник и защитник чтимых нами догматов, внушил вдруг отвращение от нечестия ариан тем, что поразил самого отца нечестия оружием слова. По окончании священного Собора каждый возвратился в свою паству, возвратился также и Иаков, как бы вождь и победитель, утешенный победами благочестия.

Чрез несколько времени великий и достойный удивления царь Константин, украшенный венцами благочестия, отошел от жизни; а владычество над вселенною наследовали сыновья его. Тогда царь персидский — Сапор было имя его, — с пренебрежением смотря на детей Константина, как на людей не столько сильных, как был отец их, выступил со множеством пехоты и конницы против Низибии; привел также сюда весьма много и слонов и, расположив войско для осады, обложил город, устроил осадные машины, построил укрепления, утвердил сваи, а промежутки между ними загородил ветвями, как бы плетнем, и повелел воинам сделать на-

сыпь и поставить осадные машины одну против другой. Потом, поместивши здесь стрельцов и повелев им стрелять в тех, кто стоял на стенах, — других воинов заставил снизу подрывать стены. Когда же все это было безуспешно, будучи разрушаемо молитвами благочестивого мужа, Сапор, употребив множество людей, остановил течение близтекущей реки, и, устроив стену и препону для удерживания ее, собрал воды очень много, и всю разом пустил в стены, употребив воду как бы некоторую сильнейшую осадную машину. Стена не выдержала натиска воды, но, подвергшись напору ее, на одной стороне совершенно разрушилась. Воины подняли великий крик, как будто бы уже ничего не стоило после этого взять город, ибо они не знали о великой ограде обитавших там граждан. Они отложили на время нападение, видя невозможность приступить к городу от множества воды, и, отошедши вдаль, как бы успокоившись от трудов, сами дали себе отдых, да и об отдыхе лошадей позаботились.

Жители же города обратились к пламенным молитвам, имея ходатаем великого Иакова. Все взрослые с возможно великим усилием возобновляли стену¹, нисколько не заботясь ни о красоте ее, ни о стройности, но в беспорядке слагая к стене всё: и камни, и кирпичи, и всё, кто что приносил. Работа была успешна, и в одну ночь закладка в стене доведена до такой высоты, что

¹ См.: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 2, гл. 50; — *Никифор*. Кн. 9, гл. 27.

ее достаточно было, чтобы удержать стремление лошадей и воспрепятствовать всходу людей без лестниц. Затем все жители города умоляли человека Божия взойти на стену и пустить стрелы молитвы на врагов. Убежденный народом, он взошел, и, увидев бесчисленное множество врагов, умолял Господа наслать на них облако скнипов и комаров¹. И о чем он просил, Господь послал — и воины персидские были уязвлены посланными свыше стрелами. Лошади и слоны освобождались от поводов, бежали, рассеявшись там и сям, не имея сил вынести нападения этих насекомых.

Когда нечестивый Сапор увидел, что и осадные машины не принесли никакой пользы, и напор воды был бесполезен (потому что прорванная стена была возобновлена); когда увидел, что все его войско изнурено было трудами, страдало под открытым небом, преследуемо было посланным свыше наказанием; когда также увидел Божия человека, ходящего по стенам, и заключил, что сам царь начальствует над этим городом (ибо ему на стене представился человек, одетый в порфиру и украшенный диадимой²), то вознегодовал на тех, кои обманули его, убедили поднять войну и уверяли, что в Низибии нет царя; приговорив их к смерти, он отослал войско назад, и с возможною скоростью сам удалился в свое царство.

¹ См.: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 2, гл. 30; — *Никифор*. Кн. 9, гл. 28.

² Диадима — царский венец.

Такие-то чудеса Бог сотворил чрез этого Езекию, не меньшие совершённых Езекиею древним, но мне кажется, едва ли еще не большие! Ибо какое чудо может быть больше того, как когда по разрушении стены не взят город? Я же кроме сего также весьма дивлюсь и тому, что в молитвах своих Иаков не просил с неба молний и огня, как сделал то великий Илия, когда приходило к нему два пятидесятника с пятьюдесятью воинами. Иаков знал, что Господь сказал апостолам Иакову и Иоанну, когда те хотели сделать то же самое (что сделал Илия): *не весте, коего духа есте вы* (Лк. 9, 55). И потому он не просил, чтобы земля разверзлась под ногами, не просил также, чтобы войско предано было огню, но чтобы оно изъязвлено было насекомыми и чтобы, узнав силу Божию, оно научилось наконец благочестию. Такое дерзновение пред Богом имел этот Божий человек! Такой удостоился благодати свыше! Живя таким образом и со дня на день преуспевая в Божественном, он с величайшею славой оставил эту жизнь и переселился из здешних мест. По прошествии некоторого времени, когда и самый город тогдашним царем уступлен был персам, прежние жители вышли из него и вынесли с собою тело своего защитника и начальника, болезнуя и скорбя о своем переселении, воспевая же и прославляя доблесть победоносца Иакова. Ибо если бы он был жив, они не подпали бы власти варваров.

Рассказав об этом святом муже, приступлю к другому рассказу, прося у читателей внимания.

2. Иулиан¹

Иулиан², которого окрестные жители, из уважения, прозвали Саввою (имя, на греческом языке означающее пресвитера или старца), утвердил свою подвижническую келлию в древней Парфянской стране, называемой ныне Осроем. Эта страна к западу простирается до берегов Евфрата, к востоку граничит с владениями римскими. В ней было много больших и многолюдных городов; земли было весьма много обитаемой, и весьма много необитаемой и пустынной. Удалившись в глубину пустыни и нашедши здесь нерукотворенную келлию, выделанную не хорошо и не красиво, но способную дать хоть тесный приют желающим уединения, с радостию поселился на этом месте, считая его лучше великолепных чертогов, блистающих золотом и серебром.

Здесь-то проводил он жизнь, однажды в неделю принимая пищу; пищею его был хлеб ячменный, и то отрубяный, а приправою — соль, самым приятным питием — самородный ключ воды; и все это употреблялось не с пресыщением, но в мере, принятой однажды навсегда. Утешением же и самым приятным и светлым торжеством служили для него псалмопения Давидовы и непрерывная беседа с Богом. С жадностию наслаждаясь ими, он никогда не мог пресытиться

¹ О нем говорят: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 3, гл. 19 и Кн. 4, гл. 25; — *Никифор*. Кн. 11, гл. 25; — *Св. Златоуст*. Беседа 21 на Послание к Ефессянам.

² День памяти прп. Иулиана Персиянина (†IV) — 18/31 октября.

ся, но, всегда питаюсь ими, постоянно воспевал: *Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим* (Пс. 118, 103). Слышал он и другие слова Давида: *судьбы Господни истинны, оправданы вкупе: возжеленны паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. 18, 10, 11); — слышал также и еще: *наслади-ся Господеви, и даст ти прошения сердца твоего* (Пс. 36, 4); — и потом еще: *да возвеселится сердце ищущих Господа* (Пс. 104, 3); — и: *возвеселися сердце мое бояться имени Твоего*; — и: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9); — и: *возжада душа моя к Богу крепкому живому* (Пс. 41, 3); — и: *прильне душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9). Он переселил в себя любовь того, кто говорил это. Великий Давид, воспевая эти песни, говорил, что он желал бы приобрести многих сообщников и соучастников в любви к Богу, — вот и не обманулся в надежде, но привлек к любви Божественной и этого благочестивого мужа, и множество других. Иулиан воспламенен был такою любовью к Богу, что как будто упивался ею и не примечал ничего земного, а только о Любимом и ночью помышлял, и днем постоянно думал.

Многие из живших и вблизи его, и в отдаленности от него учились у него такому высокому любомудрию (потому что молва о нем быстро пронеслась повсюду); многие приходили и просили его принять их в сообщество своей подвижнической жизни и позволить жить при нем, как бы при каком наставнике и руководителе. Так не только птицы заманивают птиц своим

пением, привлекая к себе тех, которые одинакой с ними породы, и завлекая их в расставленные сети, но и люди увлекают подобных себе, одни — к гибели, другие — ко спасению.

Таким образом около Иулиана вскоре собралось десять человек, потом это число удвоилось и утроилось, и наконец достигло до ста. И хотя их было столько, их всех вмещала та же келлия; потому что они научились от старца пренебрегать попечением о теле. Питались же и они, подобно своему начальнику, ячменным хлебом, приправленным солью. А в свое время они собирали дикие овощи, складывали их в сосуды и вливали в них нужное количество рассола, — и это держали в запасе на случай нужды для больных. Для запасаемых овощей помещение в том же жилье было вредно: от сырости они могли покрываться здесь плесенью и гнилью.

Когда это уже действительно случилось с овощами (потому что в пещере во всех углах была сырость), братья просили у старца позволения построить какой-нибудь маленький срубец, которого достаточно б было для того, чтобы хранить там запасы. Он сначала не принял их просьбы; а потом, будучи убежден (потому что научился от великого Павла *не искать своих си* (см.: 1 Кор. 13, 5), но уступать низшим), назначил малую и тесную меру сруба, а сам отошел далеко от пещеры, совершая обычные моления к Богу (он имел обыкновение, углубляясь в пустыню часто стадий на 50, а иногда вдвое дальше этого, удаляться от всякого общества челове-

ского, углубляться в себя, наедине беседовать с Богом и созерцать Божественную оную и неизглаголемую красоту).

Воспользовавшись отсутствием Иулиана, те, которые жили под надзором его, построили шалаш соразмерно с нуждою, но больше того, как им было велено. Возвратившись чрез десять дней от тех выпрених¹ созерцаний, как Моисей с горы, и увидев, что шалаш построен больше, чем он хотел, сказал: «Боюсь, братие, как бы, расширяя земные свои жилища, нам не уменьшить небесных, тогда как те — временны и на короткое время пригодны, а эти — вечны и не могут иметь конца». Сказал же это, руководя братий к высшему совершенству, а вину им простил, вняв слову апостольскому: «не ищу *своея пользы, но многих, да спасутся*» (1 Кор. 10, 33).

Он учил и братию приносить Богу псалмопение в келлии общее, а после зари по два удаляться в пустыню, и там одному, преклонив колена, приносить Богу подобающее поклонение, а другому стоя петь в это время пятнадцать Давидовых псалмов; потом, переменяв положение, одному стоя петь, а другому, припадши к земле, молиться; и это они делали постоянно с утра до сумерек. Пред закатом же солнца, отдохнув немного, одни — отсюда, другие — оттуда, — все со всех сторон сходились в келлию, и вместе воспевали Господу вечернюю песнь. Старец также имел обычай принимать кого-нибудь из лучших между братиею в соучастие в своей молитве.

¹ Высочайших.

Чаще всего сопровождал старца один муж, родом перс, имевший величественный и достойный удивления вид, но еще более удивительную душу. Имя ему было Иаков. Он и после смерти старца блистал всеми добродетелями, был знаменит и уважаем не только между своими, но и в училищах любомудрия в Сирии, где и умер, прожив, как говорят, сто четыре года. Он, будучи удостоиваем соучастия в песнопении великого старца в пустыне, следовал за ним издали, потому что учитель не позволял ему идти возле себя, дабы не было случая ко взаимному разговору, а разговор не отвлек бы ум от размышления о Боге.

Однажды, сопровождая старца, Иаков увидел величайшего дракона, лежащего на дороге. Увидев его, он не смел идти вперед, да и когда хотел от страха уклониться назад, колебался в мыслях. Потом, нагнувшись, взял камень, и, бросив им в дракона, приметил, что дракон оставался в прежнем положении без всякого движения. Уверившись, что дракон был мертв, он подумал, что смерть зверя была делом старца. По окончании пути и по совершении псалмопения, когда настало время отдохновения, старец, сядши сам, повелел также и Иакову дать малое отдохновение своему телу, — и сидел сначала молча; когда же начал какой-то разговор, то Иаков с кроткою улыбкою просил его объяснить непонятное явление. На вопрос, о чем ему хочется знать, Иаков отвечал: «Я видел величайшего дракона, распростертого на пути; сначала убоялся,

считая его живым, — узнав же, что он мертв, без боязни продолжал путь. Скажи же мне, отче, кто умертвил его. Ты шел впереди, а другой никто не проходил по этому пути». Старец отвечал: «Перестань любопытствовать о том, что не может принести никакой пользы для испытующих». Дивный Иаков продолжал настаивать, желая узнать истину. Наконец старец, усиливавшийся скрывать, будучи уже не в состоянии долее мучить любимца, сказал: «Я скажу тебе, если ты желаешь знать это; но заповедую тебе при моей жизни никому другому не говорить о том, что я тебе скажу; потому что нужно скрывать то, что часто возбуждает гордость и тщеславие. А когда я отойду из этой жизни и освобождусь от подобных страстей, тогда не запрещаю тебе говорить и рассказывать о силе Божией благодати. Знай же, — сказал великий Иулиан, — что зверь тот напал на меня на пути и открыл пасть с тем, чтобы поглотить меня; я же, призвав имя Божие и оградив себя крестным знамением, отгнал от себя всякий страх и увидел, что зверь тотчас же пал на землю; воздав славу Спасителю всех, я продолжал путь». Окончив рассказ и вставши, он возвратился в келлию.

Некоторый юноша благородного происхождения, воспитанный в неге, но имевший ревность о благочестии, превосходившую его силы, просил у старца позволения сопровождать его в пустыню не в обыкновенном, всеми совершаемом ежедневно путешествии, но в путешествии гораздо продолжительнейшем, продолжавшем-

ся иногда дней семь, а иногда и десять. Это был знаменитейший Астерий. Благочестивый старец отговаривал юношу, представляя, что в пустыне нет воды; но юноша не переставал умолять удостоить его такого благодеяния. Убежденный старец согласился на его просьбу. Юноша последовал за ним сперва с радостию; по прошествии же первого, второго и третьего дня, будучи палим солнечными лучами (потому что тогда было лето, а во время лета зной солнечный бывает нестерпим), он изнемогал, мучимый жаждою. Сначала он стыдился объявить о своем страдании, припоминая то, что предсказывал ему учитель; но, ослабев и совершенно изнемогши, просил старца сжалиться над ним. Старец, напомнив о своем предсказании, приказывал ему возвратиться назад. Когда же юноша сказал, что он ни пути, ведущего к пещере, не знает, да если бы и знал, не может идти, потому что от жажды силы его истощились, — человек Божий, сжалившись над страданием его и снисходя к слабости его тела, преклонив колена, молил Господа и горячими слезами оросил землю, прося спасти юношу. Господь, исполняющий желания боящихся Его и внемлющий молитвам их, упавшие в пыль капли слез обратил в источник воды. Юноша, напившись воды, получил от старца приказание тотчас же удалиться.

Этот источник сохранился и доныне, — как памятник молитвы благочестивого старца, подобной молитве Моисея. Ибо как Моисей в Ветхом Завете, однажды ударив жезлом по сухому

камню, извел из него потоки вод, дабы напоить много тысяч людей, изнемогавших от жажды, так и этот человек Божий, оросив слезами самый сухой песок, произвел источник воды, чтобы утолить жажду не многих тысяч людей, а одного юноши. Просвещенный Божиею благодатию, он весьма ясно провидел будущее назначение этого юноши, который спустя много времени, будучи Божественною благодатию призван руководить многих других к тому же совершенству, открыл подвижническую обитель в окрестностях Гиндара (селения близ Антиохии) и привлек к себе многих и различных подвижников любомудрия, и между прочими Акакия, мужа великого и знаменитого. Этот Акакий и между отшельниками отличался подвижничеством, и сиял светлыми лучами добродетели, когда удостоен был сана епископского и получил в управление Берию. Управляя вверенным ему стадом Христовым пятьдесят восемь лет, он не отстал от образа подвижнической жизни и умел совместить добродетели отшельнические с делами общественными, — к тем приложив больше старания, а эти располагая с предусмотрительным благоразумием, он сочетал воедино два эти дела.

Но проповедником таких добродетелей и руководителем в них был упомянутый Астерий, который всегда так любил великого старца Иулиана, что иногда по два раза, а иногда и по три раза в год предпринимал путешествие к нему. Отправляясь к нему, обыкновенно запасал

для братьев смокв, нагружая ими три или четыре воза. А две меры смокв, которых бы доставало старцу на весь год, собрав отдельно, возлагал эту ношу на свои плечи и нес, служа своему учителю. Нес же он эту тяжесть не десять и не двадцать стадий, а в продолжение семидневного путешествия.

Однажды увидев, что он несет мешок со смоквами на своих плечах, старец огорчился и сказал, что эти смоквы не будут употребляемы им в пищу, потому что несправедливо, чтобы Астерий переносил такой труд, а он спокойно трудом его пользовался. Когда же Астерий клялся, что не сложит тяжести с своих плеч, пока старец не согласится принять принесенную ношу, то старец сказал: «Исполню требование твое, только прежде сложи поскорее с плеч тяжесть». Здесь воспользовался старец случаем к подражанию апостолу Петру, который, когда Господь хотел умыть его ноги, сначала отрицался, торжественно утверждая, что этого не будет, но услышав, что он не будет иметь части с Господом, если не позволит умыть себе ноги, не только это допустил, но и просил умыть, вместе с ногами, и руки, и главу (см.: Ин. 13, 8–9). Так и славный Иоанн Креститель, когда Спаситель требовал, чтобы он крестил Его, сначала исповедовал свое рабство и в ищущем крещения указывал Господа, а потом исполнил приказание не по дерзновению, но из покорности Спасителю. Так-то и этот святой муж тяготился принять пищу, добытую трудом другого. Когда же увидел горячее усердие

оказавшего ему услугу, то предпочел эту услугу своей собственной воле.

Иной из людей, которые умеют только порицать доброе, может быть, сказал бы, что этот рассказ не заслуживал бы упоминания. Я же к другим чудесам присовокупил и это, с целию — не только показать уважение к Иулиану со стороны мужей известных, но и кротость и умеренность его нрава, считая полезным сделать известным и это. Он обладал столь высокою добродетелию, что по смирению не считал себя достойным даже малейшей почести и отвергал ее, как нимало не заслуженную им, но потом принял ее, как скоро увидел, что она может быть благотворна для принесших ее.

От почестей же убегая (ибо сделавшись всем известным, он молвою о себе привлек к себе многих ревнителей добродетели), Иулиан отправился к горе Синайской с немногими близкими к себе людьми, не проходя ни чрез города, ни чрез деревни, но совершая путь по непроходимой пустыне. На плечах братия несли необходимую пищу, то есть хлеб и соль, также деревянную чашу и привязанную к веревке грецкую губку, — затем, чтобы, если где воды достать было глубоко, опускать эту губку и, вынув, выжимать из нее воду в чашу и пить. Таким образом путешествуя много дней, они пришли к вожденной горе, и, помолившись Господу, пребывали там долгое время, считая величайшим для себя благом пустынное место и спокойствие души. Построив на этой горе (на которой Моисей, глава

пророков, удостоился видеть Господа, сколько то было ему возможно) церковь и жертвенник, сохранившийся и до сего времени, Иулиан возвратился в свой монастырь.

Когда Иулиан узнал об угрозах соименного ему злочестивого царя (так как Юлиан пред походом против персов грозил совершенно истребить христиан, и его единомышленники нетерпеливо ожидали его возвращения, после которого должна была совершиться угроза), — то дал Богу обет посвятить молитве десять дней, и во время молитвы услышал голос, говорящий, что нечистое и мерзкое животное погибло¹. Еще срок обета не кончился, но он тотчас же прекратил молитву, и молитву ходатайственную заменил псалмопением, воссылая благодарственное пение Господу — Спасителю Своих рабов и милосердому и всемогущему карателю Своих врагов. Господь явил весьма великое долготерпение к нечестивцу; когда же долготерпение Его довело злодея до крайнего нечестия, то Господь благовременно наказал его. Окончивши молитву и возвратившись к братии, Иулиан был весел и спокоен: спокойствие души делало лицо его веселым. Когда же братия удивлялись перемене его лица (будучи всегда печален, теперь казался он веселым) и спрашивали о причине этого, он сказал: «Братие, настоящее время есть время благодушия и радости; нечестивца, по слову Исаии, не стало, и дерзкие получили достойное

¹ Смерть Юлиана Отступника была открыта Дидиму и Иулиану Савве (*Никифор. Церковная история. Кн. 10, гл. 35*).

наказание; восстававший против Господа, Творца и Спасителя, получил достойное поражение от преследовавшей его руки. Поэтому-то я и радуюсь, видя, что преследуемые им церкви торжествуют, и отступник не получил никакой помощи от демонов, которых чтит». О такой гибели нечестивца имел таким образом Иулиан откровение.

Когда император Валент¹, наследовавший престол Римской империи после Юлиана, уклонившись от истины евангельских догматов, увлекся заблуждением Ария: тогда воздвигнуто было величайшее гонение против Церкви. Предстоятели церквей отовсюду были изгоняемы, а на места их поступали люди недостойные и злодеи. И дабы не рассказывать в настоящее время обо всей этой печальной истории, я все иное опушу, а упомяну только об одном, что ясно показало благодать Святаго Духа, обитавшую в старце — Иулиане².

Из Антиохийской церкви изгнан был великий Мелетий, поставленный Господом всяческих пасти ее, из храмов же Божиих изгнаны все клирики с единомысленным народом, чтившие Единое существо Божественной Троицы. Изгнанные, иные удалились в расселины гор и имели там свои священные собрания, иные же избрали местом молитвы крутой берег реки, бы-

¹ Император Валент (328–378). Был возведен старшим братом Валентинианом I в сан соправителя для Востока.

² Об этом гонении на Церковь см.: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 22.

вавший иногда местом для воинских упражнений и находящийся пред северными воротами города, потому что враги не позволяли всем православным сходиться в одном месте.

Питомцы лжи пронесли и распространили в этом городе молву, будто и знаменитый старец Иулиан держится догматов, проповедуемых ими. Православных особенно беспокоило то, как бы молва, обманув неопытных и простых, не завлекла их в сети еретиков. Но благочестивые и блаженные мужи Флавиан и Диодор, удостоенные рукоположения и управлявшие православным народом, — также Афраат, жизнь которого, при помощи Божией, я впоследствии изложу, — убеждали вышеупомянутого великого Акакия взять к себе в спутники знаменитого Астерия — своего учителя, ученика святого старца, и идти к общему светилу Церкви, к защитнику Евангельского учения, — просить его оставить жизнь пустынную и прийти на помощь к тысячам православных, погибающих от обольщения, и росою своего пришествия потушить арианское пламя.

Святой Акакий отправился, взяв с собою, как ему было заповедано, великого Астерия, пришел к великому светилу Церкви и, приветствовав его, говорил: «Скажи мне, отче, для чего ты с таким удовольствием принимаешь на себя весь этот труд?» И когда тот отвечал: «Служение Богу драгоценнее для меня и тела, и души, и жизни, и всего необходимого в жизни, и я стараюсь, по возможности, чистосердечно слу-

жить Господу и беспрестанно во всем угождать Ему», — Акакий сказал: «Я покажу тебе способ послужить Богу более, нежели сколько ты служишь теперь; и говорю это не по одному только своему соображению, но по наставлению самого Слова Божия. Господь, спросивший некогда Петра, любит ли он Его больше других, и узнав, о чем знал прежде ответа Петрова: *Ты веси, яко люблю Тя* (Ин. 21, 15), — показал ему, каким подвигом он угодит Ему больше. *Аще любиши Мя*, — говорит, — *паси агнцы Моя, паси овцы Моя*. Так, отче, нужно поступить и тебе: стаду угрожает опасность погибнуть от волков, а его крепко любит Тот, кто горячо любим тобою; любящим же свойственно делать приятное любимым. Иначе немалая угрожает опасность и вред твоим великим и многим подвигам, если ты равнодушно будешь смотреть, что истина так нагло угнетается, а поклонники ее оболяют, приманкою же к оболыщению их служит самое имя твое. Предводители Ариево богохульства бесстыдно разглашают, будто ты участвуешь в их нечестивом учении». Услышав это, старец советовал до времени быть покойными, а сам, давно уже не ходивший по городским площадям, отправился в Антиохию.

После двух или трех дней путешествия по пустыне он пришел ночью в некоторое селение. Здесь одна богатая жена, узнавши о прибытии этого святого мужа, пришла получить от него благословение и, павши к ногам его, просила остановиться для отдохновения в ее доме.

Старец согласился, несмотря на то, что более сорока лет не имел подобного случая. В то время, когда эта дивная жена прислуживала святым мужам, семилетний сын ее, единственный у матери, подобной по гостеприимству Сарре, вечером в темноте упал в колодезь. Когда же по этому случаю произошла, как и естественно было, тревога, — мать, узнав о несчастье, просила всех быть покойными, и, положивши крышку на колодезь, не переставала служить святым мужам. Приготовления к столу для святых мужей уже были кончены; в это время благочестивый старец приказал позвать сына жены для принятия благословения. Дивная жена сказала, что он болен. Старец настоятельно требовал привести его. Мать объявила о несчастье. Старец тотчас оставил трапезу, пошел к колодезю, велел снять с него крышку, — принести огня, и увидел, что дитя сидит на поверхности воды и по-детски рукою плескает ею; почитаемый за умершего занимался игрою. Привязавши одного человека к веревке и опустивши его в колодезь, вытащили дитя. Отрок тотчас пал к ногам старца, говоря, что он видел, будто он носил его по воде и не позволял ему утонуть. Вот какое вознаграждение получила дивная жена от блаженного старца за свое гостеприимство! Но умолчу о многом другом, случившемся во время этого путешествия. Путники пришли в Антиохию. Народ отовсюду стекался к ним, желая видеть человека Божия, и каждый надеясь получить от него уврачевание своей болезни: он жил в той самой расселине

горы, где, как говорят, обитал и укрывался святой апостол Павел. Но дабы все знали, что и он человек, вскоре случилась с ним сильнейшая горячка.

Великий Акакий, видя множество стекшегося народа и скорбя о жестокой болезни старца, подумал, что собравшиеся люди смутятся, если узнают о болезни мужа, от которого сами надеялись получить уврачевание своих болезней. Старец сказал ему: «Не смущайся. Если здоровье мое необходимо, Бог тотчас же и его даст». Немедленно после этих слов обратившись к молитве и, по обычаю, преклонив колена и голову к земле, просил Господа возвратить ему здоровье, если оно может принести какую-либо пользу собравшимся к нему. Еще не кончил он молитвы, — внезапно появившийся на теле пот угасил пламя горячки.

Исцелив здесь многих от различных болезней, он пошел в собрание православных. Когда он проходил под вратами царских палат, один нищий, лишенный употребления ног и ползавший по земле, протянув руку и прикоснувшись к его плащу, верою освободился от болезни, и, вспрыгнув, побежал так, как ходил до болезни, делая то же, что делал хромым, исцеленный апостолами Петром и Иоанном (см.: Деян., гл. 3).

После этого все народонаселение города стеклось, и место военного учения было совершенно наполнено собравшимся народом. Клеветники и изобретатели лжи покрылись стыдом, а любители истины были обрадованы и успокоены.

ны. Имевшие нужду в духовном врачевании понесли отсюда и в дома свои свет Православия. Некоторый же муж, занимавший важную должность и управлявший всем Востоком, прислал просить старца прийти к нему и исцелить его от болезни. Иулиан немедленно пришел к нему и, помолившись Господу всяческих, словом разрешил болезнь и повелел ему принести благодарение Господу.

Совершив здесь так много чудес, Иулиан решился наконец возвратиться в свою подвижническую келлию. Проходя чрез Кир — город, отстоящий от Антиохии на два дня пути, — он зашел во храм победоносца-мученика Дионисия¹. Тамошние предстоятели Православия, собравшись к нему, просили его оказать им помощь, при ожидании явной гибели. Они говорили, что некто Астерий², воспитанный в софистическом лжемудрии, перешедший в церковь еретическую и удостоившийся сана епископского, сильно защищает ложь и употребляет свое нечестивое искусство против истины. И мы опасаемся, продолжали они, чтобы он, прикрывая ложь красноречием, как бы какою приманкою, и расставляя сплетение силлогизмов, как бы какие сети, не обольстил многих из людей простых: для этого он и поставлен противниками. «Будьте бодры, — сказал старец, — помолитесь вместе со мною Богу, присоединив к молитве пост и подвиги».

¹ Речь идет о священномученике Дионисии Ареопагите, апостоле от 70-ти (†96). Память — 3/16 октября.

² См. о нем у *Никифора*. Церковная история. Кн. 8, гл. 23.

Когда они таким образом молились Богу, то в один день, пред наступлением великого праздника, в который защитник лжи и враг истины намерен был говорить слово, он поражен был свыше, и, поболев только день, изглажен из списка живых, услышав, как естественно было, глас: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе* (Лк. 12, 20), а яже уготовал еси злые сети и тенета тебе будут, а не другому.

Подобное случилось и с Валаамом¹, который был призван против народа Божия. Валак², замышлявший нечто недоброе против этого народа, сам был наказан, будучи поражен рукою израильскою. Так и Астерий, когда замышлял нечестивое против народа Божия, лишен был жизни чрез народ Божий. Такое-то спасение получил город Кир чрез молитву Иулиана!

Мне же то, о чем я повествовал, передала блаженная глава — великий Акакий, который все, относящееся к Иулиану, знал хорошо. Итак, отошедши отсюда и соединившись с своими собратиями, Иулиан провел между ними не малое время и очень спокойно перешел в жизнь нестареющуюся и беспечальную, приобретши в смертном теле бесстрастие и стяжавши упование на бессмертие тела. Окончив здесь повествование о нем, я приступлю к другому, моля святых, о которых повествую, чтобы они своим

¹ Прорицатель, ветхозаветный пророк, живший в эпоху сорокалетнего странствования евреев в пустыне. Отступив от Бога, превратился во врага Божия.

² Моавитский царь из Ветхого Завета; силился победить народ израильский с помощью Валаама.

предстательством низвели на меня вышнее благоволение.

3. Маркиан¹

Как нам достойно восхвалить знаменитейшего Маркиана²? Сравнить ли его с Илиею и Иоанном, которые прошли *в милотех, и в козях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных* (Евр. 11, 37, 38)? Он сначала имел своим отечеством Кир, о котором я упоминал прежде, потом — пустыню, а ныне, оставив то и другую, имеет Небо. Первый его родил, вторая воспитала и явила в нем победоносца, а третье приняло его увенчанным. Презрев знатность происхождения (он происходил от благородных родителей) и блеск пышного жилища, в котором процветал, получив от Творца природы великое и красивое тело и имея душу, украшенную светлым умом, всю любовь он перенес к Богу и к вещам Божественным.

Когда все советовали ему пользоваться доступными ему удовольствиями, он избрал в глубине пустыни холм и, устроив малую и несообразную с своим телом хижину, обнесши ее кое-какою небольшою оградой, заключился в ней навсегда, и, прекратив всякое сообщение с людьми, беседовал с Господом всяческих и вни-

¹ См. об нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26; — *Ксенофонт*. Кн. 11, гл. 41

² Память прп. Маркиана Кирского († ок. 388) — 18/31 января.

мал Его вожделенному гласу. Ибо, читая Слово Божие, думал, что он слышал самый Божественный глас, а молясь и принося прошения Господу, думал, что беседует с Господом; и наслаждаясь этим благом всегда, он не знал насыщения: он слышал Духа Божия, поющего чрез великого Давида, что тот, кто в законе *Его поучится день и ночь, и будет яко древо насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет* (Пс. 1, 2, 3).

Желая этих плодов, он с любовью принял на себя труд, и молитву сменял псалмопением, псалмопение — молитвою, ту и другое — чтением Слова Божия. Пищею у него был один хлеб, и притом определенная мера: мера же эта была такова, что она не могла удовлетворить потребности дитяти, недавно отнятого от сосцев матери. Рассказывают, что он фунт хлеба, разделивши на четыре части, назначал себе на четыре дня, и каждый день были еще остатки. У него было положено есть однажды в день вечером, и никогда не есть досыта, но всегда алкать, всегда жаждать, а телу доставлять только необходимое для жизни. Тот, говаривал он, кто после многих дней поста принимает пищу, во дни поста слабее совершает Божественные службы; а кто в тот день, в который позволено принимать пищу, употребляет более обыкновенного, тот отягощает чрево, отягощенное же чрево соделывает душу ленивою для бдения. Итак лучше, говорил он, принимать пищу каждый день, только никогда не до сытости. Постом для себя считал он постоянную

алчбу. Такие правила этот Божий человек полагал для себя, и, имея большой рост и бывши сам по себе виднее и красивее всех, довольствовался такою малою мерою пищи!

Несколько времени спустя он принял к себе двух сожителей: Евсевия, который сделался наследником его священной хижины, и Агапита, который пересадил его правила в Апамею¹. Здесь есть селение, называемое Ницертами, очень большое и многолюдное; в нем он устроил два весьма обширные училища любомудрия, из которых одно названо его именем, а другое именем дивного Симеона, который пятьдесят лет блистал своим любомудрием. В них даже доселе живет более четырехсот мужей, подвижников добродетели, поборников благочестия и ревностных искателей Неба. Законоположниками этого общества были Агапит и Симеон, принявшие правила от великого Маркиана. От этих училищ рассадились множество других, руководившихся теми же правилами подвижнических убежищ, которых невозможно и перечислить. Насадителем же всех их был благочестивый Маркиан. Ибо кто доставил прекрасные семена, тот, по справедливости, может быть назван виновником и хороших произрастаний.

Сначала он один, как я сказал, добровольно жил в той тесной хижине, да и после, когда принял еще двух, он не жил вместе с ними, потому что хижина, будучи чрезвычайно мала, недостаточна была даже для него одного и представляла

¹ О нем см. также: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 5, гл. 27.

ему много неудобств, стоял ли он или лежал. Он ни стоя в ней не мог выпрямиться, так как крыша давила ему и голову и шею, ни лежа не мог протянуть ног, так как хижина не имела длины, соразмерной его телу. И потому он велел братии построить для себя другую хижину, и самим по себе петь гимны, молиться и читать Божественное Писание. Когда же нашлось очень много участников в этом полезном предприятии, он присоветовал им вдаль выстроить новую хижину и желающим приказал в ней жить.

Начальствовал над ними Евсевий, который и перенес сюда учение великого Маркиана. А боголюбивый Агапит, навывший в подвигах и вполне наставленный в правила иноческой жизни, удалился, как я сказал, и рассеял семена, которые принял от богочестивой души — Маркиана, и таким образом сделался знаменитым и славным, так что удостоился первосвященнической кафедры, — ему поручено было пастырское попечение и вверена забота о своем отечестве.

Дивный же Евсевий, управляя собравшимся стадом, принял на себя труд наставника и один имел право наблюдать за своевременным приходом отлучающихся, да и на всё все испрашивали его воли. Он, пожелав посмотреть, что Маркиан делает ночью, осмелился приблизиться к окну, которое было весьма мало, и, наклонившись, увидел свет, не светильный и нерукотворный, но Богодарованный, свет Небесной благодати, сияющий над главою учителя. В руках Маркиан держал Библию и искал в ней нетленного сокровища.

вища Божественной воли. Увидевши это, дивный Евсевий объят был страхом и исполнился ужаса, узнал благодать, изливающуюся на своего учителя, и понял благоволение Божие к рабам верным.

В другой раз, когда великий Маркиан молился в преддверии своей хижины, дракон, всползши на стену, обращенную к востоку, на верхней части ее озирался и, смотря страшными глазами, угрожал опасностью. Евсевий, стоя вдали, ужаснулся этого страшного зрелища и, думая, что наставник не видит этого, указал ему, крича и умолая, чтобы он бежал. Тот с негодованием приказывал оставить робость (ибо всякая страсть опасна), изобразил перстом знамение креста, дунул устами и преодолел древнего врага. И змей духом уст, как бы каким-нибудь огнем объятый и сожженный, распался на многие части, подобно сожженной трости. Не замечаешь ли ты здесь некоторого подражания Господу в великом Маркиане? Ибо и Господь некогда, когда море угрожало опасностью судну учеников, видя их борющихся с опасностью, не прежде умирил ярость моря, как когда упреком утишил неверие учеников. Этому-то подражая, дивный тот муж сначала рассеял робость ученика, а потом уже зверя предал казни. Таковы мудрость, чудотворения и дерзновение великого Маркиана пред Богом!

Но, удостоенный столь великой благодати и обладая великою силою творить чудеса, Маркиан старался скрывать эту силу, подозревая

хитрости врага добродетели, который, внушая страсть гордости, усиливается похитить трудом собранные плоды. И, стараясь скрывать данную ему благодать, он только против воли творил чудеса, когда свет добродетели его обнаруживался и проявлял сокрытую в нем силу. Так однажды случилось вот что.

Один муж благородной фамилии, которому часто поручаема была должность предводителя войсками, удалившись из Бери и Сирийской, когда дочь его долгое время неистовствовала и бешенствовала, мучимая злым духом, приходит в пустыню и, будучи прежде знаком с великим Маркианом, надеялся, что он, ради прежнего дружества, примет участие в его положении и восшлет к Богу молитву. Но, обманувшись в надежде, не нашед случая к свиданию с рабом Божиим, он просил одного старца, который в это время прислуживал у Божия человека, принять сосуд, наполненный елеем, и поставить при самой двери хижины Маркиана. Старец многократно отказывался от этого поручения, но, так же многократно будучи упрашиваем, покорился просьбе. Великий Маркиан, чувствуя шорох, спрашивал, кто и по какой нужде пришел? Слуга, скрыв истинную причину, ложно сказал, что пришел с намерением узнать, не прикажет ли он чего-нибудь? И когда сказал это, то был выслан из келлии. На заре отец девицы просил возвратить ему сосуд; старец испугался, однако пошел, сколько возможно тихо, и, протянувши руку, взял сосуд и старался скрыться. Маркиан же

опять спросил, чего хочет пришедший. И когда сей сказал ту же самую причину, которую объявил вечером, Божий человек разгневался (потому что приход старца был сверх обыкновения) и приказал говорить правду. Старец испугался, смутился и, не могши скрыть от исполненного Божественной благодати, сказал, кто именно приходил, объяснил жестокость болезни и показал сосуд. Великий Маркиан по обыкновению вознегодовал, не имея желанья показывать свою добродетель; и пригрозив, что если в другой раз слуга решится на это, то будет лишен его сообщества и удален от служения (а эта потеря была весьма велика для тех, которые понимали полезное), и, — приказав отдать сосуд тому, кто принес, выслал его. Лишь только Маркиан приказал это сделать, изгоняемый из девицы демон, отстоящий от него на четыре дня пути, засвидетельствовал его силу. И Маркиан явился в Берии в качестве судии против демона, наказав его как бы чрез каких-нибудь палачей: душегубца этого изгнал, а чистую девицу освободил от его власти. Отец девицы уверился в этом совершенно. Когда он возвращался и был от города в нескольких стадиях, его встретил один из рабов, высланный госпожою в поле. Увидевши господина, он принес ему весть о случившемся чуде, говоря, что это чудо совершилось назад тому четыре дня. Рассчитавши дни и в точности исследовав время, господин узнал, что оно было то самое, в которое старец вынес сосуд. Я теперь беру в рассуждение, чего не сделал бы сей вели-

кий муж, если бы захотел чудодействовать. Ибо если и стараясь скрыть благодать, которую получил, он явил такой блеск, то какого бы чуда он не сотворил, если бы захотел?

Точно так же и духовную свою мудрость Маркиан не всем показывал, даже и тогда, когда после праздника спасительных страданий и Воскресения Господня он позволял входить к себе желающим: в это время действительно все старались его увидеть. Однажды, собравшись вместе, пришли к нему первые из архиереев, знаменитые своими добродетелями: Флавиан великий, поставленный пасти церковь Антиохийскую, благочестивый Акакий, о котором упоминал я и прежде, Евсевий, епископ Халкидонский, и Исидор, которому вверено было тогда управление церковью Кирскою. С ними пришел и Феодот, Иерапольский предстоятель, сияющий аскетическою жизнью и кротостию. Пришли некоторые и из людей знаменитых и важных, ревновавших о вере.

Когда все они сидели в молчании и ожидали его блаженного гласа, он и сам долго сидел молча, не отверзая уст, но имея отверстым слух; в это время некто из сидящих, любимый им за попечение о своей душе и сияющий другими достоинствами, сказал: «Отче, все сии блаженные отцы жаждут твоего наставления и ожидают сладостного твоего слова; доставь же всем присутствующим пользу и не преграждай токов благодаяния». Маркиан, тяжело вздохнув, сказал: «Господь всяческих каждый день говорит

чрез творение, беседует и чрез Божественныя Писания, внушает то́, что до́лжно, показывает полезное, устрашает угрозами, ободряет обещаниями, — и мы не получаем никакой пользы: каким же образом принесет пользу словом своим Маркиан, который вместе с другими пренебрегает такими благодеяниями и не хочет извлечь из них никакого плода?» Этим у отцов возбуждены были многие речи, поместить которые в истории я почел излишним.

Я хочу прибавить к этому другое повествование, свидетельствующее о чудном ведении Маркиана. В другой пустыне некто Авит первый устроил подвижническую келлию. Эта пустыня была севернее той и даже уклонялась несколько на восток, по направлению ветра северо-восточного. Он и по времени и по подвигам был старше Маркиана, муж любомудрый, воспитанный в строгих подвигах. Узнавши о прославляемой повсюду добродетели Маркиана и считая свидание с ним полезнее всякого покоя, он поспешно пошел посмотреть того, кого желал. Великий Маркиан, узнавши о его пришествии, отверз дверь, принял его и приказал дивному Евсевию сварить, если есть, бобов и репы. Когда они насладились взаимною беседою и узнали добродетели друг друга, то в час девятый вместе совершили молитвословие; а Евсевий вошел к ним, неся кушанье и хлеб.

Великий Маркиан сказал благочестивому Авиту: «Поди сюда, возлюбленнейший мой, и вкусим вместе от этой трапезы». Он же отве-

чал: Не помню, чтобы я когда-нибудь принимал пищу прежде вечера, а часто даже сряду по два и по три дня провожу без пищи». Великий Маркиан сказал: «Ради меня измени ныне свое обыкновение, потому что я, имея болезненное тело, не могу дожидаться до вечера». Когда и этими словами он не убедил чудного Авита, то, говорят, вздохнул и сказал: «Я очень беспокоюсь и душевно мучусь тем, что ты предпринял такой труд, чтобы увидеть человека трудолюбивого и любомудрого, а увидел корчемника и человека невоздержного». Но когда чудный Авит опечалился этими словами и сказал, что для него приятнее было бы употребить мяса, чем услышать это, тогда великий Маркиан сказал: «И мы, любезный, проводим жизнь подобно тебе, держимся того же порядка подвижничества, предпочитаем труды покою, пост ценим выше пищи и принимаем ее обыкновенно при наступлении ночи; но вместе знаем, что дело любви дороже поста. Первая есть дело Божественного законоположения, последний же — нашего произволения. Но Божественные законы должно уважать гораздо более трудов, предпринимаемых нами по собственной воле».

При таких взаимных разговорах, приняв немного пищи и восхвалив Бога, они прожили вместе три дня и разлучились телом, но не духом. Итак, кто не подивится мудрости этого мужа, по которой он знал и время поста, и время любомудрия, и время братолюбия, и различие отдельных добродетелей, какая какой должна

уступать и какой по временам предоставлять преимущество?

Я знаю и еще одно повествование, показывающее его духовное совершенство. Пришла к нему из отечества сестра его с своим сыном, который имел возраст мужеский и был начальником в городе Кире, и принесла ему в изобилии необходимого для жизни. Сестру он не допустил видаться с собою, племянника же принял, потому что то было время, определенное у него для свидания. Когда же они просили его принять, что было принесено, он спросил, чрез сколько монастырей они прошли и сколько кому уделили из этого? И на ответ племянника, что они нигде ничего не дали, он сказал: «Отойдите же с тем, что принесли. Мы ни в чем этом не нуждаемся, да если бы и нуждались, не приняли бы, потому что вы захотели облагодетельствовать нас этим по чувству естественного родства, а не по усердию к священному долгу. Если бы вы уважали не одно только родство, то не нам одним отдали бы то, что несли». Сказав это, он отослал племянника с сестрою, приказав, чтобы ничего даже самого малого не было принято из приношений их.

Живя таким образом выше естества, Маркиан переселился в жизнь небесную. Кто представит более яснейшее доказательство на то, что он был достоин Бога, по слову Самого Бога? Ибо Господь сказал: «Кто не оставит отца и матери, братьев и сестер, жены и детей, *несть Мене достоин*» (Мф. 10, 37). Если же неоставляющий недостоин, то очевидно, что Маркиан, оставив-

ший и притом сделавший это с совершеннейшею точностию, был вполне достоин Бога.

Сверх того, я удивляюсь его ревности о Божественных догматах. Он возгнушался безумия Ария, усилившегося в то время под покровительством царя. Презрел равным образом и сумасбродство Аполлинария. Мужественно боролся и с единомышленниками Савеллия, сливающимися Три Ипостаси в одну. Совершенно отвращался и так называемых евхитов, которые под видом благочестия страдали манихейством. Он имел столь горячую ревность о догматах церковных, что вступил в справедливый спор с одним достоуважаемым и дивным мужем.

В той же пустыни был некто старец Авраам, который имел старческие волосы и еще более старческий разум, — сиял всякою добродетелию и постоянно проливал слезы сокрушения. Он сначала по одной простоте держался прежнего обычая в совершении Пасхи: не зная, как видно, что касательно этого положено правилом Отцами в Никее, он продолжал соблюдать древний обычай своего места. В то время и многие другие страдали тем же невѣдением. Великий Маркиан много раз многими убеждениями старался привести старца Авраама (так называли его туземцы) в согласие с Церковию. Увидев же его непреклонным, он открыто прервал с ним общение. Но благочестивый Авраам, спустя несколько времени, пренебрегая бесчестьем и дорожа согласием в совершении праздника, искренно воспел: *Блаженни непорочнии в путь, ходящии в законе Господни*

(Пс. 118, 1). Этот прекрасный поступок его был плодом вразумлений великого Маркиана.

Многие во многих местах устроили для Маркиана молебные дома, как то: в Кире — племянник Алипий, в Халкидоне — некая Зиновияна, славная своим происхождением, отличающаяся добродетелию и весьма богатая; и многие другие сделали то же, стараясь к себе привлечь этого победоносного борца. Человек Божий, узнавши об этом, призвал дивного Евсевия, обязал клятвою, чтобы он положил его тело в тайном месте и чтобы никто не знал о его гробе, кроме двух ближайших его сожителей, до тех пор, пока пройдет значительное число лет. Достоюваемый Евсевий исполнил это завещание.

Когда пришел конец победоносца и лик Ангелов перенес его святую и блаженную душу в обители небесные, он не прежде объявил о кончине, как, вместе с теми двумя его любимцами вырыв могилу, похоронил тело и сравнял поверхность земли; так что и по прошествии пятидесяти лет или более, когда собралось бесчисленное множество народа и отыскивало тело, могила осталась неизвестною. Впоследствии уже, когда каждый из вышесказанных молебных домов принял — иной останки апостолов, другой — мучеников, наследники хижины Маркиана уже смело, приготовив каменную гробницу, переложили в нее останки драгоценного тела его, когда один из тех трех, оставшийся в живых, указал могилу.

Ревнитель его добродетели, дивный Евсевий старался изнурять свое тело многими трудами.

Нося постоянно сто двадцать фунтов железа, он наложил на себя еще пятьдесят, принадлежавших дивному Агапиту, и к этому присоединил еще восемьдесят фунтов, оставшихся после великого Маркиана. Он обитал на одном озере, не имеющем воды, и проводил такую жизнь три года.

Я дошел до этих слов с тем, чтобы показать, каких других великих добродетелей был насадителем великий Маркиан. Любомудрием его воспользовался и дивный Василий, который спустя много времени возле Селевковил (это был город в Сирии) устроил иноческую обитель и который славился многими видами добродетели, преимущественно же боголюбезною любовью и божественною добродетелию страннолюбия. Сколь многих этот Василий представил Богу *делателей*, говорю словами апостола, *не постыдна, право правяща слово истины* (2 Тим. 2, 15), кто бы легко перечислил?

В настоящее время я умолчу о других, хотя и достойных похвалы, чтобы не сделать длинным своего повествования, а упомяну об одном только из них. Был некто его ученик — его звали Савином, — который изнурял тело бесчисленными подвигами. Он не употреблял ни хлеба, ни других каких-либо снедей, но ему пищею служила мука, смоченная водою. Пищу такую он смешивал обыкновенно в один раз на целый месяц, чтобы она, заплесневши, издавала неприятный запах. Этим родом пищи он хотел ослабить пожелания плоти, а неприятным запахом отнять сладость у пищи. Живя сам по себе таким образом, он, если

кто приходил к нему из знакомых, принимал в пищу то, что отложено было неиспорченного.

Свыше же он получил такую благодать, что к нему из Антиохии приходила одна жена, знатного рода и весьма богатая, и просила его помочь ее дочери, мучимой злым духом. Она говорила, что видела во сне кого-то, кто ей и приказал сюда прийти и молитвами настоятеля обители сей получить спасение своей дочери. Когда же тот, кто передавал ответы настоятеля, сказал, что он не имеет обыкновения разговаривать с женщиною и жена со слезами и рыданием усиленно умоляла и настаивала, тогда вышел настоятель обители; но женщина говорила, что это — не он, и просила, чтобы ей показали другого, красноватого. Когда таким образом догадались, кого она ищет (а он был третий в обители, а не первый), попросили его и привели к женщине; и как скоро она увидела лицо Савина, злой дух, возопив, оставил девицу. Таковы-то были дела учеников великого Маркиана! Такие-то растения повсюду насадил отличный садовник! А я опять, оканчивая и это повествование, прошу и умоляю, да по молитвам всех их получу Божественную помощь.

4. Евсевий¹

В прежних повествованиях мы уже показали, какие плоды, полные и зрелые, приятные

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26; — *Созомен*. Церковная история. Кн. 6, гл. 3; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

для садовника и для благомыслящих людей любезные и возжеленные, принесла Богу бесплодная пустыня. Но дабы кто не подумал, что добродетель зависит от места и что одна пустыня способна доводить до такой добродетели, мы перенесем теперь слово к местам населенным и покажем, что и они не заключают в себе ни малейшего препятствия для приобретения любомудрия.

Есть высокая гора, лежащая к востоку от Антиохии и к западу от Берии; по верхней своей части она имеет фигуру, похожую на конус; по высоте своей превышает все окружающие ее горы, так что от высоты она получила и название. Ибо окрестные жители обыкновенно называют ее Корифом (κορυφή — вершина). На самой вершине ее издревле был бесовский храм, очень уважаемый окрестными жителями. На южной стороне расстилается заливообразная равнина, окруженная с обеих сторон не очень высокими холмами, которые проходящим и проезжающим с юга на север затрудняют предлежащий им путь. В этой равнине рассеяны малые и большие селения, окруженные со всех сторон горами. При самой подошве высокой горы есть весьма обширное и многолюдное селение, которое туземцы на своем наречии называют Теледа (τελεδαῖν). На одной части вершины ее есть лесистый холм, не очень крутой, но несколько покатый, обращенный к тому селению и на юг. Здесь-то устроил жилище любомудрия некто Аммиан, муж славный и многими другими добродетелями, но осо-

бенно превосходивший других кротостию. Вот этому доказательство.

Хотя у него достало бы учения не для собственных только учеников, и он мог бы удовлетворить даже и вдвое большему числу других, однако он ходил часто к великому Евсевию¹, умолял его принять участие и быть наставником и учителем в основанном им училище. А Евсевий отстоял от него на 25 стадий и жил в хижине очень тесной и не имеющей окон. Довел его до такой добродетели Маркиан, его дядя, *верный слуга Божий*. Этого достаточно сказать о нем, когда Господь сим именем почтил и великого Моисея.

Этот Маркиан, вкусив Божественной любви, не хотел один наслаждаться благами ее, но соделал и многих других соучастниками себе, привлек к себе великого Евсевия и его брата и по рождению, и по жизни; потому что он считал неблагоразумным привлекать к добродетели не связанных с ним никакими узами родства, а сродников оставлять без внимания. Обоих их поместив в одной тесной хижине, учил их образу жизни ангельской. Но приключившаяся брату болезнь пресекла ему этот путь, а за болезнию последовала и смерть. Ибо он, проживши немного дней после того, как вышел из означенной хижины, окончил жизнь.

Великий же Евсевий пробыл здесь во всю жизнь дяди, ни с кем не разговаривая и не видя

¹ Прп. Евсевий, пустынный Сирийский († V). Память — 15/28 февраля.

света, но постоянно заключенный. После его смерти он проводил такую же жизнь до тех пор, пока оный дивный Аммиан, употребивши многие просьбы, спросил: «Скажи мне, любезный, кому, ты думаешь, приятно, что ты избрал такую трудную и суровую жизнь?» И когда Евсевий, как должно было, отвечал: «Богу, законоположнику и учителю добродетели», — тогда Аммиан сказал: «Поелику ты любишь Его, я покажу тебе путь, по которому ты воспламенишься еще более любовью и усерднее будешь служить Тому, Кого любишь. Ибо кто все попечение обращает на себя самого, тот, как я думаю, не избегнет укоризны в самолюбии. Закон Божественный повелевает любить ближнего, как себя самого. А дело и долг любви — допускать многих к общению в своем богатстве. Божественный Павел называл любовь *исполнением закона*, и далее он говорит, что *закон в едином словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего, якоже себе* (Гал. 5, 14); и Господь во святом Евангелии повелел Петру, обещавшемуся любить Его более других, пасти Его овец, и, укоряя не делавших этого, чрез пророка вопиет: *оле пастыри Израилевы, еда пасут пастыри самих себе, не овец ли пасут пастыри?* (Иез. 34, 2.) Посему Он повелел и великому Илии, проводящему такую жизнь, обращаться среди нечестивых. И другого Илию, святого Иоанна, жившего в пустыне, Он послал на берега Иордана, повелев там проповедовать и крестить. Итак, поелику ты горячо любишь сотворившего тебя и спасшего Бога, то приготовь

Ему с собою и многих других любителей. Это Господу всяческих весьма приятно. Почему Он и Иезекииля назвал стражем и повелел Себя призывать во свидетели пред грешниками. Ионе приказал идти в Ниневию, и когда он не хотел, послал против воли».

Сими и подобными словами убедив благочестивого мужа, Аммиан, с его согласия, прокопал его темную келлию, вывел и отвел его к собратии и поручил ему попечение о них. И я не знаю, чему мне больше удивляться — кротости ли одного, или послушанию другого? Ибо Аммиан избегал власти, удалялся опасности начальствования и хотел лучше быть послушником. А великий Евсевий, хотя в продолжение долгого времени убегал от сообщения с людьми, послушался, однако ж, убеждений Аммиана. Уловленный сетями любви, он принял попечение о стаде и управлял обществом людей, не нуждаясь для наставления их в обильных речах, потому что ему достаточно было только показаться, чтобы и самого ленивого побудить к усердному шествию по пути добродетели. Видевшие его говорят, что он постоянно имел взгляд важный, которого довольно было для того, чтобы возбудить страх в смотревших на него.

Сам он принимал пищу чрез три и четыре дня, а сожителям позволял принимать чрез день. Он повелевал им постоянно беседовать с Богом и не оставлять никакого времени свободным от этого занятия — то совершать общие определенные службы, то, в промежуток между ними,

поодиночке, под тенью какого-нибудь дерева, или на какой-нибудь скале, и всюду, где бы кто ни уединился, стоя или лежа на земле, молиться Господу и искать себе спасения. Таким образом он каждую часть тела приучал к добродетели, так чтобы все они делали только то, что повелевает разум. Чтобы представить это очевидным для всех, упомяну об одном из существующих о нем повествований.

Он и дивный Аммиан сидели однажды на скале; он читал Божественное Евангелие, а Аммиан объяснял смысл неясных мест. Некоторые из окрестных жителей возделывали землю в близлежащей долине; великий Евсевий развлекался этим зрелищем. Дивный Аммиан, прочитавши из Евангелия одно место, спрашивал объяснения. Великий Евсевий приказывал повторить чтение. И когда Аммиан сказал: «Должно быть, ты не слыхал, потому что занялся возделывающими землю», тогда Евсевий положил правило для глаз, чтоб никогда не смотреть на это поле, не останавливаться ни на красоте небесной и ни на хоре звезд, но назначил себе весьма узкую тропинку (которая, говорят, мерою была в пядень), ведущую в молитвенный дом, и вне ее уже не позволял себе ходить.

Говорят, что он жил по этому правилу более сорока лет. А чтобы, после такой его решимости, какая-нибудь необходимость не увлекла его к тому же, он наложил на поясницу железный пояс и надел на шею цепь весьма тяжелую, и железный пояс соединил также железом с цепью

шей, чтобы, согбенный таким образом, он по необходимости постоянно смотрел в землю. Столь великому наказанию он подверг себя за то, что посмотрел на тех соседей!

Мне об этом рассказывали и многие другие, писавшие его историю и хорошо знавшие все, относящееся к нему; но то же самое повествовал о нем и старец великий Акакий, о котором я прежде упоминал в других повествованиях. Акакий говорит, что однажды увидев Евсевия согбенного, он спросил: какую пользу думает он получить из того, что не позволяет себе смотреть на небо, ни даже смотреть на близлежащее поле и не позволяет себе ходить другим путем? Евсевий сказал: «Такую хитрость употребляю я против хитрости лукавого демона. Чтобы диавол не искушал меня чем-нибудь важным, — пытаюсь похитить целомудрие и справедливость, возбуждая гнев, возжигая похоть, стараясь воспламенить гордость и надмение, и многое другое направляя против моей души, — я стараюсь обратить нападение его к этим незначительным вещам, в которых и одержав победу, не много приобретает прибыли, и будучи побежден, терпит большее посрамление, так как не мог преодолеть даже в мелочах. Такую войну я считаю безопаснее, потому что не много вреда получает тот, кто вовлечен в нее. Ибо какой вред посмотреть на поле или устремить взоры к небу? На это-то я и перенес войну, потому что здесь он не может ни сокрушить, ни погубить меня. Не смертоносны те стрелы, которые не имеют же-

лезных оконечностей». — Это, говорит великий Акакий, слышал он от самого Евсевия и подивился его мудрости, воинственному мужеству и опытности. Почему, как достойное удивления и воспоминания, желающим знать подобное, он предложил и это повествование.

Такая слава Евсевия, распространившись повсюду, привлекла к нему всех любителей добродетели. Пришли агнцы прекрасного стада дивного старца Иулиана, историю которого мы изложили прежде. Когда сей дивный муж, достигши конца жизни, перешел в жизнь небесную, пришли к великому Евсевию Иаков Персиянин и Агриппа, предстоятели того стада, признав лучшим быть под хорошим управлением, чем управлять.

Что до Иакова, о котором и прежде уже упоминал, показывая его добродетель вообще, то я теперь представляю ясное доказательство его высокого любомудрия. Богочестивый Евсевий, отходя от сей жизни, поручал ему начальствовать над своим стадом, но он решительно отказался от этой заботы, хотя все желали быть под его попечением, пришел в другое стадо, желая лучше пастися, чем пасти, и, прожив там много времени, окончил таким образом настоящую жизнь.

Итак, то начальство принял Агриппа, муж, украшенный и многими другими добродетелями, и в особенности чистотою душевною, ради которой удостоился созерцать красоту Божественную и, пылая огнем любви к ней, непрестанно орошал свои ланиты слезами. Когда и он, долгое время мудро управляя тем избранным

Божиим стадом, окончил жизнь, тогда принял начальство боголюбивый Давид, которого и я удостоился видеть, муж истинно *умертивший*, по слову святого апостола, *уды... яже на земли* (Кол. 3, 5). Ибо он так воспользовался учением великого Евсевия, что прожил в том училище сорок пять лет, — и все это время прожил без ропота и гнева. Да и когда он был начальником, никто никогда не видел его побежденным этою страстию, хотя, конечно, чрезвычайно много было случаев, вынуждающих к тому.

Сто пятьдесят мужей пасомы были под его десницею; из них одни были совершенны в добродетели и подражали жизни ангельской, а другие, едва оперившись, учились только с быстротою перелетать по земле и подниматься кверху. И, несмотря на то, что столь много было учащихся Божественному и, конечно, в чем-либо погрешающих (ибо невозможно недавно вступившему все исполнять точно), — этот боголюбивый муж пребыл неизменным, как будто он был существо бестелесное и как будто не было никакого случая, который мог бы возбудить его ко гневу. Об этом я узнал не только по слуху, но и по опыту.

Некогда, пожелав посмотреть то стадо, я отправился, имея и других сообщников в путешествии, любящих жизнь, подобную моей. Прожив у этого боголюбивого мужа целую неделю, мы не видали никакой перемены в его лице: оно не покрывалось ни радостью, ни угрюмостью, и взор постоянно был одинаков — не суровый и не смеющийся, но в глазах всегда была одна и та же

скромность. Это уже довольно доказывает спокойствие его души. Но, может быть, кто-нибудь подумает, что мы видели его таким тогда, когда не было никакой причины к смущению. Посему я считаю необходимым рассказать, что там случилось при нас.

Сидел дивный Давид с нами, беседуя о любомудрии и исследуя сущность евангельской жизни. Когда происходила между нами такая беседа, некто Олимпий, по происхождению римлянин, по образу жизни достойный уважения, почтенный саном священства и по управлению занимающий второе место, пришел к нам и упрекал дивного Давида, говоря, что кротость его вредна для всех, и называя его снисходительность общим злом, а его возвышенное любомудрие не кротостию, но безумием.

Он же, как будто имея адамантовую душу, принял слова его так, что нисколько не оскорбился, хотя слова эти по самому свойству своему были колки: не изменился в лице и не прервал текущего разговора, но кротким голосом и словами, выражающими спокойствие души, отослал того старца, обещая ему поправить то, чего он хочет. А я, сказал Давид, как видишь, беседую с пришедшими к нам, считая это необходимою своею обязанностию. Каким иным образом можно лучше показать кротость души? Тот, которому вверено было первенство, перенесши такую дерзость со стороны занимающего второе по нем место, притом в присутствии посторонних, слышащих укоризны, не потерпел никако-

го смущения от гнева, — какую он показал здесь высоту мужества и терпения!

И Божественный Павел, принимая в рассуждение слабость человеческой природы, соразмеряет законоположение с природою, говоря: *гневайтесь и не согрешайте: солнце да не зайдет в гневе вашем* (Еф. 4, 26). Ибо, зная естественные, а не произвольные движения гнева, он не хочет законополагать того, что весьма трудно, даже почти и невозможно; но возмущению природы и буре гнева он назначает пространство дня, повелевая обсудить дело разумом и как бы уздою обуздать гнев, не позволяя ему выйти далее пределов. А сей боголюбивый муж подвизался свыше предложенных правил и перешел далее назначенных пределов, не позволив себе не только до вечера возмущаться гневом, но и даже сколько-нибудь смутиться. И все это приобрел он от сообщества с великим Евсевием.

Видел я в том убежище и многих других любителей и ревнителей этого любомудрия, и цветущих телом, и глубоко престарелых. Ибо и люди, прожившие более девяноста лет, не хотели оставить той трудной жизни, но отличались подвигами юности, повсенощно и вседневно прославляя Бога и совершая святые службы, а скудную пищу принимая чрез два дня. Я молчу о других, хотя не молчания достойных, но всяких похвал и прославлений, дабы не сделать повествования чрез меру длинным. Был некто в том боголюбезном убежище, — его зовут Аввою, — который хотя произошел от измаилитского корня, не удалился, однако ж, от

дома Авраамова, но вместе с Исааком соделался участником в отеческом наследстве, или, лучше сказать, восхитил самое Царство Небесное.

Первоначально он изучал образ подвижнической жизни у одного, жившего тогда в пустыне, отличного наставника в этом деле, — имя ему было Мароза[с]¹. Впоследствии и сей, оставив начальство над другими, присоединился к одному стаду с Аввою, пережил его немалым временем и, свято подвизаясь и сделавшись славным, отошел от жизни. Авва прожил уже здесь 38 лет, всегда так желая трудиться, как будто только что начинал трудиться. И до настоящего дня никогда он не покрывал ног обувью, изумительно выдерживал и холод во время мороза, и зной солнечный во время жары.

Казалось, для него все равно, веял ли на него прохладный ветерок, или падали палящие лучи солнца. В пору жары он не позволял себе вкушать воды и ел не то, что обыкновенно употребляют старающиеся предупреждать жажду (такие обыкновенно употребляют пищу влажную), а употреблял пищу всегда одинаковую, понемногу, и притом выбирая по преимуществу то, что менее питательно, — употребление же воды почитал излишеством. Опоясав спину тяжелым железом, он редко садился, но большую часть дня и ночи, стоя или преклонив колена, приносил Господу молитву, — а в возлежании на одре он совершенно себе отказывал.

¹ См. о нем: *Созомен*. Церковная история. Кн. 6, гл. 34; — и *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

До сего дня никто никогда не видал его лежащим, но, сделавшись главою общества и согласившись в нем быть начальником, он сам усердно нес весь труд, представляя себя образцом любомудрия для всех своих послушников.

Таких победоносных подвижников представил Богу боголюбивый Евсевий, руководитель и наставник в такого рода подвигах! И очень многих других таковых он воспитал и разослал их в другие училища учителями благочестия, так что они наполнили всю ту священную гору подобными божественными пастбищами и благовонными цветами. Ибо кроме подвижнического убежища, основанного им сначала на востоке, можно видеть отрасли этого любомудрия на западе и на юге, сияющие, как звезды около луны: одни из живущих в этих местах прославляют Творца на греческом языке, другие на том, на котором говорят местные жители. Но я взялся бы за невозможное, если бы решился исследовать все, что сделано боголюбивым Евсевием. Поэтому, здесь положив конец повествованию о нем, обратимся к другому, и здесь опять будем искать такой же пользы, испрашивая благословение у этих великих мужей.

5. Публий¹

В то же время был некто Публий², красивый по наружности, который имел и душу сообразную с наружностью, или, лучше сказать,

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, 41.

² Память прп. Пуплия (Публия) († IV) 5/18 апреля.

еще более благолепную, чем тело. Происхождения он был знатного; родился в том городе, где знаменитый Ксеркс, во время войны с Грециею, желая перейти с войском реку Евфрат, собрал множество кораблей, соединил их друг с другом и построил таким образом на реке мост, а потом назвал это место Зеигма (Ζεῖγμα), дав по этому событию то же название и городу.

Родившийся здесь и происшедший от знатного рода, Публий избрал одно возвышенное место, отстоящее от города не более как на тридцать стадий. Здесь, построив себе маленькую хижину, он раздал все, что получил от отца, то есть дом, имение, стада, одежды, сосуды, как серебряные, так и медные, и все, что имел другого. Раздав все это, кому, согласно с требованием Божественного закона, должно было, и освободив себя от всякой заботы земной, принял на себя, вместо всего, одну заботу о служении Тому, Кто призвал его к Себе, и постоянно хранил ее в душе, ночью и днем занятый ею, стараясь ее усугубить. Посему подвиг у него непрестанно возрастал, увеличивался и усиливался с каждым днем и был для него сладостен и полон удовольствия, так что он никогда не мог им насытиться.

Никто никогда не видал, чтобы он хоть самую малую часть дня проводил в праздности, но за псалмопением у него следовала молитва, молитву сменяло псалмопение, после той и другого он обращался к чтению Божественных Писаний; затем следовало попечение о приходящих

посетителях, потом уже — какие-нибудь необходимые занятия домашние.

Проводя такую жизнь и представляя в себе ищущим примеров для подражания образец добродетели, он, как бы какая-нибудь громогласная птица, многих подобных себе по природе привлек в сети спасения. Сначала, однако ж, он не позволял никому жить вместе с собою, а устроив вблизи к своей другие небольшие хижинки, каждому из приходящих приказывал жить поодиночке; сам часто посещал их хижины и наблюдал, не скрывал ли кто чего-нибудь сверх нужды.

Говорят, что он носил с собою весы и внимательно взвешивал количество хлеба, и если где-нибудь находил более определенного, то негодовал и называл чревоугодниками тех, которые это делали. Он завещавал и в пище и в питии не заботиться о насыщении, а употреблять лишь столько, сколько необходимо телу для поддержания жизни. Если же усматривал когда, что кто-нибудь употреблял тайно хранимые отруби пшеничной муки, то делавших это укорял в самоугоднической роскоши. Приходил нечаянно ночью к двери каждого, и если находил кого бодрствующим и славословящим Бога, то опять уходил молча; если же кого заставлял спящим, то рукою ударял в дверь, а словом укорял его, как работающего телу более надлежащего.

Некоторые из разделявших с ним его убеждения и правила, рассуждая, как должен быть для него тяжел подобный труд, советовали ему

устроить для всех одно жилище, говоря, что те, которые теперь живут исправно, тогда будут жить исправнее, и он освободится от значительной части труда. Мудрый Публий принял этот совет: собрав всех вместе и разорив малые те хижины, он построил одну для всех собравшихся к нему, прося их жить вместе и друг друга поощрять к добродетели, чтобы этот подражал кротости того, а тот умерял кротость этого своею ревностью, — кто подаст собою пример бдительности, тот учился бы у других посту. Заимствуя, говаривал он, друг от друга то, чего у нас нет, мы достигнем большего совершенства в добродетели. Как на городских рынках один продает хлеб, другой — зелень, иной торгует одеждами, иной prepares обувь, и все, заимствуя друг от друга что кому нужно, живут с полным удобством (потому что кто уступает другому одежду, вместо нее берет себе обувь, и покупающий зелень продает хлеб), так и нам должно обмениваться взаимно многоценными видами добродетели.

Когда братия, по происхождению греки, говорившие одним языком, подвизались таким образом, преуспевали в добродетелях и славословили Бога на своем языке, возродилась к порядку этой жизни любовь и у местных жителей, говоривших на своем наречии: некоторые из них пришли к Публию и просили его допустить их в его стадо и сделать участниками в его святых наставлениях. Он согласился на просьбу их, памятуя законоположение Господа, которое Он

дал Своим апостолам, говоря: *шедше научите вся языки* (Мф. 28, 19); и, построив вблизи того другое жилище, приказал им жить там.

Соорудил священный храм, в который, в начале и в конце дня, приказал и тем и другим сходитьсь вместе и приносить Богу вечернее и утреннее славословие, разделившись на две стороны и совершая песнопение попеременно то на том, то на другом языке. Это установление сохранилось там доселе: ни время, изменяющее подобные вещи, не переменило его, ни преемники служения Публиева не решились отменить что-нибудь в учрежденном им порядке, хотя его начальство преемственно принимали не двое или трое, но очень многие.

Вслед за тем как Публий, совершив свое поприще, отошел отселе и перешел в беспечальную жизнь, приняли начальство над отделением греков Феотекн, а над сирийцами Аффоний, которые оба были одушевленными памятниками и отпечатками его добродетели, и как живущим вместе с собою, так и посторонним посетителям не давали чувствовать потери Публия, являя в себе живое подобие его жизни.

Но блаженный Феотекн, прожив немного времени, передал начальство Феодоту; Аффоний же очень долгое время управлял стадом по положенным правилам. А упомянутый Феодот, происходивший из Армении, когда увидел такой порядок подвижнической жизни, то первоначально вступил в число послушников великого Феотекна; а когда, как я сказал, Феотекн

умер, он принял начальство и так прославился добродетелями, что своею славою почти помрачил предшественников. Он так был объят любовью к Богу и столькими стрелами ее был уязвлен, что ночью и днем проливал слезы сокрушения. И такой духовной благодати он был исполнен, что когда молился, все присутствовавшие при сем молчали, внимая только его молитвенным воззваниям и считая слышимые ими слова лучшим для себя молитвословием. Ибо кто бы мог быть столь холоден, чтобы такие умиленные воззвания не тронули его души, не смягчили ее жестокости и упорства и не расположили к служению Богу? Ежедневно умножая таким образом свое богатство и являя в себе сокровищницу, исполненную такими благами, после 25-летнего управления стадом он преложился к отцам своим, по слову Писания, *препитан в старости добрей* (Быт. 15, 15), передав управление Феотекну, племяннику своему по роду и брату по нраву. А тот блаженный Аффоний, управлявший стадом более сорока лет, получил потом кафедру архиерейскую; но и в это время не переменил ни отшельнической власяницы, ни хитона, сделанного из козьей шерсти, и пищу употреблял такую же, какую и прежде, чем получил предстоятельство.

Однако ж, и восприняв на себя новое служение, он отнюдь не менее заботился и о том стаде, часто бывал там, то прекращал ссоры, то подавал утешение опечаленным чем-нибудь, а иногда предлагал братии благочестивое на-

ставление. Между тем сам своими руками делал все: починивал худое платье, очищал чечевицу, полол бобы, и все другое тому подобное. Таким образом украшенный первосвященническим достоинством и преуспевший в добродетели, он с приобретением вошел в Небесную пристань.

Что же должно сказать о Феотекне и его премнике Григории? Первый еще в юности преуспел во всех видах любомудрия, и отошел от жизни со славою, подобною славе предшественников своих; а последний даже доныне в глубокой старости трудится, как будто имея юное тело. Он совершенно отказался от плодов лозных, не употребляет ни вина, ни простых ягод, ни молока, — потому что так увещевал жить великий Публий. Допуская употребление елея во время Пятидесятницы, держащиеся Публиевых правил отшельники во всякое другое время опять отказываются от употребления елея.

То, что говорил я о великом Публии, я частью узнал по слуху, а частью сам, видев его учеников, по ним составил такое понятие об их учителе, по подвижникам — о подвигоположнике. Считая несправедливым и неблагонамеренным оставить в неизвестности столь полезное повествование, я предложил его не знающим Публия, желая, чтобы они почерпнули отсюда пользу, и сам ожидая себе прибыли от этого воспоминания. Ибо я слышал Господа, говорящего: *всяк, иже исповестъ Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на Небесех* (Мф. 10, 32), и твердо уверен, что если сохраню у лю-

дей память о таких мужах, то удостоюсь быть помянутым ими пред Господом всяческих.

6. Симеон древний¹

Кто с намерением не упомянул бы о старце Симеоне² и предал бы забвению память о его любомудрии, того, по заслуге, можно бы было обвинить в несправедливости и зависти, как человека, который не хочет восхвалять достойное похвалы и предложить желающим пользы достойное любви и стоящее подражания. Я же, не по страху осуждения, но по желанию почтить его похвалами, расскажу об образе его жизни.

Он непрерывно, в продолжение многих лет, проводил жизнь пустынную, поселившись в маленькой пещере; не видел никого из людей, потому что желал лучше жить один, и постоянно беседовал с Богом. Пищу он приготовлял себе из трав, годных в пищу: в этом и состоял его внешний труд. Свыше же он удостоен был такого дара благодати, что повелевал даже самыми сильнейшими и лютейшими зверями.

И это было известно не только одним верующим, но и неверным иудеям. Некоторые из них, по какой-то надобности, шли в одну крепость, находящуюся за пределами нашей отечественной земли. В это время пошел сильный дождь и поднялась буря. Путешественники, не могли

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26.

² Прп. Симеон Ветхий, Сирийский, игумен († ок. 390). Память — 26 января / 8 февраля.

видеть, что впереди, сбились с дороги и блуждали по пустыне, не находя ни селения, ни пещеры, ни путешественника. Блуждая по твердой земле не лучше плавающих среди волн, они заметили как бы пристань, пещеру блаженного Симеона, и увидели человека не убранного и по виду неопрятного, носившего на плечах козью шкуру. Увидев их, Симеон приветствовал их (потому что был обходителен) и спросил о причине прихода. Когда они рассказали случившееся с ними и просили показать путь, ведущий к крепости, он сказал: «Подождите, я сейчас дам вам провожатых, которые укажут вам желаемый путь». Они послушались и присели отдохнуть. Вдруг вошли к ним два льва, которые не свирепо смотрели, но ласкались к Симеону, как будто к своему господину, и выражали покорность. Он мановением приказал им проводить странников и вывести на тот путь, потеряв который они принуждены были блуждать.

Повествование это никто не должен считать вымышленным: о нем свидетельствуют самые враги истины, — ибо те самые, которые получили это благодеяние, не преставали провозглашать о нем. Мне это рассказывал великий Иаков, который сам был у блаженного Марона, когда те рассказывали ему об этом чуде. Кто же не поверит иудеям, свидетельствующим о чудесных действиях христиан, тот по справедливости не должен ли быть назван невернейшим иудеев? Ибо те, и будучи упрямы, покоряются, однако, и уступают лучам истины; а христиане называют-

ся благомыслящими и поклонниками истины, и — не верят врагам, свидетельствующим о силе благодати!

Сделавшись чрез такие чудеса известным и привлеки к себе многих из соседних варваров (пустыню эту населяют люди, с гордостью именующие своим родоначальником Измаила), блаженный Симеон, из любви к уединению, принужден был оставить пещеру и, совершивши долгий путь, занял гору, называемую Аманом, которая в прежние времена была местом безумного служения многим идолам.

Он удобрил ее многими и различными чудесами и насадил в ней господствующее ныне благочестие. Но пересказать о нем все чрезвычайно трудно, а для меня, пожалуй, и невозможно. Так, упомяну только об одном событии и, предложив его как свидетельство его апостольского и пророческого дара чудотворения, я предоставляю самим читателям сообразить по этому, какою он владел силою благодати.

Было лето, время жатвы, и снопы собирались на гумно. Некто, не довольствуясь праведными трудами и желая чужих, похитил часть плодов ближнего, чтобы чрез это увеличить свой сбор. Но Бог скоро обличил кражу. Ниспала молния и зажгла гумно. Тот несчастный пошел к человеку Божию, жившему недалеко от этого селения, рассказал о своем несчастье, воровство же свое думал скрыть. Но когда, будучи вынужден сказать истину, признался в краже (скорбь принудила его обвинить самого себя), блаженный муж при-

казал ему отворотить наказание вознаграждением за обиду, говоря, что, как скоро ты возвратишь те плоды, исчезнет и этот ниспосланный Богом огонь. И оказалось, что, как только он, прибегши отсюда, принес обиженному похищенные плоды, пламя без воды было погашено молитвою и предстательством блаженного старца. Это исполнило страхом не только соседей, но и весь город, то есть Антиохию, вблизи которой было то селение, и заставило идти к старцу — одного с просьбою освободить от мучений злаго духа, другого — о прекращении горячки, а иного — об освобождении от какого-либо другого несчастья. И он щедро источал токи обитающей в нем благодати.

Но опять, из любви к уединению, Симеон решился удалиться на гору Синай. Узнавши об этом, многие из людей добрых и заботящихся о подобном любомудрии, собравшись, изъявили желание принять участие в его путешествии. Когда они, совершая путь уже много дней, дошли до Содомской пустыни, то увидели вдаль, на низменном месте, руки человека, простертые в высоту. Сначала они почли это за обольщение злаго духа, но когда и после продолжительных молитв своих видели то же самое, то подошли к тому месту и увидели небольшую пещеру, подобную тем, какие обыкновенно вырывают лисицы, устраивающие для себя убежище, но в ней не заметили никого, потому что тот, кто простирал руки, услышав шорох шагов, скрылся внутрь пещеры.

Старец, смотря туда, очень долго усердно просил, чтобы тот вышел и показал, человек ли он, или какой-нибудь демон-обольститель, притворяющийся таким образом. И мы, говорил старец, проводя пустынножизнь и любя тишину, блуждаем по этой пустыне и желаем поклониться Богу всяческих на горе Синае (на которой Он Сам, явившись рабу Моисею, дал скрижали Закона). Не потому, будто мы думаем, что Бог ограничен местом, ибо мы слышим собственные слова Его: *еда небо и землю не Аз наполняю, рече Господь* (Иер. 23, 24), и: *содержай круг земли, и живущия на ней аки пруги* (Ис. 40, 22), но потому, что для пламенеющих любовью любезны не только сами любимцы их, но приятны и те места, где любимцы их бывали и беседовали.

Когда старец говорил это, человек, скрывавшийся в глубине пещеры, показался: он имел взгляд суровый, волосы нечесанные, лицо сморщенное, все члены тела изможденные; одет был в бедное рубище, сшитое из пальмовых листьев. Приветствовав их и пожелав мира, он спросил, кто они, откуда пришли и куда идут? Они, ответив на эти вопросы, в свою очередь спросили, откуда он пришел сюда, и чего ради избрал такую жизнь? Он сказал: «И я имел такое же желание, с каким вы теперь путешествуете, и был у меня соучастник в этом предприятии — один друг и единомышленник, стремившийся к одной со мною цели. Мы условились с ним не разрывать связи даже по смерти. Но поелику

во время путешествия ему суждено было здесь кончить жизнь, то я, будучи связан клятвою, выкопал здесь, как мог, могилу и, предав тело его погребению, подле его тела вырыл другую могилу для себя, и вот теперь ожидаю здесь конца своей жизни и приношу Господу молитву о своем друге. Пищею я имею финиковые плоды, которые мне, по распоряжению моего Попечителя, приносит один брат».

Когда он говорил это, вдали показался лев. Спутники старца обомлели от страха, но житель пещеры, заметив это, встал и дал знак льву, чтобы он шел в другую сторону. Лев повиновался и пошел, и тотчас принес ветвь фиников, потом опять, по его повелению, ушел и, легши вдали от тех мужей, заснул. Разделивши финики и совершив вместе с странниками молитву и псалмопение, по окончании молитвословия житель пещеры отпустил их, изумленных необычайным зрелищем.

Если кому этот рассказ покажется невероятным, тот пусть вспомнит о жизни великого Илии и о служении воронов, которые постоянно приносили ему утром хлеб, а к вечеру — мясо. Творцу всяческих легко изобретать многообразные способы к сохранению жизни Своих рабов. Так Он трое суток сохранял Иону во чреве китовом; так Он устроил, что львы устрешились Даниила во рву, и заставил бездушный огонь действовать разумно — находившихся внутри печи освещать, а бывших вне — опалять. Но я делаю излишнее, приводя доказательства силы Божественной.

Итак, когда они достигли вожделенной горы, чудный Симеон, говорят, на том месте, на котором Моисей удостоился видеть Бога (а он видел Бога, сколько возможно для смертной природы), преклонил колена, и не прежде встал, как получив удостоверение в благоволении Господнем. Когда он в таком наклоненном положении пребыл целую неделю, не вкушая никакой пищи, бывший ему глас повелевал ему взять предложенное и вкушать без всякого сомнения. Он, протянувши руку, нашел три яблока и, вкусив их, как повелевал Давший, окреп совершенно в силах и, по обычаю, ласково приветствовал своих союзников. После того отошел радостный и веселый, потому что услышал Божественный глас и вкусил Богодарованной пищи.

По возвращении из горы Синая Симеон устроил два училища Любомудрия: одно на вершине горы, о которой мы уже говорили, а другое внизу ее, при самой подошве. В то и другое собравши подвижников добродетели, сам для тех и других был учителем и руководителем: предупреждал их о нападениях противника и врага, ободрял благоволением Подвигоположника, увещевал быть бодрственными, возбуждал внимать себе, убеждал быть ласковыми к ближним и великодушными в отношении ко врагам. Сему научая, так живя, совершив столько чудесных действий и просияв многоразличными добродетелями, он окончил эту многотрудную жизнь и отошел в жизнь нестареющуюся и беспечальную, оставив по себе бессмертную славу и веч-

ную память. Во время его жизни пользовалась его расположением блаженная мать моя, которая часто рассказывала мне о его подвигах. А я теперь молю его удостоить меня покровительства и предстательства пред Богом и уверен, что испрошу сего. Ибо подражающий человеколюбию Господа, без сомнения, исполнит мое прошение.

7. Палладий¹

Знаменитый Палладий² был современник Симеону, подобен ему по нраву, знаком с ним и близок к нему. Ибо они, как говорят, ходили друг к другу, взаимно назидая один другого и возбуждая к Божественной ревности. Он заключился в келлии, неподалеку от весьма большого и многолюдного селения, называвшегося Иммами. О терпении этого мужа, воздержании от пищи и сна, о непрестанной молитве я считаю излишним повествовать. В этом отношении он нес одинаковое иго с блаженным Симеоном. Я счел полезнейшим рассказать об одном, прославляемом даже доныне, чуде, которое совершено было его словом и рукою.

В вышесказанном селении еженедельно производился торг, на который отовсюду собирались купцы и стекалось бесчисленное множество народа. Там один купец, продав, что привез, и собрав

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

² Прп. Палладий Антиохийский (Сирийский), пустынный († IV). Память — 28 января / 10 февраля.

золото, хотел ночью отправиться. Один человекоубийца, увидав собранное золото, объят был безумною завистью и, не смыкая глаз, подстерегал отправление этого человека. Тот действительно, после пения петухов, отправился, ничего не подозревая. А разбойник, предупредивши его и занявши место, способное для засады, внезапно выскочил из него, нанес удар и совершил убийство, присоединив к одному постыдному делу другое злодейство. Золото у него взял, а мертвое тело бросил к дверям великого Палладия.

Когда наступил день и разнеслась об этом молва, все бывшие на торгу взволновались и, собравшись, разломали дверь у блаженного Палладия, с намерением наказать его за убийство. Между ними был и тот самый, который совершил убийство. Блаженный муж, окруженный столь великим множеством, возрев на небо и устремив мысль к Богу, умолял Его обличить ложную клевету и открыть истину. Помолившись таким образом и взявши лежащего за правую руку, он сказал: «Скажи, юноша, кто нанес тебе удар; покажи виновника злодеяния и освободи невинного от такой нечестивой клеветы». За словом последовало слово, умерший сел и, осмотрев присутствующих, рукою указал убийцу¹.

Тут поднялся крик, все изумились чуду и поражены были клеветою. Раздевши того злодея, нашли у него нож, обагренный кровию, и золото, бывшее виною убийства. Блаженный Палладий, бывший предметом удивления и прежде, после

¹ См.: *Никифор*. Церковная история. Кн. 8, гл. 42.

этого, по справедливости, казался еще более достойным удивления. Одно это чудо достаточно свидетельствует о дерзновении сего мужа пред Богом.

К такому же разряду людей принадлежал и удивительный Авраам, который построил так называемый Паратом и всюду просиял лучами добродетели. О славе его жизни свидетельствуют происходящие по смерти его чудеса. Ибо гроб его доныне источает многообразные исцеления, о которых свидетельствуют те, которые, по вере, во множестве получали их там. Мне же дай Бог пользоваться покровительством тех, память которых я чту своим словом.

8. Афраат¹

Что у всех людей природа одна и что она у всех желающих способна к любомудрию, будут ли они греки или варвары, — в этом легко убедиться и другими способами, но совершенно ясно показывает это и один Афраат². Он рожден и воспитан был между персами — народом, зараженным нечестием. Но и происшедши от таких родителей и будучи воспитан в таких нравах, он достиг до такой добродетели, что помрачил и тех, которые родились от благочестивых родителей и издетства воспитаны были благочестиво.

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 24; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 25.

² Афраат — персидский мудрец, замучен в 345 г.; носил имя Иаков; был епископом монастыря.

Сначала, пренебрегши знатностью и славою рода, он, подражая древним волхвам, пошел на поклонение Господу. Потом, возгнушавшись нечестием своих единоплеменников и предпочтя чужую страну родной, он отправился в Едессу (город сей весьма велик, многолюден и славен высоким благочестием) и, нашедши вне городских стен хижинку, заключился в ней и предавался попечению о своей душе, подобно какому-нибудь отличному земледельцу, исторгая с корнем терния страстей, очищая Божественную ниву и принося Господу зрелые плоды Евангельских семян.

Отсюда перешел он в Антиохию, сильно потрясаемую тогда бурей еретическою и, поместившись в одном загородном училище любомудрия, где узнал несколько слов греческого языка, скоро привлек весьма многих к слушанию Божественного Слова. Говоря полуварварским языком, он выражал мысли души, будучи удостоен обильных источников благодати Божественного Духа. Кто из гордящихся красноречием, надменно поднимающих брови, тщеславно говорящих и хвастающихся сетями умозаключений, когда-нибудь победил его необразованный и варварский язык? Умствования — умствованиями, и рассуждения философов — словами Божественными он побеждал, взывая с великим Павлом: *аще и невежда словом, но не разумом* (2 Кор. 11, 6), и таким образом всегда действовал по заповеди апостола: *помышления низлагающе, и всякое возношение взимающееся на разум Божий,*

и пленяюще всяк разум в послушание Христово (2 Кор. 10, 4, 5).

Случалось видеть, что к нему сходились и облеченные властью и достоинством, и состоящие в каком-либо воинском чине, и живущие трудами рук своих; вообще, и простые, и воины, образованные и незнакомые с наукою, живущие в бедности и обилующие богатством. Одни слушали предлагаемое молча, другие возражали, предлагали вопросы и продолжали речь. Неся столь великий труд, он никогда не хотел иметь при себе сожителя, но собственные труды предпочитал услугам других. С приходящими вел разговор чрез дверь, впрочем, желающим войти к нему отворял вход и отходящих провожал. Ни от кого не принимал ничего — ни хлеба, ни зелени, ни одежды, но хлеб ему доставлял один из друзей. В глубокой старости он употреблял и овощи после заката солнечного.

Рассказывают, что Анфемий, который был впоследствии префектом и консулом, возвращаясь из Персии, где он исполнял должность посланника, принес Афраату хитон, сотканный у персов, и говорил ему: «Я знаю, отец, что каждому из людей приятно собственное отечество, приятны и плоды, там растущие: этот хитон я принес тебе из отечества твоего и прошу тебя принять его, а меня вознаградить своим благословением».

Тот сначала приказал положить хитон на лавку, потом, поговорив несколько о другом, печально сказал, что он немного смущен духом,

потому что мысль у него колеблется между двумя вещами. Когда Анфемий спросил о причине, он сказал: «Я навсегда решил иметь одного сожителя и положил себе за правило совершенно отказываться от сожития с двоими. Один друг, любимый мною, прожил со мною шестнадцать лет; вдруг пришел ко мне земляк, желающий тоже жить со мною и просящий об этом. Вот что раздвояет мою мысль. Двух сожителей в одно время я не хочу иметь. Земляка я люблю, именно как земляка, но отвергнуть прежнего друга, который сделался для меня приятен, я считаю и несправедливым, и оскорбительным для него». Тогда Анфемий сказал: «Действительно так, отче, несправедливо отослать того, который весьма долгое время служил тебе, как негодного, и принять человека, ничем не доказавшего своего доброго нрава, потому только, что он соотчич». На это Афраат сказал: «Так, любезный, я не возьму этого хитона, потому что не хочу иметь двух; а по моему мнению приятнее, и по твоему лучше тот, который уже служил долгое время».

Таким образом, притчею вразумив Анфемия и показав ему свое остроумие, он убедил его впредь не говорить ни одного слова о том хитоне. Об этом я упомянул с тем, чтобы показать две вещи: во-первых, что он от одного только человека принимал необходимые услуги, во-вторых, то, что он исполнен был такой мудрости, что самого просившего принять хитон заставил согласиться, что не должно было принимать.

Теперь я расскажу о происшествии важнейшем. После того как богоненавистный Юлиан получил наказание за свое нечестие в земле неприятельской, а Иовиан получил кормило правления в Римской империи, питомцы благочестия несколько времени наслаждались спокойствием. Но когда Иовиан, царствовав очень немного времени, кончил жизнь и Валент получил начальство над Востоком, тогда снова ветры и ураганы взволновали море против нас, поднялась буря страшная и треволнения со всех сторон угрожали судну.

Буря эта была тем страшнее, что не было кормчих, потому что нечестивый правитель за одно благочестие сослал их в ссылку. Таким незаконным поступком нечестие его еще не удовлетворялось. Он усиливался разогнать все общество благочестивых и, подобно лютomu зверю, рассеять все стадо. С этою целию он изгонял их не только из всякой церкви, но и из-под подошвы горы, и с берега реки, и из места воинского ученья: потому что они беспрестанно переменили эти места, когда их преследовала вооруженная рука.

Скифы и другие варвары безнаказанно разоряли всю Фракию от Истра¹ до Пропонтиды². Но Валент, как говорится, заткнувши уши, не хотел об этом слышать, направляя оружие против единоплеменников — подданных своих, людей сиявших благочестием. Боголюбивый народ,

¹ Древнегреческое название реки Дунай.

² Древнегреческое название Мраморного моря.

оплакивая жестокость этих бедствий, воспевал Давидову песнь: *на реках Вавилонских, тамо сегодохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона* (Пс. 136, 1). Впрочем, следующие за этим слова не шли к нему, потому что Аффраат, Флавиан и Диодор не допустили повесить на вербах органы учения и не позволяли говорить: *како воспоем песнь Господню на земли чуждей* (Пс. 136, 4), но и на горах, и на полях, в городе и в предместьях города, и на площадях беспрестанно пели песнь Господню. Они научились у Давида, что *Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней* (Пс. 23, 1); слышали также слова того же пророка: *благословите Господа вся дела Его, на всяком месте владычества Его* (Пс. 102, 22); слышали и Божественного Павла, заповедующего: *молитвы да творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (ср.: 1 Тим. 2, 8). И Сам Господь ясно предсказал это, беседуя с самарянкою: *жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитесь Отцу* (Ин. 4, 21). Зная это, они проповедали и в домах и на площадях, и, говоря словами апостола, пред людьми и по домам, непрестанно, подобно каким-нибудь отличным военачальникам, вооружая своих и поражая противников.

Достойно в этом случае удивления и похвалы и то, что великий Флавиан и блаженный Диодор, тогдашние пастыри, занимавшие вторые кафедры, делали то, о чем я выше сказал; но они делали это, как избранные вожди, пови-

нуясь воинским законам. А блаженный Афраат добровольно выступил на эти подвиги. Воспитанный в тишине и решившись жить в уединении, он, как говорится, был далеко от стрел; но, увидев жестокость брани, презрел собственную безопасность и, оставив на время уединение, сделался предводителем сонма благочестивых, всегда приобретающим победы жизнью, словом и чудесами, но никогда не побеждаемым.

Валент, увидев его, когда он шел к месту воинского ученья, где тогда случилось собраться почитателям Троицы (некто, увидев его идущим по берегу моря, указал на него Валенту, смотревшему в окно), спросил, куда он направляет путь свой? Тот отвечал, что идет сотворить молитву за вселенную и за царство. Валент снова спросил: «Зачем же ты, избравший уединенную жизнь, оставив уединение, без опасения идешь на площадь?» Афраат, из подражания Господу говоря обыкновенно притчами, отвечал: «Скажи мне, государь, если бы я был девою и, будучи скрыт в каком-либо потаенном тереме, увидел, что огонь объел дом отца моего, что бы ты посоветовал мне делать, видя разлившееся пламя и горящий дом? Сидеть внутри в своем тереме и спокойно смотреть, как огонь истребляет дом? Но таким образом и я сделался бы жертвою пожара. Если же скажешь, что я должен бы бежать, носить воду, бегать вверх и вниз и тушить огонь, то не укоряй меня, когда я именно это и делаю. Ибо что ты посоветовал бы делать сокровенной деве, то же самое и я принужден делать, обрек-

ши себя на уединенную жизнь. Если же ты укоряешь меня за то, что я оставил уединение, то не справедливее ли было бы тебе укорить себя за то, что ты внес огонь в дом Божий, а не меня, принужденного тушить этот огонь? Что должно идти на помощь к горящему дому отцовскому, — в этом ты сам согласен; а что Бог есть Отец наш, ближе земных родителей, — это ясно даже и для совершенно несведущего в вещах Божественных. Итак, собирая питомцев благочестия и доставляя им Божественную пищу, мы не удаляемся от цели и не делаем ничего, противного прежде принятому нашему намерению».

Когда он сказал это, Валент замолчал, признав оправдание правильным. Но один из тех людей — ни мужчин, ни женщин, которые лишены способности быть когда-либо отцами и посему считались благомыслящими (Εὔνοοι), отчего получили и свое имя (Εὐνοῦχος), — один такой продолжал порицать боголюбивого мужа и угрожал ему смерти; только скоро получил за эту дерзость наказание.

Валент расположился однажды вымыть свое тело в ванне. Тот несчастный пошел вперед испытать, хорошо ли ванна приготовлена; но по безрассудству вскочил в ванну, наполненную горячею водою, и так как в бане никого не было (потому что он один пришел узнать, хороша ли ванна), то и остался в ванне обваренный, и там умер. Спустя несколько времени Валент послал другого позвать того; но этот посланный, не найдши никого ни в одном отделении бани, при-

шел и сказал это царю. После этого пошли туда многие осмотреть все ванны и, когда наконец дошли до той, то увидели евнуха поверженным и лишенным жизни.

Поднялся шум, все горевали, и одни вычерпали ту горячую воду, другие вынесли то жалкое тело. По этому случаю напал страх и на Валента, и на всех, вооружавшихся против благочестия. Тотчас разнеслась по всему городу молва, какое наказание постигло этого несчастного за его дерзости против Афраата, и все начали славить Бога, в которого веровал Афраат.

Это происшествие послужило препятствием для врагов Православия, настаивавших на том, чтобы сослать человека Божия в ссылку, потому что уstraшенный Валент отвратил слух от тех, которые старались об этом, и уважал сего мужа. Впрочем, он знал о добродетели его и по другим случаям. Но, несмотря на все это, Валент не оставил прежнего неистовства и продолжал восставать против Единородного до тех пор, пока сделался жертвою неприятельского огня, не будучи удостоен погребения руками своих рабов и любимцев. Блаженный же Афраат и во время той бури явил свою добродетель, и по наступлении мира продолжал преуспевать в ней.

Он совершил множество чудес, из которых я упомяну об одном или двух. Одна жена единородного происхождения, будучи соединена узами брака с распутным мужем, пришла к блаженному в слезах о своем несчастье. Она говорила, что муж ее, вошедши в незаконные связи, как

будто каким волшебством очарованный, питает к ней, законной жене своей, ненависть. Говорила же она это, стоя за дверью его хижины, потому что он имел обыкновение так вести разговор с женщиною, и никогда ни одну не впускал в свою хижину. Сжалившись над скорбящею, он молитвою уничтожил обольщение и, освятив призыванием имени Божия принесенный ею сосуд елея, приказал умащаться им. Исполнив этот совет, жена привлекла к себе любовь мужа своего и заставила его предпочесть законный союз связи беззаконной.

Рассказывают также, что, когда внезапно некоторые насекомые напали на землю и, подобно огню, истребляли все: и жатву, и растения, и деревья, и леса, и луга, — пришел к нему один благочестивый человек, умоляя о помощи. Я, говорил он, имею одно поле, которым питаю и себя самого, и жену, и детей, и всех домашних; сверх того должен еще выплатить подать. Блаженный, опять подражая человеколюбию Господа, приказал ему принести сосуд воды. Когда просивший помощи принес сосуд, он наложил на воду руку и молил Бога, чтобы жидкость исполнилась благодатной силы. Окончив молитву, он приказал этою водою окропить границы своего поля. Тот сделал, что было приказано, и это послужило для его поля несокрушимою и непреодолимою оградой. Насекомые, приползши к тем границам, толпились вокруг, подобно войску, и, как будто уstraшенные наложенным благословением, опять отступали назад, и, удерж-

живаемые какою-нибудь уздою, не могли идти далее.

Но для чего говорить обо всем, что произвела сия блаженная душа? Ибо и сказанное достаточно свидетельствует о свете обитавшей в нем благодати. Я сам его видел и получил благословение от его десницы, когда еще будучи юношею ходил вместе с матерью к этому мужу. С нею он, по своему обыкновению, разговаривал, отворив немного дверь, и наконец удостоил благословения, меня же принял внутрь келлии и одарил сокровищем своей молитвы.

О, если бы и теперь мог пользоваться ею я, верующий, что он еще живет и обитает вместе с Ангелами и пользуется у Бога бóльшим дерзновением, чем прежде! Тогда оно было умеряемо смертным телом, чтобы, достигнув большей степени, не послужило поводом к превозношению. Теперь же, сложивши иго страстей, он, как победоносный подвижник, дерзновенно приступает к Подвигоположнику. Вот почему я и молю, чтобы он удостоил меня своего представительства.

9. Петр¹

Мы слышали о галлах западных, живущих в Европе, знаем также и о тех, которые от них произошли и поселились в Азии, около Евксинского понта². От них-то произошел блаженный и пре-

¹ См. *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

² Понт — Евксинский — древнегреческое название Чёрного моря.

блаженный Петр¹. Говорят, что он только в продолжение семи лет от рождения воспитывался у родителей, остальную же всю жизнь провел в подвигах любомудрия. Умер же он, говорят, проживши девяносто девять лет. Итак, кто достойно восхвалит подвизавшегося девяносто два года и каждый день, каждую ночь выходившего победоносцем? Какое слово достаточно будет для того, чтобы пересказать о добродетелях, в каких он подвизался и в детстве, и в отрочестве, и в мужеском возрасте, и в преклонных летах, и в глубокой старости? Кто измерит капли его пота? Кто исчислит совершенные им в продолжение такого времени брани? Какое слово могло бы передать, сколько он посеял семян и сколько собрал плодов? Кто бы имел такой высокий ум, чтобы мог вполне обнять те приобретения, которые собрал он от мудрого употребления дарованных ему талантов? Я знаю, как обширно море его добродетелей, и боюсь приступить к повествованию о них, как бы мне с своим словом не погибнуть под волнами. Посему я пойду около берега, выражу удивление свое и расскажу о том только, что увижу у берега. Самую же глубину оставлю Тому, Кто, как говорит Писание, испытует глубины и ведаёт тайны (см.: 1 Кор. 2, 10; Дан. 2, 22).

Петр первоначально подвизался в Галатии. Отсюда отправился в Палестину — посмотреть места, где совершились спасительные страда-

¹ Прп. Петр Галатийский, Антиохийский, молчальник (†429). Память — 1/14 февраля и 25 ноября / 8 декабря.

ния, и там поклониться Спасителю Богу, не как ограниченному местом (он знал, что существо Его неограниченно), но чтобы насытить очи свои созерцанием возжеленных предметов и чтоб не одно око души, отдельно от зрения телесного, по вере наслаждалось духовною сладостию. Ибо страстно привязанные к кому-нибудь обыкновенно чувствуют радость не только тогда, когда видятся с ним, но получают удовольствие и в том случае, если видят его дом, одежду и обувь. Такую любовь имея к своему жениху, представляемая в Песни песней невеста взывала к нему, говоря: *яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень его восхотех и седох, и плод его сладок в гортани моем* (Песн. 2, 3). Итак, ничего нет странного и в том, что сделал и сей блаженный муж, который будучи объят подобною любовью к Жениху, приложил к себе слова: *уязвлена любовью аз есмь* (Песн. 5, 8) и, как бы желая увидеть хотя тень Жениха, обратился к местам, которые источали для всех людей токи спасения.

Насладившись тем, чего желал, он пришел в Антиохию и, увидев благочестие города, предпочел эту чужую страну отечеству, считая согражданами не единокровных и единоплеменных, но единомысленных и единоверцев и тех, которые несут одно и то же иго благочестия. Решившись поселиться здесь, он не распростер палатки, не устроил хижины, не поставил домика, но все время прожил в чужой гробнице. В этой гробнице наверху было помещение, сколоченное из до-

сок, куда по лестнице могли входить желающие. Заключившись здесь, он прожил очень долгое время, употребляя холодную воду и питаясь одним хлебом, и то не каждый день, но один день пребывая без пищи, а на другой принимая пищу.

Некогда пришел к Петру один безумный и неистовый, мучимый силою злого духа; он молитвою очистил его и освободил из-под власти одержавшего его демона. Когда же исцеленный не хотел отойти от него и за исцеление просил принять его в слуги, он позволил ему жить с собою. Я знаю и этого самого, помню это чудо, видел благодарность за это исцеление и слышал бывший у них разговор обо мне. Ибо Даниил (это было имя исцеленного) говорил ему, чтобы и я был участником в этом прекрасном служении. Но блаженный муж, зная любовь ко мне родителей, не согласился на это.

Часто он, посадив меня на колена, кормил виноградными ягодами и хлебом. Мать, видевшая опыт его духовных дарований, позволила мне в каждую неделю однажды принимать от него благословение. Ей самой он сделался известен по следующей причине.

Заболел у ней один глаз так, что болезнь оказалась выше врачебного искусства. Ибо не было ничего и издавна написанного и вновь выдуманного, что не было бы прилагаемо к этой болезни. Когда мать все это испытала и увидела, что пользы никакой нет, пришла к ней одна из знакомых и сказала ей о том блаженном муже, рассказав

чудо, им совершённое. Она говорила, что он супругу тогдашнего восточного правителя — это был Пергамий, — страдавшую тою же болезнию, исцелил молитвою и знаменiem креста. Услышав это, мать тотчас пошла к блаженному мужу. Она имела на себе серьги, и ожерелье, и прочее — всё из золота, и различные одежды, сотканые из шелковых нитей. Она была в цветущем возрасте и красовалась юностию, а совершенства в добродетели не стяжала еще. Приметив это, богочестивый муж сначала исцелил страсть ее к щегольству следующим убеждением (я буду говорить его словами и не стану изменять выражений его святого языка): «Скажи мне, дочь моя, если бы какой-нибудь живописец, весьма опытный в своем искусстве, написал какую-нибудь картину по всем правилам искусства, и представил бы ее людям, желающим посмотреть; а другой кто-нибудь, не изучивший хорошо того искусства, а рисующий как вздумалось, что пришло на мысль, — пришел бы и, охулив ту художественную живопись, придал бы бровям и ресницам более длинное очертание, лицо сделал бы белее, на щеках прибавил бы краски, — как ты думаешь, не справедливо ли вознегодовал бы прежний живописец на это оскорбление его искусства и на сделанные несведущею рукою ненужные прибавки? Так верьте же, — продолжал блаженный, — что и Творец всяческих и нашего естества Содетель и Художник оскорбляется тем, что вы как бы обвиняете Его неизреченную мудрость в несовершенстве: иначе вы не покры-

вали бы себя красною, или белою, или черною краскою, если бы не думали, что вам недостает этой принадлежности. А думая, что телу недостает необходимого, вы как бы обвиняете Творца в некоторого рода бессилии, тогда как всякому известно, что Он имеет силу, равную хотению. Ибо *вся*, говорит Давид, *елика восхоте Господь, сотвори* (Пс. 134, 6), даровав всем все полезное, не дав только того, что вредно. Не искажайте же образа, предначертанного Богом, не усиливайтесь прибавлять то, чего не дал Премудрый, и не выдумывайте поддельной красоты, которая и целомудренных растлевает».

Добронравная жена выслушала это и тотчас же уловлена была сетями Петра (ибо и этот уловлял подобно своему соименнику). Потом, припавши к ногам его, плакала и просила исцелить ее глаз. Блаженный Петр говорил, что и он человек, и ту же имеет природу, носит на себе великую тяжесть грехов и посему не имеет дерзновения пред Богом. Когда же мать плакала, умоляла и говорила, что она не оставит его, доколе не получит исцеления, он сказал, что врач недугов есть Бог, всегда готовый исполнить прошения верующих: «Он и теперь исполнит прошение твое, не мне даруя благодать, но видя твою веру. Если ты имеешь веру искреннюю и твердую, чуждую всякого сомнения и, решившись оставить лекарства, примешь это Богодарованное лекарство, то выздоровеешь». Сказав это, он положил руку на глаз, изобразил знамение спасительного креста, и болезнь исчезла.

Возвратившись домой, она смыла лекарство, сбросила с себя всякое лишнее убранство и с той поры начала жить по правилам, какие внушил врач, не одеваясь в разноцветные одежды и не украшаясь золотом. Это было с нею, когда она была еще очень молода (имела от роду только двадцать третий год) и не была еще матерью; через семь лет после этого родила она меня, первого и единственного сына. Такую-то пользу приобрела она от наставления великого Петра, и получила двойное исцеление: искала исцеления телу, а стяжала и здоровье души. Вот что блаженный Петр совершал словом, вот что мог делать молитвою!

В другое время мать моя привела к нему своего повара, мучимого злым духом, и умоляла его оказать помощь этому несчастному. Блаженный муж, помолившись, повелел злому демону раскрыть причину власти, какую восхищает он над Божиим созданием. И демон, будто какой-нибудь убийца или грабитель, стоящий пред судиею и вынужденный говорить все, что он сделал, раскрыл, вопреки своему обычаю, всю правду. «В Илиополе, — сказал он, — господин этого раба был болен, а госпожа сидела у одра своего супруга; служанки же их разговаривали в это время о жизни иноков, подвигающихся в Антиохии, и о силе, какую они имеют над демонами. Потом, как дети, забавляясь, они начали притворяться бешеными и неистовствующими, а этот раб, одевшись в козью кожу, заклинал их, как делали иноки. Я стоял тогда за дверью и, не могши

вынести похвал инокам, захотел узнать по опыту силу, которую им приписывали. Посему-то я вселился в этого человека, желая узнать, каким образом я буду изгнан иноками. — И вот, теперь я узнал и в другом опыте не имею нужды: по твоему повелению я тотчас же выхожу». Говоря это, он вышел, и раб получил свободу.

Точно так же мать моей матери, а моя бабка приводила к Петру земледельца, тоже одержимого бесом, и умоляла помочь несчастному. Петр так же спросил демона, откуда он и каким образом овладел Божиим созданием. Когда демон стоял молча и не отвечал, тогда он преклонивши колена молился и просил Бога явить наветнику силу Своих рабов. Он кончил молитву, но демон упорствовал в молчании, и это продолжалось до девяти часов. Наконец, принеши Господу горячайшую и усерднейшую молитву, Петр встал и сказал демону: «Не Петр повелевает тебе, но Бог Петра, — отвечай, когда нудит тебя к этому Божия сила». Устыдился бесстыдный оболститель кротости святого мужа и, возопив громким голосом, сказал, что он обитал на горе Амане и, увидев этого человека, когда он на пути черпал из одного источника воду и пил, захотел устроить в нем себе жилище. «Выйди же, — сказал ему человек Божий, — как повелевает тебе Тот, Который распят был на Кресте за вселенную». Услышав это, демон тотчас вышел, и земледелец отдан был бабке свободным уже от бешенства. Имея множество других такого рода повествований об этой блаженной душе, я весьма мно-

гие опушу, опасаясь за немощь многих, которые, судя по себе, не верят чудотворениям боголюбивых мужей, но, рассказав еще одно или два, перейду к другому подвижнику.

Был некто военачальник старых лет, но нечестивый. Некоторая принадлежавшая к его ведомству дева, не вступившая в брак, хотя уже имевшая возраст законный для брака, оставив мать и родных, убежала в общество жен-подвижниц (потому что и женщины, подобно мужчинам, подвизаются и вступают на поприще добродетели). Военачальник, узнавши о ее бегстве, наказал мать и держал ее в оковах, доколе она не указала ему жилище благочестивых жен. Пользуясь своею силою, он похитил оттуда девицу и привел в свой дом. Несчастный, он надеялся насытить свое невоздержание. Но Тот, Кто фараона подверг великим и тяжким наказаниям за Сарру, жену Авраама, — Кто поразил слепотою содомлян, когда они покушались напасть на бестелесных, как на странников, Тот, покрывши слепотою зрение и сего, добыче доставил возможность убежать из среды сетей. Когда военачальник вошел в терем, та, которую стерегли здесь, тотчас вышла и исчезла, и пришла в вожденнейшее для нее убежище. Таким образом этот безрассудный увидел, что не может победить предызбравшей обручение Богу, и принужден был успокоиться и более уже не отыскивать той, которая была им похищена, но при Божией помощи скрылась.

Спустя несколько времени эта девица впала в жестокую болезнь (болезнь эта была рак): боль

была страшная от воспаления груди. При крайнем усилении боли она призывала великого Петра, и говорила, что как скоро священный его голос долетал до ее слуха, вся боль утишалась. Посему она призывала его весьма часто, чтобы получить утешение. Она рассказывала, что во все время его присутствия боль совершенно исчезала. Когда она скончалась после таких подвигов, он проводил ее с победными похвалами. Также и мою мать, бывшую при самых дверях смерти, после того как она родила меня, он, будучи упрощен бабкою, пришедши, исхитил из уст смерти. Она, одержимая сильною горячкою, сомкнув глаза, лежала, так что не узнавала никого из родственников; врачи отчаялись, — домашние плакали и ожидали кончины ее. Но когда пришел этот удостоенный апостольского имени и благодати муж и сказал: «Мир тебе, чадо» (это было его приветствие), — тотчас, говорят, у нее раскрылись глаза, она пристально взглянула на него и попросила благословения. Когда же собрание женщин громко зарыдало (печаль, сменная радостью, произвела этот вопль), Божий человек приказал всем им принять участие в его молитве: ибо так, сказал он, получила здоровье Тавифа (см.: Деян. 9, 40), когда вдовицы плакали, а великий Петр приносил их слезы Богу. Женщины помолились, как он приказал, и получили, что он предсказал. Когда кончилась молитва, кончилась и болезнь: у больной пробился по всему телу пот, огонь горячки угас, и вслед за тем появились признаки здоровья. Так и в наши

времена Господь чудодействует чрез Своих рабов!

Даже одежды этого мужа чрез прикосновение действовали, подобно одеждам Божественнейшего Павла. Я говорю это без всякого преувеличения, но имею доказательство истины. Он, разделив надвое свой пояс (который был широк и длинен и составлен из крепкого полотна), одною половиною его опоясал свои чресла, а другую — мои. Мать, когда заболел я или отец, всегда возлагала на нас этот пояс, и болезнь наша проходила. И сама она пользовалась этим врачевством для восстановления своего здоровья. Также многие из знакомых, узнав об этом, постоянно брали пояс для пособия болящим, и всем сделалась известною бывшая в нем благодатная сила. Зная это, кто-то взял его и, оказавшись неблагодарным к благодетелям, лишил его тех, которые его дали. Таким образом мы лишились сего дара. Просиявши такими лучами и просветивши ими Антиохию, Петр окончил подвиги, чая венца, уготованного победоносцам. Я окончу здесь повествование о нем, моля его и теперь удостаивать меня того же благоволения, каким пользовался я при его жизни.

10. Феодосий

Есть киликийский город Рос, остающийся по правую руку у того, кто вплывает в Киликийский залив. К юго-востоку от него есть высокая, обширная и тенистая гора, которая в своих ча-

щах питает и диких зверей. На ней-то великий и славный Феодосий¹, нашед одну долину, склоняющуюся к морю, и построив небольшой домик, захотел проводить в уединении Евангельскую жизнь. Хотя этот муж происходил из Антиохии и был известен знатностию своего рода, однако он оставил и дом, и родство, и все прочее и купил, что во Евангелии (Мф. 13, 46) называется *многоценен бисер*. Тем, которые видели его товарищей и учеников, а в них видели и его образ жизни, излишне говорить о его воздержании, о землевозлежании и о власянице. Впрочем, и в этом отношении он был чрезвычайно строгий подвижник, представлявший собою поразительный пример своим ученикам. Кроме того, он возложил себе на шею, поясницу и обе руки железные вериги, носил отпущенные волосы, доставшие до ног и даже еще более длинные, почему и обвязывал ими чресла. Непрерывным подвигом молитвы и псалмопения он усмирил похоть, гнев, гордость и другие страсти душевные. Постоянно увеличивая подвиги новыми подвигами, он вместе с тем занимал и руки работою: то плел так называемые опахала и коробочки, то обрабатывал небольшие пашни, сеял на них семена и собирал с них необходимую пищу.

Спустя несколько времени молва о нем распространилась повсюду, и многие со всех сторон стеклись к нему, изъявляя желание принять участие в его жилище, в трудах и в образе жизни.

¹ Прп. Феодосий Антиохийский († ок. 412). Память — 11/24 января.

Приняв их, он вел и их по тому же пути жизни. Одних из них можно было видеть за тканьем парусов и власяниц, других — за плетением опахал и коробочек, иных — за обработкою земли. И так как эта обитель находилась при море, то он впоследствии, построив лодку, употреблял ее для перевозки тяжестей, отвозил на ней произведения своих сожителей и привозил, что было нужно. Он помнил апостольское изречение: *нощь и день делаяще, да не отяготим ни единого от вас* (1 Сол. 2, 9), и: *требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. 20, 34); потому и сам трудился, и сожителей убеждал, чтобы они с подвигами духовными соединяли и труды телесные. Ведь и странно было бы, когда живущие в мире с трудами и потом пропитывают детей и жен, сверх того вносят дань, платят подати, приносят начатки Богу и по мере возможности помогают нуждам бедных, — пустынным не доставать трудами и необходимого для жизни, тем более что им пища нужна не роскошная и не богатая и одежда убогая, — а сложив руки сидеть и пользоваться трудами чужих рук. Внушая это и подобное, Феодосий побуждал собратий к труду. Совершая в свое время обычные Божественные службы, промежутки между ними он посвящал трудам; особенно заботился о странниках, вверяя попечение о них людям, которые украшались кротостию и смиренномудрием и стяжали любовь к ближнему. Сам же за всем надзирал, наблюдая, исполняет ли каждый свои обязанности по установленным правилам.

Чрез такую жизнь свою он так прославился, что мореходцы, отстоящие от него более чем на тысячу стадий, в опасностях призывали Бога Феодосиева и одним именем Феодосия укрощали ярость моря. Его уважали даже свирепые и неукротимые неприятели, которые тогда опустошили и поработили большую часть Востока. Кто из населяющих нашу землю не слышал о бедствиях того времени, нанесенных известными издревле солимами, ныне называемыми исаврийцами? Не дававшие пощады ни городам, ни селениям и все, чем могли завладеть, опустошавшие и предававшие огню, они устыдились его любомудрия и, потребовав только хлеба, попросив молитв за себя, оставили неповрежденным его подвижническое жилище.

Впрочем, предстоятели церквей, боясь, чтобы диавол не вложил в сердца варваров страсти к деньгам и не внушил бы им мысли овладеть великим светилом благочестия — Феодосием (так как люди, ценящие выше всего благочестие, внесли бы за него дорогой выкуп), убедительно просили его переселиться в Антиохию. Варвары захватили уже двух предстоятелей Церкви в плен и, хотя почтили их всяческою своею услужливостию, но только тогда, когда получили за обоих четыре тысячи златниц, позволили им идти куда им угодно. Пришедши в Антиохию, Феодосий построил себе жилище возле реки и привлек к себе всех, которые умеют ценить подобный образ жизни.

Увлеченный потоком речи, я едва не забыл рассказать о чуде, совершенном этим блаженным, которое, может быть, многим покажется необычайным и невероятным, но которое до сих пор остается свидетельством того, сколь великую благодать от Бога и дерзновение пред Ним стяжал сей блаженный муж. Выше устроенного им монастыря находится крутая скала, которая издавна была совершенно суха и безводна. Он, как будто имея в своих руках направление вод, устроил на той скале водопровод от вершины скалы до монастыря. Исполненный упования на Бога и дерзновения пред Ним, стяжав благоволение Божие и имея веру непоколебимую, он, вставши ночью, взошел на скалу гораздо раньше, чем его сообщники встали на обычные молитвы. Усердно помолившись здесь Богу, в уповании на Творящего волю боящихся Его, он ударил по скале жезлом, на который опирался, и она, раздробившись, источила реку воды, которая, протекая в монастырь и обильно удовлетворяя там всем нуждам, вливалась в близлежащее море. И до сих пор видим это свидетельство обитавшей в Феодосии благодати, подобной обитавшей в Моисее. Одно это достаточно показывает дерзновение Феодосия пред Богом.

Прожив в Антиохии не много времени, он переселился к лику ангельскому. Честное тело его, украшенное железными веригами, как бы золотыми венками, несено было посреди города, в сопровождении всех и самих высших начальников. У одра происходили слезы и состязания,

так все желали нести его и вместе с прикосновением к нему удостоиться благословения свыше. Вынесенный таким образом, он положен был в пещере святых мучеников, в одном здании и под одним кровом с победоносным подвижником благочестия Иулианом, в том же склепе, где почил и блаженный Афраат.

Начальство же над стадом принял после него блаженный Елладий, который и нес эти труды в продолжение шестидесяти лет; потом, по воле Божией, сделался предстоятелем Киликии, не оставляя прежнего любомудрия, но к тем трудам повседневно присоединяя труды первосвященства. После него принял начальство над тем весьма великим стадом ученик его — блаженный Ромул [Роман]. И таким образом это общество пребыло даже доныне, сохраняя один и тот же образ жизни. Возле монастыря находится селение, которое на языке сирском называется Маратон. Оканчивая это повествование, молюсь, да удостоен буду благоволения и от этих блаженных мужей.

11. Роман¹

Великий Феодосий, родившись в Антиохии, подвизался в Росских горах, потом опять пришел в Антиохию и здесь кончил жизнь. Блаженный же Роман², и родившись в Росе, и здесь

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

² Прп. Роман († V). Память — 27 ноября / 10 декабря.

получив первое воспитание, совершил подвиги добродетели в Антиохии, прожив все время вне городских стен, в чужой, и притом тесной, келлии. Он никогда не пользовался огнем и не употреблял света светильного. Пищею у него были хлеб и соль, питием — ключевая вода. Волосы у него были подобны волосам великого Феодосия; такая же, как у того, одежда и вериги. Он отличался кротостию нрава, простотою и смиренномудрием. Посему и просиял светом Божией благодати. Ибо Господь сказал: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2), и Своим ученикам изрек: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29), и в другом месте: *блажени кротцыи: яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5). Для законодателя Моисея кротость была украшением его совершенств: *человек Моисей*, говорит Святое Писание, *человек кроток зело паче всех сущих на земли* (Чис. 12, 3). То же самое Святой Дух свидетельствует и о пророке Давиде: *помяни, Господи, Давида и всю кротость его* (Пс. 131, 1). И о патриархе Иакове мы знаем, что он был *человек не лукав, живой в дому* (Быт. 25, 27). С этих Божественных лугов собрав, подобно пчеле, сии добродетели, Роман составил мед истинного любомудрия.

Впрочем, он не один пользовался плодами трудов своих, но и к другим текли от него источники сладости. Приходящим к нему он кротким и сладким голосом предлагал — одним наставле-

ния о братолюбии, другим — о согласии и мире, а иных самым видом своим делал любителями вещей Божественных. Ибо кто мог не дивиться, видя старца, удручавшего тело, добровольно носящего весьма тяжкие вериги, одетого во власяницу и употребляющего пищи, лишь бы только не умереть с голода?

Кроме множества и тяжести трудов, заставляла всех уважать его и удивляться ему и просиявшая в нем благодать: он часто исцелял жестокие болезни и многим бесплодным женщинам испросил благословение чадородия. Но и получив от Божественного Духа такую силу, он называл себя бедным и нищим. Таким образом он провел жизнь, оказывая приходящим к нему благодеяния и видом своим, и словом. Отошедши отсюда и перешедши в лик ангельский, он оставил по себе не погребенную вместе с телом, но и теперь еще цветущую и не стареющую вечную память, благотворную для ищущих пользы. Я же, и здесь испрашивая себе благословения, буду повествовать о других подвижниках.

12. Зинон¹

Не многие знают чудного Зинова², но кто знает, тот не может ему довольно надивиться. Оставив в Понте — отечестве своем — огром-

¹ См о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

² Прп. Зинон Каппадокийский († V), ученик свт. Василия Великого. Память — 30 января / 12 февраля.

ное богатство, он напоялся, как сам говаривал, источниками Василия Великого, орошавшими Каппадокию, и принес плоды, достойные сего орошения. Лишь только умер царь Валент, он оставил военную службу (служил он в числе разносчиков царских грамот), и из царских палат переселился в одну гробницу (которых много в горе, находящейся близ Антиохии) и жил один, очищая душу, изощряя ее око, занимаясь Божественным созерцанием, полагая, по слову псалмопевца (Пс. 83, 6), *восхождения к Богу в сердце своем* и желая стяжать *крыле яко голубине* и взлететь к Божественному покою. Посему он не имел ни постели, ни светильника, ни очага, ни горшка, ни кувшина, ни шкафа, ни книги и ничего другого; одевался в ветхое рубище и в башмаки, которые нужно было подвязывать, потому что кожа подметок отваливалась. Пищу необходимую себе он получал от одного из знакомых, который доставлял ему один малый хлеб на два дня. Воду же он сам себе носил, черпая вдалеке. Кто-то однажды, увидев его, обремененного этою ношею, вызывался облегчить его труд. Он с самого начала противился, говоря, что не позволит себе вкусить воды, принесенной другим. Когда тот не убедился этим, он отдал ему сосуды (он нес два в обеих руках). Но лишь только они вошли в преддверие хижины, он вылил воду и опять пошел к ключу, подтвердив делом свои слова.

И я, когда, в первый раз желая его посмотреть, взошел на гору, увидел человека с сосуда-

ми в руках. Я спросил его, где жилище дивного Зинова? Он отвечал, что вовсе не знает монашесствующего, который бы назывался сим именем. По смиренному этому ответу я догадался, что это и есть именно Зинов, и последовал за ним. Вошедши в его хижину, я увидел постель, составленную из соломы, и еще кое-какой сор, набросанный на камни, чтобы садившиеся на оную не терпели никакой боли. Когда мы уже довольно побеседовали с ним о любомудрии (я спрашивал, а он объяснял мне то, о чем я спрашивал) и мне нужно было возвращаться домой, я попросил его дать мне напутственное благословение. Он отказывался, говоря, что мне приличнее совершить молитву, — и себя называл простецом, а меня воином (я был в то время чтецом Божественных Писаний пред благочестивым народом). Когда же я указал на свою юность и незрелый возраст (потому что у меня едва еще показывался маленький пушок на бороде) и поклялся, что я опять не приду, если меня принудят это сделать, он, с трудом склонившись на мою просьбу, принес наконец за меня свое предстательство Богу, оградив, впрочем, свое предстательство долгим извинением, говоря, что он сделал это только ради любви и послушания. Кто довольно надивится, что старец, при такой высоте любомудрия, целых сорок лет пребывавший в подвигах, имел столь великое смирение? Кто в состоянии воздать ему достойную высоты его подвигов хвалу?.. Владея столь великим богатством добродетели, он, как будто совершенно

ничего не имея, вместе с толпою приходил по воскресным дням в святой храм, слушал Божественное Слово, преклонял слух свой к слову проповедников и, причастившись Таинственной Трапезы, возвращался в свое дивное убежище, не имевшее ни задвижки, ни замка, ни стража, потому что оно недоступно было для злодеев и совершенно безопасно, заключая в себе один только сор. Взявши у кого-нибудь из друзей книгу, он прочитывал всю и, возвративши эту, брал потом другую. Но хотя он и не имел замков, не употреблял задвижек, он стрегом был Вышнею благодатию.

Мы это верно знаем вот по какому опыту. Когда толпа исаврийцев¹ ночью овладела крепостию, а к утру достигла до подошвы горы и без пощады истребила многих мужей и многих жен, проводивших в ней подвижническую жизнь, тогда этот блаженный муж, видя гибель других, поразил исаврийцев слепотою, так что они, проходя мимо его двери, не заметили входа, и он — как сам рассказывал, призывая во свидетели истину, — видел ясно трех юношей, которые прогнали всю ту толпу, послужив знамением явления благодати Божией.

Какую жизнь проводил этот блаженный муж и какой он сподобился благодати от Бога, — и рассказанное о нем уже достаточно показывает; но к этому необходимо прибавить и следующее. Он очень беспокоился и терзался, что его имяние остается цело, не продано и не рóздано

¹ Иса́рийцы — выходцы из малоазиатской области Иса́рии.

по закону Евангельскому; причиною чего был несовершеннолетний возраст братьев, с которыми у него были общие имение и деньги. Сам он для раздела не хотел отправиться в дом, а продать свою часть другому — опасался, как бы несправедливые к его братьям покупатели не навлекли порицания и на него.

В состоянии такого недоумения он долгое время отсрочивал продажу. Наконец, продав все одному из знакомых, он уже многое раздал, как приключилась ему болезнь и заставила его помыслить и об оставшемся еще у него. Призвав предстоятеля города (это был великий Александр, светило благочестия, образец добродетели и глубокого любомудрия), он сказал: «Будь, уважаемая для меня глава, добрым распорядителем сего имения, разделяя его согласно с волею Божиею, как бы имея отдать отчет Небесному Судии. Прочее я сам раздал, как мне показалось лучше, хотел бы и остальным распорядиться подобным образом. Но так как я призываюсь к отшествию из этой жизни, то и поставляю распорядителем тебя, святителя Божия, достойного своего святительского сана». Таким образом он передал деньги Александру, как богобоязненному хранителю; а сам, прожив еще немного времени, сошел с поприща, как знаменитый борец, получив похвалу не только от людей, но и от Ангелов. Я же, и его моля предстательствовать за меня пред Господом, обращаюсь теперь к другому повествованию.

13. Македоний¹

Македония, по прозванию Критофаг (то есть питающийся ячменем — от $\chi\rho\iota\theta\eta$ — ячмень и $\phi\alpha\gamma\acute{\epsilon}\iota\nu$ — есть, — такое прозвание дала ему пища), знают все: и финикийцы, и сирийцы, и киликийцы. Знают и сопредельные им соседи. Одни из них сами были очевидцами чудес его, другие же слышали распространившуюся о них громкую молву. Не все, впрочем, о нем знают всё, но одни знают о нем то, другие — другое, и каждый что только знает, тому справедливо удивляется.

Я же, зная многое, касающееся этого блаженного, лучше других (потому что у меня было много побуждений узнать и изучить его), расскажу, сколько для меня возможно, обо всем. А это место в своих повествованиях я дал ему и изложил его историю уже после многих не потому, чтобы он был ниже других по добродетели (он равен был высшим и первым), но потому, что он, прожив очень много времени, скончался после тех, о которых я упомянул.

Местом и поприщем своих подвигов Македоний² имел вершины гор, не оставаясь на одном месте, но то останавливаясь здесь, то переходя туда. Это делал он не потому, чтобы ему не нравились места, но чтобы уклоняться от множества народа, отовсюду к нему собиравшегося и стекавшего. Сорок пять лет он прожил та-

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 5, гл. 19; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 12, гл. 43.

² Прп. Македоний, епископ Антиохийский († ок. 420). Память — 24 января / 6 февраля.

ким образом, не имея ни хижины, ни палатки, но устрояя свое местопребывание в глубокой пещере; почему некоторые и прозвали его Γουβάν — слово, которое в переводе с сирского языка на греческий означает λάκκον — озеро.

Впоследствии времени, сделавшись уже стариком, он уступил просьбам многих и построил келлию, а потом, по просьбе друзей, жил и в домиках, не своих, но чужих. В келлии и в домиках прожил он двадцать пять лет. Таким образом все время его подвигов состоит из семидесяти лет. Он не употреблял в пищу ни хлеба, ни бобов, но ячмень, истолченный и смоченный одною водою. Эту пищу долгое время доставляла ему моя мать, которая с ним была знакома.

Однажды, пришедши к ней во время болезни ее и узнав, что она не соглашается принять пищи, соответствующей болезни (ибо и она проводила жизнь подвижническую), он убеждал ее послушаться врачей и думать, что она принимает эту пищу не по прихоти, но по необходимости. «Вот и я, — сказал он, — сорок лет, как ты знаешь, употребляю один ячмень, но, почувствовав вчера какую-то слабость, приказал своему сожителю принести мне малый хлеб. У меня было такое рассуждение: если я умру, я должен буду отдать праведному Судии ответ за свою смерть, как человек, который избежал подвигов и уклонился от трудов служения, как человек, которому можно было малою пищею предупредить смерть и остаться в живых, чтобы трудиться и собирать от трудов богатство, но который

предпочел голодную смерть любомудрственной жизни. Устрашенный этим, желая успокоить укоризны совести, я и приказал принести хлеб, и, когда его принесли, употребил. И тебя прошу, чтобы ты мне более уже не доставляла ячменя, но — хлеб». Итак от неложного языка мы слышали, что он сорок лет питался ячменем. Отсюда ясно видно, сколь строгий подвижник и как трудолюбив был этот муж.

Теперь покажем силу духовной мудрости и добродетели Македония. Один военачальник, занимавшийся по временам охотою, пришел охотиться на гору; за ним следовали собаки, ловцы и всё, что нужно для охоты. Увидев издали мужа и узнав от спутников, кто это, военачальник тотчас соскочил с лошади, подошел к нему, приветствовал и спросил, что он делает, живя здесь. Тот, в свою очередь, спросил его: «А ты что думаешь делать, пришед сюда?» Когда военачальник отвечал, что он ловит зверей, тот сказал: «И я уловляю здесь моего Бога, усиливаюсь постигнуть Его, всем сердцем желаю узреть Его, и никогда не оставлю этой прекрасной ловли». Услышав это, военачальник подивился и отошел.

В другое время, когда город, смущенный злым демоном, в безумном ослеплении низверг царские статуи и два избранных военачальника шли уже, неся приговор об истреблении города, Македоний, сошед с горы, остановил их на площади. Узнав, кто он, военачальники соскочили с коней и, хватаясь за его руки и колена, молили о

спасении. Он завещал им представить царю, что и сам он — человек и имеет природу, подобную прогневавшему его; что нужно гнев соразмерять с природою, а он увлекся неумеренным гневом, когда за свои изображения осуждает на истребление образы Божии и за медные статуи предает смерти телá. Восстановить, говорил он, и возобновить медные статуи — нам легко и удобно, но невозможно и царю возвратить к жизни умерщвленные тела. И что я говорю — тела? Мы не можем образовать даже и одного волоска. — Он говорил это на сирском языке. А военачальники при помощи толмача, переводившего на греческий язык, выслушав эти слова, поражены были ими и обещали передать их царю. Всякий, я думаю, согласится, что эти слова были одушевлены благодатию Духа Божия. Ибо как иначе сказал бы это человек, лишенный всякого образования, воспитавшийся в полях, обитавший на вершинах гор, живший в простоте души?

Показав таким образом духовную мудрость и праведническое дерзновение Македония (он был смел как лев; см.: Притч. 28, 1), перейдем к чудотворениям этого мужа. Жена одного богача впала в болезнь объедения: одни объясняли эту болезнь действием демона, другие — болезнью тела. Как бы то ни было, только она съедала каждый день по тридцати куриц, и не только не укрощала аппетита, но еще больше раздражала его. Когда по этому обстоятельству на нее много уже было истрачено, опечаленные родственники обратились с просьбою к блаженному Македо-

нию. Он пришел в их дом, помолился Богу, наложил правую руку на воду, напечатлел спасительное знамение креста и, приказав пить, исцелил болезнь и укротил неумеренность аппетита, так что жене во все остальное время на каждый день для пищи достаточно было и малой части курицы. Таким образом эта болезнь была исцелена им. Он также изгнал демона из одной девицы. <...> Это уже достаточно показывает обилие данной ему благодатной силы; но я расскажу и другое нечто.

Одна жена благородного происхождения, чрезвычайно богатая (ее звали Астрия), сошла с ума так, что не узнавала никого из своих и не хотела принимать ни пищи, ни питья. В таком помешательстве она пребывала очень долгое время. Одни называли это действием демона; а врачи говорили, что это болезнь мозга. Употребив все врачебное искусство и не получив от того никакой помощи, ее муж (это был Авродиян), человек с властью и достоинством, пришел к блаженному Македонию, рассказал о болезни своей супруги и просил подать ей помощь. Божий человек согласился, пришел в его дом и принес Богу усердную молитву. По окончании молитвы он приказал принести воды и, напечатлев на ней спасительное знамение креста, приказал пить. Врачи отсоветывали, опасаясь, что от холодного питья болезнь увеличится, но муж, отвергнув совет всех их, поднес питье жене, и лишь только она выпила, пришла в себя и сделалась здравомыслящею. Освободившись совер-

шенно от болезни, она узнала блаженного мужа, просила его дать ей правую руку, приложила ее к глазам, поднесла к устам и осталась на все последующее время в здравом уме.

Этот человек Божий жил на горе; один пастух, отыскивая заблудших овец, забрел в ту сторону, где было его жилище. Тогда была темная ночь и падал большой снег; и пастух, как говорил, видел около блаженного горящее пламя и двух, одетых в белые одежды, подкладывающих под огонь горючее вещество. Так он, пламенея любовью к Господу, удостоивался Божией помощи!

Македоний имел и дар пророчества. Некогда пришел к нему один военачальник, сияющий благочестием (кто не знает добродетели Лупициана?), и сказал, что он беспокоится о тех, которые из столицы везут ему по морю необходимое для содержания. Пятьдесят дней, говорил он, прошло с того времени, как они вышли из пристани, но доселе нет о них никакого слуху. Тот, нисколько не медля, сказал: «Одно судно, друг, погибло, а другое завтрашний день войдет в пристань в Селевкии». Что узнал военачальник из слов блаженного, в том скоро и на деле уверился. — Но, оставив прочее, я расскажу о том, что до нас самих касается.

Тринадцать лет жила моя мать с отцом, но не была матерью: она была бесплодна и от природы лишена способности приносить плод. Сама она, будучи воспитана в благочестии, не слишком скорбела о своем неплодстве, видя в этом волю

Божью. Но отца бесчадие ее очень огорчало, и он ходил во все стороны, умоляя святых мужей, чтобы они испросили ему от Бога детей. Все прочие обещались молиться, но убеждали его покориться воле Божией; а этот Божий человек решительно согласился молиться и ясно обещал отцу, что он получит одного сына от Творца всяческих. Когда прошли уже три года, а обещание не исполнялось, отец снова пошел к нему и спросил о том же. Македоний приказал прислать к себе супругу. Когда мать моя пришла, Божий человек сказал, что он будет молить Бога, и она получит дитя, только это дитя должно быть отдано Даровавшему его. Мать отвечала, что она ищет только спасения души. Блаженный сказал на это: «Щедродаровитый подаст тебе избавление от геенны, и сверх сего даст и сына; потому что искренно молящимся подается, по их прошениям, вдвое». Мать возвратилась от него с благословенным обетованием.

Спустя четыре года после обетования она зачала и ходила к Божью человеку сказать, что благословение его приносит плод. В пятый месяц ей угрожала опасность преждевременных родов и, не могши идти сама по причине болезни, она послала к новому своему Елисею сказать, что не надеется быть матерью, и велела напомнить ему о его обетованиях. Он, издали увидев идущего, узнал его, предугадал и причину, по которой тот шел к нему: Господь ночью открыл ему о болезни матери моей и о спасении ее. Взявши жезл, Македоний пошел, опираясь на него, и, пришедши

в наш дом, приветствовал ее, по своему обыкновению, миром, и сказал: «Не унывай и не бойся: Давший не отнимет дара, если ты не нарушишь положенных условий. Ты обещалась возвратить дар и посвятить его на служение Богу». «В этой, — сказала мать, — мысли я и желаю и прошу у Бога милости — соделаться матерью; иначе я преждевременные роды считаю лучше, чем чуждое духа веры воспитание сына». — «Пей же, — сказал Божий человек, — эту воду, и ты ощутишь Свышнюю помощь». Она выпила, как было приказано, и опасность преждевременных родов миновалась. Таковы были чудеса нашего Елисея!

И я много раз удостоивался его благословения и наставлений. Он часто, наставляя меня, говорил: «Ты, чадо, родился с большими трудами: много провел я ночей в молитве о том только, чтобы родителям твоим было то, чем они называли тебя после рождения (Θεοδορίτος — Божий дар). Живи же достойно тех трудов. Ты прежде рождения, по обещанию, посвящен Богу, а что посвящено Богу, то должно быть достоуважаемо и неприкосновенно для людей. Тебе не следует внимать порочным движениям души, но делать, говорить и думать ты должен только то, что угодно Законодателю добродетели — Богу». Это мне постоянно внушал сей человек Божий. Я помню эти слова и ценю дар Божий. Но, не соответствуя своими делами его внушениям, молю Бога, чтобы, по молитве блаженного, получить мне Божественную помощь и проводить остальную жизнь по его наставлениям.

Итак, каков был Македоний и какими трудами он привлек к себе Божественную благодать, — это достаточно показано. По кончине своей он и здесь получил честь, достойную своих трудов. Ибо все — и граждане, и чужестранцы, и верховные начальники, — неся священный его одр на своих плечах, отнесли его в храм победоносных мучеников и положили его святое и боголюбезное тело вместе с телами блаженных Афрата и Феодосия. Память его будет память вечная; никакое время не изгладит ее. Мы же, оканчивая здесь это повествование, да усладимся благоуханием его.

14. Мавсима¹

Я знаю, сколь много других светильников сияло в пределах города Антиохии, каковы: великий Север, Петр Египетский, Евтихий, Кирилл, Моисей, Малх и очень многие другие, шедшие тем же путем. Но если бы я решился описывать подвиги всех, у меня неостало бы времени, кроме того, что чтение рассказов о многих лицах иным наскучивает. Итак, судя по описанию жизни в подвигах остальных лиц, пусть всех прославляют, подражают им и приобретают себе пользу. Я же перейду на луга Кира и, по возможности, покажу красоту немногих благовонных и благообразных тамошних цветов.

В предшествовавшие нам времена был некто Мавсима², по речи сирий, воспитанный в дерев-

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 22.

² Прп. Мавсима Сирий, иерей (†IV). Память — 23 января / 5 февраля.

не, но показавший преуспеяние во всех добродетелях. Прославившись своею честною жизнью, он получил духовное начальство над одним селением. Священнодействуя и пася овец Божия стада, он и говорил и делал то, что повелевает Закон Божественный. Говорят, что он очень по многу времени не переменял ни хитона, ни плаща, но, на прорванных местах ставя заплатки, дожил таким образом до старости. О странниках и бедных он так усердно пекся, что всем приходившим отворял двери.

Рассказывают, что он имел два сосуда, один с хлебными семенами, другой с елеем. Из них он уделял всем нуждающимся, и, несмотря на то, они постоянно были полны. Благодать, данная Сарептской вдовице, ниспослана была и на эти сосуды: ибо Господь всегда — тойжде, благ всем, призывающим Его, и как чванцу и сосуду Сарептской вдовицы повелел постоянно изобиловать, доставляя вдовице плоды семян гостеприимства, так и дивному Мавсиме подал изобилие, равное его попечению о бедных.

Этот блаженный получил от Бога и великую благодать чудотворений. Я упомяну об одном или двух, а о прочих умолчу, спеша перейти к другим подвижникам.

Одна жена, славная и происхождением и верою, приносила впавшего в болезнь сына своего, дитя, ко многим врачам. Когда же врачебное искусство было побеждено, врачи отчаялись и решительно приговорили дитя к смерти, — мать не оставляла еще отрадных надежд, но, подражая

суманитянке (ср.: 4 Цар. 4), возложила одр на лошаков¹ и, поместившись на нем с дитятею, прибыла к блаженному Мавсиме в слезах и печали, умоляя его помочь. Он, взявши дитя на руки, пошел к подножию жертвенника, повергся долу с молитвою ко Врачу душ и телес и, покончив молитву, отдал матери сына уже здорового.

Я слышал это от той самой, которая видела это чудо и испросила сыну спасение. — Говорят также, что, когда пришел к Мавсиме владетель того селения (это был Латоиос, занимавший первое место в Антиохийском совете, но одержимый мраком нечестия), который строже чем должно требовал от земледельцев плодов, человек Божий склонял его и убеждал к человеколюбию, внушал милосердие и сострадательность. Владетель остался непреклонен, но скоро и на деле узнал вред упорства.

Когда ему нужно было отправляться, и повозка была уже готова, он, севши, приказывал вознице погнать лошаков; те под ударами возницы всеми силами напрягались стащить повозку, но не могли, как будто бы колеса прикованы были к месту железом или свинцом. После того как и множество поселян, ворочая колеса рычагами, нисколько не подвинули их вперед, один из приближенных Латоиоса, сидевший возле него, указал ему причину этого в том, что оскорблен был старец, и говорил, что надобно его умиловить. Соскочивши с повозки, Латоиос обратился с просьбою к тому, кем пренебрег было

¹ Лошак — гибрид от спаривания ослицы с жеребцом.

и, припадая к ногам его и обнимая его грязное рубище, умолял оставить гнев. Мавсима, приняв просьбу и помолившись Господу, разрешил колеса от невидимых уз и дал повозке возможность нестись обыкновенным порядком.

Много и другого рассказывают об этом блаженном. Итак, для избравших любомудрие не служит препятствием жизнь ни городская, ни деревенская. Ибо и Мавсима, и подобные ему ревнители служения Богу показали, что возможно и обращающимся среди мира достигнуть до самой вершины добродетелей. А мне хоть бы немного выше подошвы этой горы добродетелей подняться при содействии молитв этих святых!

15. Акепсим¹

В это же время жил Акепсим², которого слава известна была по всему Востоку. Он, заключившись в домике, прожил шестьдесят лет, никого не видя и ни с кем не разговаривая, но углубясь в самого себя и созерцая Бога, — в чем находил он для себя все утешение, по изречению пророческому: *насладися Господеву, и даст ти прошения сердца твоего* (Пс. 36, 4). Приносимую пищу он принимал сквозь небольшое отверстие. Отверстие было просверлено не совершенно прямо, но было сделано несколько извилистым,

¹ О нем см.: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

² При. Акепсим Антиохийский, Сирийский отшельник, пресвитер († IV). Память — 3/16 ноября.

дабы нельзя было желающим заглянуть внутрь. Для пищи ему приносима была чечевица, размоченная в воде; потребное количество воды он сам начерпывал себе в ближайшем источнике, выходя из домика раз в неделю ночью.

Однажды пастух, пася овец, увидел, как он во мраке шел к источнику, и, приняв его за зверя (потому что он, обремененный тяжкими веригами, ходил в согбенном положении), натянул было пращу, чтобы пустить в него камень. Но рука его осталась неподвижною на долгое время и не могла бросить камня, доколе блаженный муж, почерпнув себе воды, не скрылся. Пастух почувствовал свою ошибку и очень рано поутру отправился к домику Акепсима, рассказал о случившемся, просил прощения и получил отпущение своей вины, выраженное не живым голосом, а движением руки.

Другой некто, из неблагонамеренного любопытства пожелав узнать, что делает Акепсим, дерзнул взлезть на дерево, посаженное вблизи его келлии, но тотчас же пожал плоды своей дерзости. Онемев половиною тела от головы даже до ног, он с покорностию явился к блаженному и признался в своем проступке. Тот сказал ему, что он возвратит себе здоровье, когда срубит дерево. Акепсим приказал срубить дерево для того, чтобы другой кто-нибудь не сделал того же, что сделал этот любопытный, и не потерпел подобного наказания. За посечением дерева, действительно, последовало и освобождение от наказания. Такое-то имел терпение в подвигах и такую-то

благодать получил от Подвигоположника этот блаженный муж!

Приготовляясь к отшествию из этой жизни, он предсказал, что кончит жизнь чрез пятьдесят дней. Всех, желавших видеть его, он принимал. Между прочим, пришел к нему и предстоятель Церкви и убеждал его принять иго пресвитерства, говоря: «Я знаю и высокое твое любомудрие, и крайнюю мою нищету; но, будучи удостоен служения епископского, совершаю рукоположение по силе такого призвания, а не по своему недостойнству. Прими же дар священства, чрез возложение моей руки и по действию благодати Всесвятаго Духа». На это Акепсим, говорят, сказал: «Так как я спустя немного дней отойду отсюда, то нисколько не спорю против этого; но если бы надеялся долго прожить, то уклонился бы от тяжкого и страшного бремени священства, страшась будущего отчета. Поелику же, оставив все здешнее, я скоро отойду из этой жизни, то с покорностию приму то, что ты мне повелеваешь».

Прожив в сане священства немного дней, блаженный променял одну жизнь на другую, и вместо многопечальной получил нестареющуюся и беспечальную. Все желали восхитить себе его тело, и каждый старался перенести в свое селение, но некто прекратил спор, объявив завещание святого. Он сказал, что блаженный завещал предать погребению его тело в известном именно месте...

Так-то граждане небесные заботятся о простоте и по смерти: чуждые гордости при жизни,

они не ищут почестей от людей и по смерти; но, всю любовь сердца отдав Небесному Жениху, они подобны целомудренным женам, которые заботятся об одном только, чтоб их любили и хвалили супруги их, а сторонними похвалами пренебрегают. За это-то, когда они и не желают, Небесный Жених соделывает их известными, щедро даруя им славу и от людей. Ибо когда кто, стремясь к Богу, ищет Небесного, то Господь, исполняющий многоразличные прошения, подает вместе с тем и все другое. Это Он выразил и в законе Своем, говоря: *ищите же прежде Царствия Божия, и правды его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33), и еще: *всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приимет, и живот вечный наследит* (Мф. 19, 29). Сказавший это так и сделал со святыми. О, если бы и нам, при помощи и словесных наставлений, и при молитвенном содействии святых, достигнуть цели — почестей вышняго звания во Христе Иисусе, Господе нашем!

16. Марон¹

После Акепсима я упомяну о Мароне², который также был украшением блаженного лика святых. Возлюбив жизнь под открытым небом,

¹ См. о нем: Созомен. Церковная история. Кн. 6, гл. 34; — Никифор. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

² Прп. Марон, Сирийский пустынник († IV). Память — 14/27 февраля.

он занял вершину одной горы, в старину чтимой язычниками. Освятив это место идольских жертвоприношений в место служения Богу, он подвизался там, построив для себя небольшую хижинку, в которой, впрочем, редко бывал. Собирая богатство любомудрия, он употреблял не обыкновенные только для этого труды, но выдумывал и другие, а Подвигоположник с трудами соразмерял Свою благодать. Великодаровитый, Он так щедро одарил блаженного силою исцелений, что его слава распространилась повсюду; все со всех сторон приходили к нему и по собственному опыту убеждались в истине доходившего до них слуха. Перед очами всех и горячки были погашаемы росой его благословения, и иступление прекращалось, и демоны обращались в бегство, и различные болезни исцеляемы были одним врачевством.

Изучающие врачебное искусство обыкновенно к каждой болезни прилагают сообразное с нею лекарство, но молитва святых есть общее лекарство против всех болезней. Марон не только телесные болезни врачевал, но и душам предлагал приличное врачевство: этого врача от любостяжания, того от гнева, одному внушая смиренномудрие, другому преподавая уроки справедливости, в одном обличая невоздержанность, другого возбуждая от беспечности. Упражняясь в таком земледелии, он произвел много плодов любомудрия и насадил Богу тот сад, который ныне процветает в земле Кирской. Произведением этого рассадника был великий Иаков,

к которому, по справедливости, кто-нибудь приложит сие пророческое изречение: *праведник яко финикс процветет, яко кедр, иже в Ливане, умножится* (Пс. 91, 13), — и все другие, о которых я, при помощи Божией, упомяну в своих местах.

Подвизаясь таким образом в Божественном земледелии, врачуя вместе и души и тела, Марон, после короткой болезни, посетившей его для того, чтобы мы узнали и слабость тела, и силу души, отошел от сей жизни. О теле его между соседями поднялся сильный спор. Но жители одного соседнего, многолюдного селения, пришедши все вместе, похитили это вожденнейшее сокровище, разогнав прочих, — и, построив для него весьма большой храм, даже до сего дня получают оттуда пользу, прославляя победоносца Марона всенародным торжеством. А мы и заочно получаем благословение: вместо гроба для нас достаточно памяти о блаженном.

17. Авраамий¹

Грешно не упомянуть и о достойном удивления Авраамии², потому только, что он, после жизни отшельнической, украшал первосвященническую кафедру. Потому-то особенно он и достоин воспоминания, что, вынужденный переменить род жизни, не переменял образа ее, не

¹ См. о нем: *Феодорит*. Церковная история. Кн. 4, гл. 26; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 41.

² Свт. Авраамий, Каррийский епископ (†V). Память — 14/27 февраля.

оставил подвижнических трудов, но проводил жизнь в одно время и в отшельнических подвигах, и в трудах первосвященнических. И он был плодом страны Кирской: здесь он и родился, и воспитался, здесь и собрал богатство подвижнических добродетелей. Знавшие его рассказывают, что он бдением, стоянием на молитве и постом так изнурил свое тело, что очень долгое время оставался неподвижным, потому что не мог ходить.

Освобожденный от этой болезни Божественным промыслением, Авраамий решился, в знамение благодарности к Божией благодати, подвергнуть себя опасностям, переселившись в одно большое селение — Ливан, о котором узнал, что оно покрыто мраком нечестия. Скрыв свое звание монашеское под личиною купца и вместе с другими пришедши туда с мешками, как будто в намерении купить орехов (так как эта страна преимущественно производила этот плод), он нанял дом, дал владельцам его немного денег и три или четыре дня сохранял тишину. Потом мало-помалу начал умеренным голосом совершать Божественные службы. Когда слышали псалмопение, и глашатай громким голосом стал всех сзывать, собрались мужи и жены, завалили двери и, наносивши много сору, сверху с кровли сбросили этот сор внутрь дома. Увидевши, однако ж, что заключенные и засыпанные сором ничего не хотят ни предпринять для спасения, ни сказать что-нибудь, а продолжают только молитвы Богу, они, по новому совещанию, успоко-

ились от своего бешенства, отворили дверь, раз-
метали сор и приказывали заключенным тотчас
удалиться. Но в это время пришли сборщики и
строго требовали податей, одних сажая в канда-
лы, других покрывая ударами.

Блаженный Авраамий, не помня ничего, что
сделано было в отношении к нему, и подражая
Господу, молившемуся на Кресте за Своих рас-
пинателей, просил сборщиков, чтобы они были
снисходительнее при собирании дани. И когда
сборщики требовали поручительства, он охотно
взял это на себя и обещал спустя немного дней
доставить сто золотых. Причинившие блажен-
ному вышеописанные оскорбления, удивленные
человеколюбием его, просили прощения в своей
дерзости и приглашали его быть у них предстоя-
телем.

Блаженный, отправившись в город (это была
Емеса) и нашед здесь некоторых своих знако-
мых, взял у них займы сто золотых; потом,
возвратившись в селение, в назначенный день
исполнил обещание. Увидев столь великое его
о себе попечение, поселяне еще усерднее пред-
лагали ему свою просьбу. Когда он обещался
исполнить их желание под условием, если они
согласятся построить церковь, поселяне предло-
жили ему тотчас же начать постройку и водили
его туда и сюда, показывая удобнейшие для сего
места: один выхвалял то, другой — другое. Он
же, избрав лучшее и положив основу для храма,
в короткое время наложил на него и крышу. По
окончании строения блаженный убеждал посе-

лян приобрести себе священника. И когда они сказали, что не хотят искать другого, а его умоляют быть для них и отцем и пастырем, он принял благодать священства. Три года прожил он с ними, мудро руководя их к Богу; потом, приготовив им вместо себя другого из среды их самих, сам опять удалился в отшельническое убежище.

Но не будем рассказывать о нем всего, чтобы не сделать повествования слишком длинным... Просиявши такими подвигами, блаженный занял кафедру первосвященника в Каррах. Этот город был еще заражен нечестием и предан безумному идолослужению, но, удостоившись попечений нового делателя и прирав огонь его учения, освободился от прежних терний и ныне обилует жатвами Святаго Духа, принося Богу зрелые колосы.

Такую боголюбезную обработку бесплодной земли совершил сей блаженный муж не без труда, напротив — бесчисленными трудами: подражая тем, которым предоставлено врачевание тел, он то услаждал убеждениями, то употреблял лекарства вяжущие, а иногда отсечением и прижиганием больных членов возвращал немощным здоровье. Назидательному слову пастыря и другим способам врачевания помогала и добрая жизнь его. Освещаемые лучами ее и учению внимали, и охотно покорялись тому, что с ними делали. Во все время святительского служения для блаженного немного нужно было хлеба и воды, излишен был одр, не нужно употребление огня. Ночью он совершал попеременно сорок псалмо-

пений, наполняя промежутки между ними вдвое большим числом молитв; к исходу ночи садился он на стул и дозволял немного успокоиться своим ресницам.

Что не хлебом единым может жить человек, — это сказал еще законодатель Моисей, подтвердил и Господь, отвергая искушение диавола. И этот дивный муж, во время святительства своего, не вкушал ни хлеба, ни зелени, ни овощей, приготовленных на огне, ни воды, которая, по своей необходимости для жизни, считается у людей, знакомых с науками естественными, первую из четырех стихий. Пищу и питье заменяли для него — салат, цикорий и петрушка, не требовавшие искусства хлебников и поваров. Во время весны он удовлетворял свои потребности весенними плодами, но и их употреблял уже после вечернего служения.

Столь великими трудами измождая свое тело, подвижник о других имел неусыпное попечение. Для странников, заходивших к нему, у него готовы были и постель, и хлебы, чистые и вкусные, и вино благовонное, и рыба, и овощи, и другое подобное. В полдень он сам садился за стол с обедающими у него, каждому поднося какую-либо часть из предложенного, всем подавая чаши и прося пить; но сам подражал своему соименнику, то есть патриарху, который прислуживал странникам, а сам не вкушал вместе с ними. По целым дням он присутствовал при спорных делах тяжущихся и убеждал их примиряться между собою, а тех, которые не слушали

кротких увещаний и не соглашались на справедливые уступки, невольно принуждал к тому, потому что, когда сторону несправедливо обиженного принимал праведник, он оказывался непобедимым.

Сам царь пожелал видеть его (ибо молва крылата и все хорошее и дурное легко разносит) и потребовал его к себе; когда же праведник пришел, царь принял его с особенною ласковостию и благоволением. Таким образом подвижничество заслуживает почтение и от властителей, и от всех людей, и подвижники даже по смерти нередко удостаиваются великих почестей. Увериться в этом можно из многих примеров и преимущественно из жизни настоящего праведника.

Когда он умер и узнал об этом царь, то пожелал положить скончавшегося в одном из своих придворных храмов. Но размыслив, что справедливее будет отдать тело пастыря пастве, царь сам провожал покойника впереди всех, за царем следовало семейство его, потом — начальствующие и подчиненные, воины и простые. С таким же торжеством встретил гроб праведника город Антиохия, встречали и все другие города до самой реки Евфрата. На берегу этой реки стеклись и граждане, и чужестранцы, и жители стран пограничных, и наперерыв старались получить благословение от покойного. Гробницу сопровождали многие ликторы¹ и устрашали бичами тех,

¹ Служители, сопровождавшие и охранявшие высших магистров.

которые покушались снять с тела одежды, чтобы иметь от них хоть лоскуток. И слышны были псалмопения и вопли. Там скорбящая жена называла его покровителем, питателем, пастырем и учителем; здесь плачущий муж называл его отцом, помощником и заступником. С такими похвалами и слезами предано было погребению святое тело угодника Божия!

Удивляясь ему, как человеку, который с переменою рода жизни не переменял образа жизни, я поместил его в истории отшельников и не отделил его от любимого его общества, чтобы получить себе за это благословение.

18. Евсевий¹

К тем, о которых говорил я выше, присоединю и великого Евсевия². Он умер назад тому немного времени, но жил очень много лет, подъял, по числу лет жизни, столь же многие труды, приобрел равную трудам добродетель и получил от нее многообразный плод; ибо Подвигоположник воздаянием наград превышает подвиги.

Этот блаженный сначала, вверив себя попечению других, шел туда, куда его вели, так как то были мужи Божии, ревнители и подвижники добродетели. Проживши же с ними несколько времени и изучив тайны любомудрия, он возлюбил жизнь уединенную и, пришедши на один хребет

¹ См. о нем: *Созомен*. Церковная история. Кн. 6, гл. 33.

² Прп. Евсевий, Сирийский пустынник († V). Память — 15/28 февраля.

горы, близ которой находится очень большое селение, называемое Асихою, воспользовался одною стеною, камни которой не были связаны даже глиною, начал проводить остальную жизнь в трудах под открытым небом, покрываясь кожанною одеждою, а питаюсь горохом и бобами, смоченными водою. Иногда, впрочем, он употреблял и смоквы, стараясь таким образом подкрепить слабость тела. И дожив до глубокой старости, когда уже лишился многих зубов, он не переменил ни пищи, ни образа жизни.

В зимние морозы, и в летние жары праведник терпеливо переносил все перемены воздуха, имея лицо сморщенное и все члены тела иссушенные. Он так измождил свое тело многими трудами, что даже пояс не мог у него держаться на пояснице, но опускался вниз. И потому он пришил пояс к хитону, придумав это как единственное средство удержать пояс на своем месте.

Крайне не нравились подвижнику беседы с другими: ибо он, постоянно упражняясь в Божественном созерцании, не хотел развлекать своего внимания. Впрочем, так горячо любя созерцание, он некоторым из знакомых позволял отворять дверь и входить к нему; только, отпуская их после наставления от Божественного Писания, приказывал опять замазывать дверь грязью. Нашедши, однако ж, лучшим избегать обращения и с немногими, он совершенно заградил вход к себе, привалив большой камень к двери своего жилища. И только с немногими из собратий разговаривал чрез отверстие, сквозь которое видеть

его было невозможно, потому что так оно было устроено; чрез то же отверстие он принимал себе и приносимое ему небольшое количество пищи. Наконец, блаженный всем отказал в своей беседе, только меня одного удостоивал своего сладкого и боголюбезного гласа, и даже часто, когда я уже собирался уйти, удерживал меня, продолжая беседовать о Небесном.

Когда же пришли к нему многие и просили дара благословения, он был недоволен таким многолюдством и, несмотря на старость, забыв о слабости сил своих, перескочил чрез стену, на которую взойти не легко было и человеку с крепкими силами; ушел к ближайшим подвижникам и в их обители, опять нашедши себе убежище в уголку стены, начал подвизаться в обычных трудах.

Предстоятель этого стада, муж, исполненный всякой добродетели, сказывал, что здесь Евсевий проводил семь седмиц Святого Поста, довольствуясь пятнадцатью смоквами. И подобные подвиги предпринимал он, имея уже более девяноста лет и притом будучи крайне слаб здоровьем! Слабость сил была в нем вознаграждаема пламенным усердием, и любовь к Богу делала для него все удобным и легким. Омываемый струями пота среди таких трудов, достиг он цели своего течения, взирая на Подвигоположника и ожидая венцев. А я желаю и теперь пользоваться предстательством его пред Богом, как пользовался при его жизни. Ибо я верю, что он и теперь живет и имеет чистейшее дерзновение к Богу.

19. Саламан¹

Думая, что я оскорбил бы добродетель, если бы не сообщил сведений о жизни и дивного Саламана² и оставил ее во мраке забвения, я предложу повествование о нем в кратких чертах.

К западу от реки Евфрата, на самом берегу ее, есть селение, называемое Каперсаноа. Отсюда-то происходил Саламан. Полюбив уединение, он отыскал на другом берегу маленькое убежище и заключился в нем, не оставив ни прохода, ни окна. Однажды в год, пролезая из-под стены убежища, он доставал себе пищи на целый год, и никогда более не входил в беседы с людьми. Так прожил он не какое-нибудь короткое время, напротив — долго.

Архипастырь города, к которому принадлежало означенное селение, узнав о добродетели этого мужа, пришел к нему с намерением предложить ему дар священства и вошел в келлию, приказав проломать некоторую часть стены, но ушел от него, не услышав ни одного слова и повелев опять закрыть пролом в стене хижины.

В другое время жители селения, из которого происходил подвижник, ночью перешедши чрез реку и разрушив его хижину, взяли его самого и быстро перенесли в свое селение: он же не показал ни сопротивления, ни согласия. Наутро поселяне построили ему подобную прежней

¹ См. о нем: *Созомен*. Церковная история. Кн. 6, гл. 32; — *Никифор*. Церковная история. Кн. 11, гл. 39.

² Прп. Саламан Персиянин, Молчальник († ок. 400). Память 23 января / 5 февраля.

хижину и в ней заключили его — он продолжал хранить молчание и ничего никому не говорил. Через несколько времени жители противоположного селения, также пришедши ночью и разломав хижину, отвели молчальника к себе; он и на этот раз нисколько не противился и не настаивал, чтоб его оставили, не выразил и готовности перейти. Соделав таким образом себя мертвым для сей жизни, он в самом точном смысле слов мог повторить апостольское слово: *Христови со-распяхся: живу же не ктому аз, но живет во мне Христос: а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене, и предавшаго Себе по мне* (Гал. 2, 19). Таков-то был этот блаженный муж! Из сказанного достаточно виден порядок его жизни. Я же, и отсюда приобретши для себя пользу, перейду к повествованию о других.

20. Мар¹

Есть одно селение, называемое у нас Омира. Построив близ этого селения небольшую хижину, блаженный Мар заключился в ней и прожил тридцать семь лет. Хижина впитала в себя много сырости, так что вся покрыта была каплями воды. Какой от сего происходит вред для тела, знают и горожане, и поселяне: потому что даже поселяне испытывают болезни, которые зарождаются от сырости. Но блаженного Мара и это не заставило переменить жилище. Он постоянно

¹ Прп. Мар певец († ок. 430). Память — 25 января / 7 февраля.

пребывал в своей хижине до тех пор, пока скончал течение, начав подвиги добродетели с ранних лет и сохранив чистоту как тела, так и души. Это он сам мне открыл, говоря, что у него тело соблюлось чисто, каким оно вышло из утробы матерней. Бывши еще юношею, он в празднества мучеников восхищал народ приятным своим голосом, отправляя должность певца, и привлекал к себе всех красотою. Однако ж ни красота тела, ни ясность голоса, ни столкновение со многими не повредили красоты его души. Когда же он стал жить подобно заключенным, то пекся единственно о своей душе, и в подвигах заключения умножал богатство добродетели.

Я часто удостаивался его сообщества, потому что мне он позволял отворять дверь, и когда я приходил, принимал в объятия и вел со мною долгую беседу о любомудрии. Он отличался простотою и не терпел лукавства, а бедность считал за величайшее благополучие. Прожив девяносто лет, он довольствовался одеждами, приготовленными из козьей шерсти, а для укрепления телесных сил употреблял немного хлеба и соли. Пользовавшись его горячею любовью, я, как думаю, сделал бы несправедливость в отношении к нему, если бы не восхвалял праведника по смерти его; сделал бы несправедливость и в отношении к другим, если бы не предложил им для подражания это высокое любомудрие... Прося себе покровительства угодника Божия и теперь, я сим заключаю повествование о нем.

21. Иаков¹

Изложив подвиги борцов, уже провозглашенных победителями, и показав в коротких чертах и их усилия в стремлении к Небу, и их терпение в подвигах, и, наконец, славные и принопамятные их победы, опишем жизнь и теперь еще существующих великих подвижников, как бы усиливающих даже превзойти трудами своих предшественников, и таким образом оставим своим потомкам полезное воспоминание. Ибо как жизнь древних, давно уже сиявших святых приносила потомкам их величайшую пользу, так и повествование о настоящих подвижниках представит достойные образцы для последующих христиан.

Начну повесть о современных подвижниках с великого Иакова², который первенствует между другими и по времени, и по подвигам: прочие, уже подражая ему, совершают дивные и изумительные дела. Случилось же, не знаю каким образом, что и между почившими подвижниками, о которых мы прежде рассказывали, и между нынешними это имя занимает первое место. Ибо и повесть о жизни тех я начал с блаженного Иакова, который молитвою рассеял персидское войско и не допустил взять города, тогда как стены города уже пали, но обратил в бегство самих неприятелей, напустив на них войско комаров и скинпов. Современный нам Иаков, равно-

¹ См.: *Никифор*. Церковная история. Кн. 15, гл. 22.

² Прп. Иаков, Сирийский отшельник (†457). Память — 26 ноября / 9 декабря.

честный тому и подобный ему по образу жизни, пусть займет первое место между живущими еще подвижниками, не как соименник только прежнего Иакова, но и потому, что поревновал добродетели его и сам сделался образцом любознания для других.

Сблизившись с упомянутым нами великим Мароном и напитавшись его учением, современный нам Иаков даже превзошел учителя своими великими трудами. Тот имел для себя убежище в роще, где прежде приносились языческие жертвы и где он устроил хижину из волосянистых кож, в которой и мог укрываться от дождя и снега. А этот, не имея ничего подобного: ни хижины, ни палатки, ни рощи, но имея кровлю над собою одно небо, оставался открытым для всех неблагоприятных действий погоды — в иное время его мочил сильный дождь, в другое холодили снег и мороз, в третье палили и жгли лучи солнца, — и все это праведник переносил терпеливо и, сражаясь как бы в чужом теле, ревностию старался победить свою природу. Облеченный в тело смертное и подверженное страстям, он жил как бы бесстрастный и, во плоти подражая бесплотным, мог говорить о себе с божественным Павлом: *во плоти ходяще, не по плоти воинствуем: оружия бо воинства нашего не плотская, но сильна Богом на разорение твердем: помышления низлагающе, и всякое возношение взимающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово* (2 Кор. 10, 3—6).

Но к таким сверхъестественным подвигам он восшел постепенно от меньших трудов. Сначала, заключившись в одном маленьком домике и отдалившись от внешних волнений, он приковал свой ум к размышлению о Боге, и таким образом приготовил себя к совершеннейшей добродетели. Потом, приучив уже душу к доброму деланию, решился на более строгое подвижничество и, заняв гору, которая отстояла от города на тридцать стадий, сделал ее известною и достойаваемою, тогда как прежде она была неизвестна и совершенно бесплодна.

Ныне эта гора получила такое благословение, что даже землю ее чтут, и приходящие отовсюду уносят частицы ее себе на пользу. Живя здесь, подвижник может быть видим всеми приходящими: потому что не имеет, как я уже сказал, ни пещеры, ни хижины, ни палатки, ни рощи, ни даже плетня, который бы заграждал его. Он видим бывает, когда молится и когда отдыхает, когда стоит и сидит, бывает здоров или страждет какою-либо болезнью; так что, подвизаясь постоянно пред зрителями, он принужден иногда делать себе крайнее насилие.

И это я говорю не по слуху, узнав от других, но бывши сам очевидцем, как он однажды во время болезни усиливался преодолевать потребности тела, считая неприличным удовлетворить им при множестве народа, но и не находя возможности уклониться от народа. В тот раз, несмотря на страшные муки от одержавшей его болезни, он препобеждал себя до тех пор, пока

наступившая глубокая ночь не принудила всех удалиться домой. Пришедши к нему на следующий день и видя, что был сильнейший дневной жар, которым усиливалась тяготившая его горячка, я, под предлогом головной боли, сказал, что стражду от действия солнечных лучей, и просил позволения наскоро устроить у него какую-нибудь небольшую тень. Когда он позволил это, мы, утвердивши три кола и обтянувши их двумя кожами, приобрели для себя тень. Блаженный приказывал мне воспользоваться ею, но я сказал: «Стыдно мне, еще молодому и здоровому человеку, пользоваться таким утешением, тогда как ты, одержимый жестокою горячкою и имеющий нужду в подобном утешении, сидишь вне и терпишь мучительное влияние жгучих солнечных лучей. Если хочешь, — продолжал я, — чтобы я воспользовался этою тенью, раздели ее со мною. Мне желательно быть при тебе, а лучи солнечные мешают мне в этом». Услышав такие слова, он согласился и принял мои услуги.

Когда же мы вместе наслаждались тенью, я начал другую речь и сказал, что мне нужно прилечь, потому что для бедр моих тяжело долго сидеть. И когда он позволил мне и прилечь, то по-прежнему услышал, что я не позволю себе прилечь, пока он будет сидеть. «Если хочешь, — сказал я, — чтобы я насладился покоем, возляжь и ты, отче, вместе со мною: тогда мне не стыдно будет лежать». Он опять согласился, и, когда мы возлежали, я предлагал ему приятные разговоры и старался доставить старцу удоволь-

ствие. Вздумав тихонько потерять его спину, я заложил руку за одежду и заметил большую железную перевязь, которая охватывала и поясницу его, и шею, и еще другие цепи, прикрепленные к кольцу около шеи, две спереди и две сзади, наискось ниспускавшиеся до кольца нижнего и изображавшие своим сцеплением спереди и сзади букву Х и соединявшие оба кольца вместе; такие же узы были у него на руках около локтей. Увидев эту огромную тяжесть, я просил подвижника облегчить свое болящее тело, для которого невозможно было в одно и то же время выносить и произвольную тяжесть, и невольную болезнь. «Теперь, — сказал я, — отче, у тебя горячка заменит железо: а когда она пройдет, тогда снова наложим железо на тело». И он, убежденный многими моими просьбами, согласился и на это и, поболевав немного дней, легко выздоровел.

Но спустя несколько времени Иаков опять впал в тягчайшую болезнь. Так как многие из сторонних людей хотели овладеть его телом, то жители ближайшего города, и воины, и простые, стеклись к подвижнику, одни с воинским оружием, другие имея, какое случилось, оружие, и начали стрелять не для того, чтобы умертвить кого-либо, а чтобы только устроить и прогнать этих сторонних людей. Потом возложили победоносного борца на одр и принесли в город. Он ничего происходившего с ним не чувствовал, — не чувствовал даже и того, как поселяне вырывали у него волосы. Дошедши до храма святых

пророков, несшие одр оставили его в находившемся здесь монастыре.

Некто, пришед в Берию, где я тогда находился, рассказал, что случилось, и передал весть о смерти праведника. Я тотчас же побежал и, всю ночь употребив на путешествие, поутру пришел к Божию человеку. Он уже не говорил и не мог узнать никого из присутствующих; но когда я приветствовал его и сказал, что его приветствует и великий Акакий, он вдруг открыл глаза и спросил, как я здоров и когда пришел к нему, и лишь только я дал ответы, он опять сомкнул глаза. По прошествии трех дней он спросил, где он находится. Узнавши об этом, очень огорчился и желал тотчас же быть отнесенным на гору. Я, послушный ему во всем, немедленно приказал поднять одр и перенести его на прежнее место. Тогда я увидел, как бесстрашна была в отношении к почестям досточтимая для меня душа праведника.

На следующий день я принес ему зеленого ячменя, смоченного водою, так как он не позволял себе принимать ничего вареного, отказавшись совершенно от употребления огня. Старец не хотел принять моего приношения, но я сказал: «Ради всех нас, отче, умерь свое воздержание. Мы твое здоровье считаем общим для всех нас благом, потому что ты не только служишь для нас образцом в делах, полезных для души, но и помогаешь нам своими молитвами и привлекаешь к нам Божие благоволение. Если же тебе тяжело отступить от обычного порядка,

то потерпи и это, отче; ведь и это также есть вид подвижничества. Как в состоянии здоровья ты, когда возникала потребность пищи, побеждал желание терпением, так теперь, когда нет у тебя ни малейшего желания вкусить пищи, покажи терпение, приняв ее». Когда я говорил это, был тут и Божий человек Полихроний, который, одобряя мои слова, сам первый решился принять пищу, хотя еще было утро и хотя он часто чрез семь дней только питал свое тело. Убежденный наконец, Иаков принял одну горсть смоченного ячменя, прищулив глаза, как мы обыкновенно делаем, когда пьем что-нибудь горькое.

Когда от слабости и ноги у него отказались ходить, мы посоветовали ему омыть их водою. Я считаю нужным и здесь сделать замечание о любомудрии его. Сосуд с водою находился недалеко. Один из слугителей хотел прикрыть его, чтобы пришедшие к блаженному не видели сосуда. Блаженный, заметив это, сказал: «Для чего ты закрываешь сосуд?» Слугитель отвечал: «Чтобы его не было видно тем, которые к тебе приходят». «Оставь, дитя, — сказал старец, — не скрывай от людей того, что явно пред Богом». Ибо, желая жить только для одного Бога, он не заботился о мнении человеческого. «Какая польза, — говорил он, — если люди будут видеть во мне большее благочестие, а Бог — меньшее? Ведь воздавать награды будут не они, а Бог — Щедродатель». Кто не подивится как словам старца, так и уму его — виновнику сих слов, столько возвысившемуся над славою человеческою?

Я знаю и другое подобное обстоятельство. Был вечер, глубокий вечер и время вкушения пищи. Блаженный, взяв предложенный глиняный сосуд, вынул смоченную чечевицу, которая составляла его единственную пищу. В это время шел из города какой-то человек, которому поручено было какое-то дело по воинской части. Иаков, увидев его еще издали, не оставил чечевицы, но, по обыкновению, принимал пищу. Думая, не привидение ли это, он не хотел принять к себе прохожего, как врага, и, показывая вид, что не боится его, подносил между тем пищу к устам своим. Странник уверял, что он человек и что, только быв обязан клятвою выйти из города прежде вечера, странствует в такую пору. Тогда блаженный сказал: «Успокойся же и отдохни, и после молитвы отправляйся своею дорогою; а теперь будь участником в моей пище и трапезе», — и, сказав это, тут же дал ему полную горсть чечевицы.

Блаженный изгонял из души своей и страсть к суетной славе вместе с другими страстями. О терпении же его и излишне говорить. Он часто по три дня и по стольку же ночей проводил под снегом, который, во время молитвы, покрывал его до того, что не видно было ни одного лоскутка одежды его. Часто соседи, разгребая навалившийся снег заступами и лопатами, находили старца, лежавшего под снегом, и поднимали его. За такие труды он и пожал дары Божественной благодати, которыми все желающие от него пользуются. Силою его благословения не раз

погашался и теперь погашается пламень горячки; у многих лихорадочный озноб был ослабляем и совершенно прекращаем; от этой силы многие демоны принуждены были бежать; и вода, благословляемая десницею праведника, делается спасительным врачевством.

Кто не знает воскресения дитяти, которое совершено было его молитвою? Родители этого дитяти жили в предместьи города. Они имели много детей, но всех их преждевременно проводили во гроб. Когда родилось у них последнее дитя, отец побежал к человеку Божию, прося исходатайствовать новорожденному у Бога долгую жизнь, и обещаясь посвятить его Богу, если оно будет живо. Но и это дитя, прожив четыре года, скончалось. Отца не было дома; когда по возвращении, сверх чаяния, он увидел, что дитя его уже выносят, то, схватив его с одра и воскликнув: «Надобно же мне исполнить обет и отдать дитя, хотя и умершее, человеку Божию», — отнес покойника к старцу и положил к святым стопам его. Человек Божий, имея дитя пред собою и преклонившись на колена, молился ко Владыке живота и смерти. К вечеру дитя издало голос и назвало отца. Видя, что Господь принял его молитву и возвратил жизнь умершему, старец возблагодарил Всевышнего, исполняющего волю боящихся Его, окончил свою молитву и отдал дитя родителю. Это я и сам видел и слышал от родителя дитяти, который передавал многим о совершившемся чуде, желая доставить тем великую пользу всем слышавшим.

Часто и я пользовался помощью угодника Божия: упомяну об одном или о двух случаях, считая великою неблагодарностию умолчать и не поведать другим о благодеяниях. Нечестивый Маркион посеял много терний нечестия в области города Кира. Стараясь исторгнуть их с корнем, я употребил все силы и прибегал ко всем средствам. Но те, о спасении которых я заботился, *вместо еже любить мя*, — скажу словами пророка, — *оболгаху мя... и положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое* (Пс. 108, 4–6) и, при содействии злых демонов, покушались тайно вредить мне.

Однажды ночью пришел ко мне демон-обольститель и говорил мне на сирском наречии: «Зачем ты вооружаешься против Маркиона? Зачем предпринял войну с ним? Что он сделал тебе когда-нибудь оскорбительного? Прекрати войну, оставь вражду: иначе ты по собственному опыту узнаешь, сколь хорошее дело — мир. Ибо будь уверен, что я давно бы уже поразил тебя, если бы не видел хора мучеников вместе с Иаковом, охраняющего тебя». Я выслушал это и спросил одного из друзей, который спал тут же: «Слышал ли ты, что́ говорено было?» Он отвечал: «Все слышал и хотел встать — посмотреть и узнать, кто это говорил; только ради тебя, думая, что ты спишь, хранил молчание».

Итак, вставши, мы оба осматривались кругом, но не слышно было никакого ни движения, ни звука. Те же слова вместе с нами слышали и другие наши сожители. Тогда я понял, что хором

мучеников демон назвал сосуд с освященным елеем, собранным мною на благословение от гробов многих мучеников, повешенный у моего одра; а над главою у меня лежала ветхая одежда великого Иакова, которая и была для меня прочнее всякой адамантовой ограды...

Когда я, намереваясь войти в одно большое селение маркионитов, встретил множество препятствий, заграждавших мне вход, тогда я послал к моему Исаии с просьбою подать мне помощь. Он сказал: «Будь покоен, все эти препятствия разрушатся, подобно паутине: это мне в прошедшую ночь открыл Бог не во сне, а в видении. Я видел в той стране, в которой находится помянутое селение, огневидного змия, который, в направлении от запада к востоку, неся по воздуху. Совершив три молитвы, я увидел его согнувшимся; соединив голову с хвостом, он представлял фигуру круга. Окончив восемь молитв, я увидел его рассеченным надвое, и потом он исчез».

Так Иаков это провидел, а мы видели согласный с видением его исход дела. Ибо наутро, державшиеся в то время учения Маркионова (ныне уже принадлежащие к Церкви Апостольской), будучи руководимы змием — начальником зла, показали нам обнаженные мечи, направлявшиеся с запада. Но в третьем часу дня они, сомкнувшись, думали уже только о своем спасении, подобно тому, как змий прикрывал голову хвостом. В восьмом же часу, рассеявшись, они дали нам свободный вход в селение, и мы тотчас же

нашли там сделанного из меди змия, которому они поклонялись. Ибо явно восстав против Создателя и Творца всяческих, они пожелали служить проклятому змию, как Его врагу.

Поелику же речь перешла к повествованию о Божиих откровениях, то я расскажу, что слышал от того же нелживого свидетеля. А он рассказывал не по славолобию, которого чужда была святая душа его, но быв вынужден необходимостью поведать другим то, что хотел было скрыть. Я просил его помолиться Господу, чтобы Он соделал мою ниву чистою от куколей и свободною совершенно от еретических семян: ибо меня чрезвычайно огорчало слишком усилившееся заблуждение бесстыдного Маркиона. Человек Божий уверял меня, что мне не нужно ни его, ни другое чье-либо предстательство. «Потому что ты, — говорил он мне, — имеешь постоянным молитвенником за себя великого Иоанна, глас Слова, Предтечу Господня». Когда я сказал, что верую в молитвы как сего, так и других святых, апостолов и пророков, которых останки недавно к нам перенесены, «верь, — отвечал старец, — что ты имеешь особенным ходатаем за себя Иоанна Крестителя».

После этого я не мог уже более молчать и с большим настоянием спрашивал, желая узнать, почему он в особенности упомянул о святом Предтече? Он сказал, что желал бы прикоснуться к этим вожделенным останкам. Когда же я отвечал, что не принесу их, если он не даст обещания сказать, что он видел, — он обещал-

ся, и я на следующий день принес, чего он желал. Приказав всем удалиться, блаженный мне одному сказал следующее: «Когда я принял с Давидовым псалмопением городских стражей, шедших из Финикии и Палестины со святыми мощами, у меня родилась мысль: правда ли, что это останки великого Иоанна, а не другого, ему соименного, мученика? Через день после этого я встал ночью на псалмопение и вижу кого-то, одетого в белые одежды, который говорил мне: “Брат Иаков, почему ты не встретил нас, когда мы приходили?” Когда я спросил: кто они таковы? — явившийся отвечал: “Те, которые вчера пришли из Финикии и Палестины. Все приняли нас усердно, и пастырь, и народ, и граждане, и поселяне, ты только не почтил нас вместе с другими”. Это был намек на прежнее мое сомнение. Потом явившийся мне присовокупил: “За вас и за всех других отсутствующих я предстательствую у Бога”.

На следующий день, в то же время, он опять явился мне и сказал: “Посмотри, брат Иаков, на того, кто стоит там в одежде белой как снег, и пред кем поставлен сосуд с огнем”. Обратив туда глаза, я подумал, что вижу Иоанна Крестителя, потому что и одет он был, и руку протянул так, как Креститель; а прежний голос продолжал: “Это именно тот самый, о ком ты думаешь”». И вслед за тем Иаков прибавил мне: «Когда ты ночью шел в селение с намерением наказать мятежников и просил принести Богу усерднейшую молитву, я всю ночь провел в бдении, молясь

Господу. Потом я услышал глас, говоривший: “Не бойся, Иаков! Великий Иоанн Креститель неусыпно умоляет Бога всяческих; великое бы произошло поражение, если бы его предстательством не была укрощена дерзость диавола”».

Передав мне эту повесть, старец завещал мне не сообщать ее никому другому. Но я, ради пользы, многим не только словесно пересказал ее, но и предал письменно. Он также открылся мне, что видел и патриарха Иосифа с седою головою и бородою, и в старости блиставшего красотою, и на высоте добродетели именовавшего себя последним из святых. Ибо, говорит, когда я назвал его первым из тех, которые были в одной с ним гробнице, он сам назвал себя последним.

Рассказывал мне старец и о многообразных нападениях, какие делали на него злые демоны. «Лишь только я вступил в сей род жизни, — говорит подвижник, — явился мне кто-то нагой; он имел вид эфиопа и из глаз его сверкал огонь. Увидя его, я обомлел от страха, обратился к молитве и не мог вкушать пищи. Прошло семь, восемь, десять дней, и я оставался без пищи; наконец, презрев лукавое нападение, я сел и принял пищу. Демон, не вынеся такого моего великодушия, грозил ударить меня жезлом. А я сказал: “Если позволено тебе это Господом всяческих, бей, и я с радостию приму удары, как бы наказуемый от Него; если же тебе не позволено, то не ударишь, хотя бы ты тысячекратно неистовствовал”. Услышав это, он обратился в бегство, но тайно продолжал еще строить мне ковы.

Дважды в неделю приносили мне из-под горы воды; он, встретив несущего, брал на себя мой вид и принимал воду, несшему приказывал идти назад, а воду выливал. Сделав это два и три раза, он заставил меня страдать от жажды. Измучившись, я спросил того, кто обыкновенно приносил мне воду, почему он уже в продолжение пятнадцати дней не приносит воды? Тот отвечал: “Я приносил три и четыре раза, и ты же брал ее от меня”. Где, сказал я, я брал у тебя принесенную воду? И когда он показал место, я сказал: “Хотя бы ты тысячу раз видел меня на этом месте, не отдавай сосуда прежде, чем придешь сюда”. Когда таким образом я разрушил злой навет, демон покусился на другой. Ночью он громким голосом закричал: “Я так обесславлю тебя, что к тебе никогда ни один человек не заглянет!” Я в ответ ему на это сказал: “Я поблагодарю тебя; потому что ты против воли сделаешь добро тому, против кого враждуешь, дав ему возможность больше наслаждаться памятию о Боге. Я, имея более свободы, буду иметь постоянным занятием созерцание Божией красоты”.

По прошествии немногих дней, совершая в полдень обыкновенную службу, я увидел, — продолжал старец, — что с горы идут две женщины. Будучи смущен необычайностью и готов бросать в них камнями, я вспомнил об угрозе злодея и думал себе, что это-то и есть бесславие, которым он мне угрожал. Тогда я вперед закричал им громким голосом, что не прекращу своей молитвы, несмотря ни на что. Они исчезли,

и вместе с моим словом кончилось призрачное видение.

После сего опять, — говорил подвижник, — во время ночной молитвы вдруг слышу я стук колесницы, крик возницы и ржание коней: меня смутило это странное обстоятельство. Я размышлял: не слышно было, чтоб начальник какой-нибудь проезжал теперь в город, да и не для колесниц путь здесь, и время теперь неудобное для езды. Но в минуты моего размышления послышался мне шум приближающейся толпы; и казалось, что впереди бежали ликторы, криком и свистом разгоняли народ с дороги и очищали путь для начальника. Когда представилось, что поезд уже очень близко ко мне, я, угадывая хитрость лукавого, спросил: “Кто ты, и откуда идешь? По какой нужде ты пришел в это время? Доколе ты, несчастный, будешь злоупотреблять Божиим долготерпением?” Это я говорил, обратясь на восток и принося молитву Богу. А демон бросался на меня, но повалить не мог: потому что Божия благодать противодействовала ему, и немедленно все исчезло».

Рассказывал также Иаков, что он, во время нашествия чужестранных грабителей, которые, вышедши из Исаврии, сожгли и разграбили на Востоке очень многие страны, сильно боялся не смерти (потому что не был привязан к жизни), но рабства, и плена, и необходимости быть зрителем их нечестия и беззакония. Проведав об этом страхе, диавол ночью представил вой женщин. «Я же, — говорил старец, — услышав крик,

подумал, что пришли враги и внесли в селение огонь. И тотчас, разделивши волоса на голове надвое и спустив их чрез плечи по правую и по левую сторону, сделал шею открытою для меча, чтобы скорее подвергнуться смерти и не быть свидетелем ужасного зрелища. Проведши таким образом всю ночь в постоянном ожидании нападения врагов, при наступлении дня, когда некоторые пришли ко мне, я спросил: слышали ли они что-нибудь об исаврийцах? И когда они сказали, что в эти дни ничего не слыхали о них, тогда я понял, что и это было мне диавольское наваждение.

В другой раз, — говорил он, — диавол, приняв на себя вид молодой красивой девицы, подошел ко мне с улыбкою и шутками. Раздраженный гневом, я прогонял его, осыпая укоризнами; но он продолжал стоять, смотря на меня страстными глазами с улыбкою на устах. Тогда, исполнившись еще большим гневом, я сказал: “Как ты можешь обходить всю вселенную и всем строить такие ковы?” “Я не один, — отвечал он, — но по всей вселенной рассеяно множество демонов, которые подобным образом шутят и этими шутками достигают своих целей”. Таким, по-видимому, ребячеством они стараются развращать людей. Отойди же, — сказал я, — по повелению Христа, Который некогда целый легион бесов ввергнул в глубину морскую. Лишь только лукавый услышал это, тотчас же обратился в бегство, не вынося силы имени нашего Господа и не могши смотреть на блеск любомудрия Его раба».

Я знаю и много других подобных историй, но не хочу писать их, чтобы множество их не послужило для слабых в вере поводом к неверию. Ибо тем, которые собственными очами видят Божия человека, никакое повествование подобного рода не покажется невероятным: видимая ими добродетель подтверждает для них все, что говорится. Но так как повествование, преданное письменно, имеет перейти к потомкам, а уши вообще труднее верят, чем глаза, то мы и соразмеряем наше повествование с слабостию слушателей. Итак, перейдем к другому.

Для этого блаженного некоторые построили большую хижину в соседнем селении, и я приготовил для него там склеп во храме победоносных Апостолов. Но человек Божий, узнав о сем, всячески заклинал предать тело его погребению на той самой горе, где он подвизался. Я не раз замечал ему, что неприлично столько заботиться о месте погребения тому, кто не заботился о настоящей жизни. Но, увидев, что старец остается непреклонен, я согласился исполнить его желание, высек на горе гробницу и хотел перенести его туда. Он же, зная, что камень повреждается от мороза, приказал окружить гроб маленьким домиком. Когда окончено было строение, согласно с волею старца, и мы наложили уже кровлю, он сказал: «Я не допущу, чтобы эта гробница называлась гробницею Иакова, но хочу, чтобы это был дом победоносных мучеников, а я, как какой-нибудь странник, удостоенный сожития с ними, пусть буду лежать в другом склепе».

И это он не сказал только, но и сделал. Собрав отовсюду частицы мощей многих пророков, апостолов и мучеников, он положил их в одной гробнице, желая водвориться в сообществе святых и надеясь вместе с ними воскреснуть и удостоиться лицезрения Божия. Это достаточно доказывает его смиренномудрие. Ибо, собрав столь великое богатство добродетели, он, как будто живя в крайней бедности, пожелал обитать в сообществе богатых. Итак, сколь велики были труды сего достоуважаемого мужа, каковы подвиги и какой он удостоился от Бога благодати, сколько одержал побед и какими венцами украшен — это достаточно уже видно из предыдущих сказаний.

Но так как некоторые осуждают Иакова за суровость и упрекают за излишнюю привязанность к уединению и тишине, то, прежде чем положу конец настоящему повествованию, поговорю немного и о сем.

Все, как я сказал, видели, что он не был окружен никакою стеною и не имел ни палатки, ни хижины. Каждый из приходивших, не встречая преграды, мог подходить к нему и разговаривать с ним. Другие подобные ему любители подвижничества имеют и стены, и двери и пользуются совершенным уединением: отшельник отверзает вход в свою келлию, если захочет, но может и не отверзать ее и наслаждаться божественным созерцанием, сколько душе угодно. А у Иакова не было ничего такого. Посему-то он очень огорчался на тех, кто беспокоил его во время молитвы.

Если посетители, повинувшись его слову, уходили, он опять возвращался к молитве; если же продолжали оставаться при нем и, будучи упрямимы два и три раза, не слушались, то он в негодовании отсылал их с укоризнами. У меня была с ним речь об этом предмете. Я заметил ему: «Некоторые из тех, которых ты отослал от себя, не дав им благословения, очень сетуют, между тем как приходящим собственно ради твоего благословения и совершающим многодневный путь следовало бы отходить от тебя не огорченными, а исполненными радости и рассказом о твоём любомудрии доставить удовольствие не видевшим тебя». Он отвечал: «Я поселился на этой горе не для других, а для себя. Я сам обложен многими язвами прегрешений и имею нужду во многих врачевствах. Посему я и молю Господа нашего, чтобы Он подал мне врачевство против грехов. Сколь же неприлично и как безрассудно было бы прерывать нить молитвы и начинать беседу с людьми? Ведь если бы я был рабом подобного мне человека и, во время прислуги господину, забыв принести вовремя пищу или питье, завел разговор с кем-либо из служителей, сколько я, по всей справедливости, получил бы ударов? Или если бы, пришед к начальнику и рассказывая ему об обиде, причиненной мне кем-нибудь, пресек бы речь на половине и завел какой-нибудь разговор с кем-либо из присутствующих: как тебе кажется, ужели бы не разгневался судия? Ужели он не лишил бы меня помощи, или даже не повелел бы выгнать меня

из своей комнаты? Итак, если справедливо рабу пред господином и просителю пред судиею вести себя прилично, то я, приступая к Богу, вечному моему Господу и Праведнейшему Судии, не должен ли поступать со всем благоговением, не обращаться во время молитвы к сорабам и не заводить с ними длинных бесед?»

Услышав такие слова от старца, я передал их тем, которые роптали на него. И мне кажется, что это сказано хорошо и правильно. Ибо надобно еще прибавить, что горячо любящим кого-нибудь свойственно пренебрегать всем другим и привязываться к одному тому, кого любят и к кому стремятся, — его видеть во сне ночью, о нем думать и днем. Потому-то, мне кажется, Иаков и огорчился, что когда он находился в любимом созерцании, ему препятствовали наслаждаться красотою Возлюбленного.

Повествуя об Иакове, мы всячески заботились о краткости, чтоб не сделать длинного рассказа тяжелым для читателей. Если блаженный переживет наше повествование и к прежним прибавит множество других подвигов, то другие опишут и их. Подвигоположник же ревнителей благочестия подаст и сему блаженному конец, достойный подвигов, и поможет остальное течение совершить согласно с началом, чтобы победоносец достиг венца и подкрепил своими молитвами нашу немощь, да возможем и мы, подкрепленные таким образом, отразить многие нападения на нас и победоносцами прейти от настоящей жизни.

22. Фалассий и Лимний¹

Есть у нас селение Тиллима, где некогда посеяны были семена нечестия Маркионова, а ныне процветает учение Евангельское. К югу от этого селения есть холм, не очень высокий и не очень низкий. На нем-то устроил себе подвижническое убежище дивный Фалассий, муж, украшенный многими добрыми качествами, а простотою нрава, кротостию и смиренномудрием превосходящий своих современников. Это я говорю не по одному слуху, но узнав по опыту: я сам хаживал к святому мужу и часто наслаждался его сладким собеседованием.

В его общество принят был и всеми прославляемый ныне Лимний, который, вступив на подвижническое поприще еще в очень молодых летах, оказал великие успехи в высоком любомудрии. Прежде всего он, хорошо зная поползновенность языка, еще в молодости положил себе за правило — молчать, и прожил очень много времени, ни с кем ни о чем не разговаривая. Потом, довольно уже напитавшись учением блаженного старца и усвоив себе его добродетели, он перешел к великому Марону, о котором мы прежде упомянули; это случилось в то самое время, когда пришел на гору для подвигов и святой Иаков.

Собрав и здесь много для себя пользы и возлюбив жизнь под открытым небом, Лимний занял другую вершину горы, находящуюся неподалеку

¹ Преподобные Фалассий и Лимний, Сирийские пустыnnики († V). Память их — 22 января / 7 марта.

от селения, называемого Таргала. Здесь-то он живет даже до настоящего дня, не имея ни дома, ни хижины, ни палатки, но огражденный голою стеною, камни которой не связаны между собою ничем. Есть у него небольшая дверь, которая постоянно замазана грязью и которой для других приходящих он никогда не отворяет, а позволяет это делать только мне одному, когда я прихожу к нему. Посему очень многие отовсюду собираются, если узнают о моем приходе, желая войти к подвижнику вместе со мною. С прочими же, которые приходят к нему в другое время, он разговаривает сквозь небольшое отверстие и преподает им благословение. Призывая имя Спасителя, он и болезни прекращает, и демонов изгоняет, и совершает подобные апостольским чудотворения.

И не одним только приходящим Лимний подает таким образом исцеление, но и своему телу неоднократно подавал его. Однажды приключилась ему болезнь — колика. Как велики бывают при этом страдания и мучения, хорошо знают те, которые испытывали сами болезнь или видели ее на других: больные кружатся, подобно беснующимся, вертятся туда и сюда, протягивают и сжимают ноги; то садятся, то встают, то ходят, стараясь как-нибудь найти себе облегчение, — иногда садятся в ванны, и это делают многократно, ища себе хоть какого-нибудь успокоения. Но для чего подробно исчислять то, что известно и явно для всех! Пораженный такою-то болезнию и мучимый тяжкими страданиями, блаженный не пользовался врачом и пособием

ем, не ложился в постель, и получил облегчение и исцеление не от лекарств или пищи, но силою молитвы и крестного знамения, и утишил свои муки призыванием имени Божия.

В другое время, ходя ночью, он наступил на спавшую ехидну, которая, схватив подошву ноги его, вонзила в нее зубы. Чтобы пособить ноге, старец наклонился и приложил к ней руку, но животное ужалило и руку; желая помочь правой руке левою, привлек ярость животного и на эту. Удовлетворив своей злости, нанеся святому больше десяти ран, ехидна отстала от него и удалилась в свое логовище; он же мучился жестокою болью во всех частях тела. Однако ж и в это время он не прибег ко врачебному искусству, но прилагал к ранам одни только врачевства веры — крестное знамение, молитву и призывание имени Божия. Для сего-то, мне кажется, Господь и попустил свирепому животному неистовствовать против священного тела старца, чтобы пред всеми обнаружить твердость его души. Так, мы знаем, поступил Господь и в отношении к многострадальному Иову, которому Он попустил подвергнуться сильным и многоразличным тревоблениям именно для того, чтобы показать всем мудрость Кормчего. Откуда иначе мы узнали бы и мужество Первого, и твердость последнего, если бы врагу благочестия не было попущено бросить в них все роды стрел?

Показав достаточно, какова была твердость у блаженного Лимния, скажем теперь и о его че-

ловеколюбии. Он, собрав к себе много слепых и нищих, устроил для тех и других, на восточной и западной стороне горы, жилища, приказав им жить здесь и славословить Бога, а доставлять необходимую им пищу завещавал тем, которые к нему приходили. Сам же, заключившись посреди них, побуждал тех и других к псалмопению, и слышно было, что они постоянно славословили Господа. Такое человеколюбие он постоянно оказывал в отношении к подобным себе по естеству. Время подвигов под открытым небом у него одинаково с великим Иаковом, ибо оба они подвизаются уже тридцать восьмой год.

23. Иоанн, Моисей, Антиох и Антонин¹

Такому же образу жизни поревновал и Иоанн, отличающийся, между прочим, скромностью и кротостью. Избрав для себя местом жительства северный берег одной реки — страну суровую и холодную, он доселе прожил там двадцать пять лет, перенося неблагоприятные действия климата. Все прочее — и пища, и одежда, и железные вериги — было у него одинаково с теми подвижниками, о которых мы говорили прежде. Он столько возвышался над потребностями естества человеческого, что ни в чем подобном не находил для себя удовольствия. Ясное доказательство на это я сейчас представлю. Один добрый

¹ Прпп. Иоанн, Моисей, Антиох и Антонин, Сирийские пустыnnики († V). Память их — 23 февраля / 8 марта.

человек посадил подле его жилища миндальную отрасль, которая, со временем сделавшись деревом, доставляла блаженному тень и увеселяла зрение. Но он приказал срубить дерево, чтобы не дать себе даже и такого утешения.

Такую же жизнь проводил и Моисей, подвизаясь на одной высокой вершине близ Рамы (Ῥαμᾶς), и Антиох, муж престарелый, который устроил для себя оградку в одном самом пустынном месте, и Антонин, в состарившемся теле подвизающийся, подобно молодым. У всех у них одинаковы — и одежда, и пища, и стояние, и молитва и труды повсенощные и целодневные: ни продолжительность времени, ни старость, ни слабость природы не ослабили их терпения; напротив, все они имеют в себе постоянно сильную любовь к трудам. Очень много есть у Подвигоположника благочестия — Бога в наших пределах, на горах и на полях, подвижников, которых и перечислить только не легко, а тем более описать жизнь каждого. Посему, желаящим себе пользы указав на этих святых мужей и прося себе их благословения, перейду к повествованию о других.

24. Зебинас и Полихроний¹

Те, которые удостоились видеть Зебинаса, прославляют его даже до сего дня. Говорят, что он, достигнув глубокой старости, до самой смерти пребывал в одинаковых трудах, и в последние

¹ Прпп. Зебинас (Зевин) и Полихроний — Сирийские пустыnnики (†V). Память их — 23 февраля / 8 марта.

годы не изменил подвигов лет молодых. Превосходил же он, говорят, современных ему людей особенным терпением в молитве. Проводя в ней дни и ночи, он не только не пресыщался ею, но и приобретал к ней постоянно больше и больше любви. Поэтому он не много разговаривал с приходящими к нему, не позволяя себе отвлекать мысли от Небесного; но, очень скоро оставляя их, тотчас же обращался снова к молитве, чтобы не удалиться от Господа даже на минуту. В старости, когда не мог уже безболезненно переносить непрестанного стояния, подвижник взял себе в помощь жезл и, опираясь на него, славословил Господа и молился. Будучи украшен между прочим добродетелью страннолюбия, он многим из приходящих позволял оставаться у него до вечера, хотя они, уstraшенные всенощным его стоянием, старались, под предлогом каких-либо занятий, освободить себя от подобных трудов.

Зебинасу удивлялся и великий Марон, и всем посетителям своим приказывал сходить к нему и принять от него благословение; называл его отцом, учителем и образцом всякой добродетели; даже просил, чтобы им обоим дали место в одном гробе, только исполниться этому не допустили похитившие священное тело Марона и отнесшие его на место, о котором говорено уже было выше. Блаженный же Зебинас, умерши прежде него, погребен был в соседнем селении, называемом Киттою; над местом его погребения сооружен великий храм, так как мощи подвижника приходящим с верою источают многораз-

личные исцеления. Ныне вместе с ним под одною и тою же священной кровлею покоятся и останки мучеников, которые хотя подвизались у персов, но и у нас чтутся ежегодными празднествами.

Учением Зебинаса пользовался великий Полихроний; да и блаженный Иаков говорил, что Зебинас возложил на него первую власяницу. Я же, не выдавший его никогда (потому что он окончил жизнь прежде, нежели я начал), вижу любомудрие блаженного Зебинаса в сем великом Полихронии. Ибо не так точно на воске отпечатлевается образ перстня, как в этом отпечатлелись свойства того блаженного, — в чем убедился я, сравнив между собою повествования об одном и другом. И Полихроний, подобно тому блаженному, пламенеет Божественною любовью и возвышается над всем земным: будучи связан телом, имеет окрыленную душу, и, пролетая мыслию воздушные пространства, возносится выше небес и постоянно пребывает в божественном созерцании, никогда не позволяя себе развлекать свое внимание, даже во время бесед с приходящими.

О всенощном его бдении и стоянии я узнал по следующему обстоятельству. Видя, что он, угнетаемый старостию и вместе слабостию, не пользуется ничьею помощью, я часто убедительно просил его взять себе двух сожителей, чтобы получать от них утешение. И так как он желал мужей, сиявших добродетелью, которые жили в другом монастыре, то я убедил тех див-

ных мужей предпочесть всему служение человеку Божию. Они, прожив с ним немного времени, хотели бежать, не вынося всеобщего стояния. Когда же они просили блаженного, чтобы он соразмерял труд с немощию тела, то он сказал им: «Я не только не принуждаю вас участвовать постоянно со мною в стоянии, но и приказываю вам часто ложиться». Те отвечали: «Как можем ложиться мы, люди цветущего здоровья и не старых лет, тогда как тот, кто состарился в трудах, совершает стояния, презирая слабость тела?» Таким-то образом узнал я о ночных подвигах этого досточтимого для меня мужа.

А бывшие его сожители со временем так преуспели в благочестии, что сравнивались в любомудрии с ним. Моисей (это имя одного из них) даже доселе пребывает при нем, оказывая ему всевозможные услуги, как отцу и владыке, и отражая в себе лучи его добродетелей. Дамиан же (это имя другого) хотя удалился в один, недалеко отстоящий, город, называемый Ниарою, и, нашедши небольшой домик на одном гумне, поселился в нем, но проводит здесь такой образ жизни, который совершенно уподобляет его Полихронию, так что хорошо знающие того и другого, видя Дамиана, думают, что видят в другом теле душу великого Полихрония. Та же у обоих простота, кротость, смирение, ласковость в словах, мягкость в обращении, бодрственность души, размышление о Боге, стояние, труд, бдение, пища и Евангельская нищета. Кроме небольшого сосуда с смоченною в воде чечевицею,

убежище Дамиана ничего не имеет. Столь великую пользу он получил от обращения с великим Полихронием.

Я же, оставив учеников, обращаюсь к учителю, так как потоки заимствуют воду от источника. Изгнав из души вместе с другими страстями честолюбие и обуздав силу тщеславия, Полихроний всегда старался скрывать свои подвиги. Он не решился носить вериги из опасения, как бы не получить какого-либо вреда, если душа воспламенится гордостью. Но, приказав принести весьма тяжелый корень дуба, как будто для другой какой-либо потребности, ночью возлагал его на свои плечи и таким образом совершал молитву, — а иногда делал это и днем, когда оставался один. Когда же приходил кто-нибудь и стучался в дверь, он скрывал корень в известном месте. Некто, однако, увидел это и пересказал мне. Мне захотелось узнать, как велика тяжесть корня, и я едва поднял корень обеими руками. Увидев это, старец приказал мне оставить его. Я же усердно просил старца позволить мне взять эту тяжесть, чтобы отнять у него орудие изнурительного подвига, но, увидев, что слова мои ему неприятны, принужден был уступить.

От таких трудов процвела в Полихронии и Богодарованная ему благодать, и молитвами его совершаются многие чудеса. Когда ужасная засуха, поразив людей, возбудила их к молитве, пришло к нему множество священников; пришел вместе с другими и пастырь области Антиохийской, пасший многие селения. Он просил

старейших из присутствующих, чтобы они убедили святого мужа возложить свою десницу на некоторый сосуд. Когда же они сказали, что старец сего не сделает, то пастырь сам, во время совершавшейся вскоре молитвы подвижника, стоя сзади, подвинул к нему обеими руками сосуд, который немедленно начал наполняться елем. Однако ж и просияв лучами Божественной благодати, преуспев в многоразличных добродетелях и ежедневно собирая богатство любомудрия, старец так преисполнен смирения, что обнимает ноги у каждого из приходящих к нему и пред каждым падает лицом на землю, будет ли то воин, или ремесленник, или поселянин.

Я расскажу нечто, из чего можно будет видеть и простоту его, и смирение. Один добрый человек, имеющий начальство над народом, прибыв в Кир, пожелал вместе со мною насладиться лицезрением великих подвижников. Обойдя всех, мы пришли и к тому, о добродетели которого у нас теперь идет речь. Когда я сказал, что пришедший со мною — начальник, ревнитель правды, любитель благочестия, блаженный, тотчас протянув обе руки и обняв его ноги, сказал: «Я хочу предложить тебе некоторую просьбу». Тому было это неприятно, и он просил старца встать, обещаясь исполнить его желание, ибо думал, что он предстательствует за кого-нибудь из подчиненных его. Но блаженный сказал: «Поелику ты дал обещание — исполнить мою просьбу и подтвердил свое обещание клятвою, то принеси за меня усердную молитву Богу».

Тот, будучи поражен просьбою, просил снять с него клятву, как с человека, который и за себя самого не может приносить Господу достойных молитв. Какое слово в состоянии достойно восхвалить того, кто на такой высоте любомудрия имел столь великое смиренномудрие?

Усердия его к труду не ослабляли в нем и часто приключающиеся ему болезни, но, и одержимый различными недугами, он совершал одни и те же подвиги. Многократными просьбами мы едва склонили его позволить нам построить для него небольшой домик, чтобы доставить сколь-нибудь теплоты полуостывшему его телу. Многие приносили ему золото при своей жизни и, умирая, отказывали; но он ни от кого не принимал ничего, а приказывал самим жертвователям быть распорядителями того, что они приносили. Однажды великий Иаков прислал ему власяницу, которую ему самому кто-то принес; но старец и ее отослал обратно, сказав, что она слишком плотна и красива. Он постоянно носил одежды очень бедные и дешевые. Бедность он почитал столь любезною, что не хотел иметь всегда и необходимую пищу. Я знаю это, ибо часто приходя к нему для испрошения благословения, я ничего другого не находил у него, кроме двух смоков.

Поистине, вожделенен сей блаженный и для тех, которые видят его, и достоуважаемым будет для тех, которые услышат о нем. Я не знаю никого из людей, кто бы когда-нибудь дерзнул омрачить славу его каким-либо словом. Но все восхваляют и прославляют великого старца, а

те, которые бывали у него, не хотели бы с ним расстаться.

25. Асклипий и Иаков

К тому же обществу боголюбцев принадлежит и дивный Асклипий, который хотя находился от Полихрония на расстоянии десяти стадий, но жил одинаковым с ним образом. Такая же у него была пища, одежда, кротость нрава, такое же страннолюбие и братолюбие, такое же смирение, простота, собеседование с Богом и величайшая бедность: и при этом то же обилие добродетели, то же богатство любомудрия и все прочее, что мы видели в блаженном Полихронии. Говорят, что, еще живя с людьми в селении, Асклипий проводил жизнь подвижническую и воздержанную и не потерпел никакого вреда от сообщения со многими. Прославившись же в том и другом роде жизни, и в общежитии, и в пустынничестве, он, по справедливости, удостоится и двояких венцов.

Добродетелям его подражали многие другие, и его любомудрием исполнены не только наш город, но и соседние города и селения.

Одним из таковых подражателей его был блаженный Иаков, заключившийся в небольшом домике близ селения, называемого Нимузами: до самого конца жизни (он жил более девяноста лет) подвижник оставался заключенным один, давая ответы вопрошавшим его чрез небольшое отверстие, просверленное наискось, никем не видимый, — никогда не употреблял огня и не поль-

зовался светом светильника. Только мне дважды отворил он дверь и позволял войти к себе, почтив меня таким образом и показав, какую питал ко мне любовь. Современники не имеют нужды в моих словах, потому что могут, если пожелают, сами быть очевидцами любомудрия святых подвижников. А потомкам, не имеющим возможности видеть их, достаточно для пользы указать на отличительные свойства их любомудрия. Итак, здесь окончу слово и об Асклипии, и об Иакове, прося себе от них благословения, и перейду к другому повествованию.

26. Симеон¹

Великого Симеона, это великое чудо вселенной, знают все подвластные Римской державе: знали и персы, и мидяне, и эфиопы; распространившаяся молва о его трудолюбии и любомудрии долетела даже до скифов и номадов². Но я, и имея свидетелем, как говорится, целый мир, который подтвердит мое слово о подвигах святого, боюсь, однако, чтобы это мое повествование не показалось потомкам невероятным и чуждым истины. Ибо то, что было с Симеоном, выше человеческой природы, а люди любят обыкновенно соразмерять с силами природы то, что им рассказывают; если же что-нибудь повествуется такое, что выходит из ее пределов, то такое слово

¹ Прп. Симеон Столпник, Антиохийский, архимандрит († 459). Память — 1/14 сентября.

² Номады — скотоводы-кочевники.

не посвященным в Божественные тайны кажется невероятным. Но так как и на земле и на море много людей благочестивых, которые, будучи научены Божественным тайнам и просвещены благодатию Всесвятаго Духа, не питают недоверия к словам других, а искренно верят, то я с усердием и безбоязненно изложу свое повествование.

Начну с места, где Симеон удостоился небесного призвания. В середине между нашею областью и Киликиею есть селение, которое называют Сисан. Там он родился и сначала занимался, по воле родителей, пасением овец, чтобы таким образом сравняться с великими мужами, — с Иаковом патриархом, Иосифом целомудренным, Моисеем законодателем, царем и пророком Давидом, пророком Михеем и другими, им подобными, Божественными мужами. Однажды пошел большой снег и овцы не были выгоняемы на паству. Симеон, будучи свободен от своего дела, пошел с родителями в Божий храм. Я слышал рассказ об этом из собственных его священных уст. В храме он слышал Евангельское чтение, в котором ублажались плачущие и нищие, и смеющиеся назывались несчастными, а блаженными — те, которые имеют чистую душу, и так далее. Услышав это, он спросил одного из присутствующих: что надобно делать, чтобы получить каждое из сих свойств? Тот указал ему на монашескую жизнь и объяснил это высокое любомудрие. «Приняв семена Божественного Слова и хорошо покрыв их в душе моей глубокими бороздами, я, — говорил Симеон, — отпра-

вился в ближайший храм святых мучеников». Там, склонив колена и лице, он умолял Хотящего спасти всех человеков направить его на совершенный путь благочестия. Когда он долгое время находился в таком положении, напал на него приятный сон, во время которого он увидел следующее видение. «Виделось мне, — говорил Симеон, — будто я рою основание для дома, потом слышу — кто-то, стоя вблизи, говорит, что мне должно рыть еще глубже. Увеличив глубину рва по приказанию неизвестного, я опять хотел успокоиться; но он еще приказывал мне рыть и не отставать от труда. Давая мне такие приказания три и четыре раза, он сказал наконец, что глубина уже достаточна и что потом строение пойдет без большого труда, как бы весь труд уже был кончен и остальное ничего не стоило». Предсказание это оправдывают события, которые выходили за пределы естества.

Восстав, Симеон отправился в обитель некоторых соседних подвижников. Но прожив с ними два года и ища высшего совершенства, удалился в то селение Теледу, о котором мы уже упоминали, где великие и блаженные мужи Аммиан и Евсевий устроили святую обитель. Блаженный Симеон пришел, впрочем, не в это, а в другое училище любомудрия, которое устроили Евсевон и Авивион, достаточно усвоившие себе учение великого Евсевия. Будучи одинакового мнения о жизни, имея одинаковые нравы, показывая, что как будто у них в двух телах одна душа, они имели многих соперников себе в

благочестии. Когда же оба блаженных мужа со славою отошли от сей жизни, начальство над их сожителями принял Илиодор, который прожил шестьдесят пять лет, и из них шестьдесят два года провел в заключении: ибо в доме родительском он воспитывался только до трех лет, а потом перешел в эту обитель, и ничего мирского никогда не видал. Он говорил, что не знает даже вида свиней, петухов и тому подобное.

Я часто удостаивался видеть его, изумлялся простоте его нрава и много дивился чистоте его души. К нему-то пришел сей славнейший подвижник благочестия Симеон и прожил в подвигах десять лет. Имея восемьдесят сподвижников, он превзошел всех: тогда как другие принимали пищу чрез два дня, он целую неделю пребывал без пищи, хотя старейшие осуждали это и называли такой образ жизни неблагоразумным; но не убедили его словами, — не могли даже принуждением ослабить его ревности.

Я слышал, как рассказывали игумен, управляющий ныне этим стадом, и сам Симеон, что он некогда, взявши веревку, сделанную из финиковых ветвей, которых и руками нельзя коснуться без боли, опоясал ею чресла свои, наложив ее не сверх одежды, а прямо на тело, и перетянулся ею так туго, что вся поясница кругом была изранена. Когда же он таким образом провел больше десяти дней и раны, разболевшись, источали капли крови, некто, увидевши его, спросил, от чего это у него кровь. Симеон отвечал, что не чувствует и не имеет никакой боли; но сподвижник, против

его воли коснувшись его рукою, узнал все дело и объявил об этом настоятелю. Игумен тотчас же начал увещевать его и убеждать, и, называя его поступок жестоким, отнял у подвижника узы, хотя и с трудом; но употребить какое-либо врачевство для заживления своих ран не мог заставить его даже силою власти. Когда и после этого заметили, что Симеон продолжает делать то же, то уговаривали его удалиться из обители, чтобы, возбуждая других, слабейших телом, к соревнованию подвигам, превышавшим их силы, он не сделался для немощных виновником зла. Тогда он оставил обитель и отошел в самые пустынные места горы. Нашедши одно безводное озеро, не очень глубокое, расположился в нем и возносил Богу псалмопения. Но по прошествии пяти дней начальники обители, раскаявшись, послали двух братьев отыскать Симеона и привести назад. Посланные, обходя гору, спросили у пасших там овец, не видали ли они человека, который имеет такой-то вид и одет в такую-то одежду? Когда пастухи указали им упомянутое озеро, они стали звать блаженного и тотчас же, опустив веревку, извлекли его оттуда с великим трудом: ибо выход не так был удобен, как вход.

Прожив после этого немного времени в обители, он удалился в селение Теланиссу, находящееся у подошвы той горы, на которой он живет ныне. Здесь, найдя маленький домик, в нем заключился и прожил три года. Стараясь постоянно умножать богатство добродетели, он, подобно Божиим человекам — Моисею и Илии,

пожелал провести сорок дней без пищи. Он просил дивного Вассона, который, как предстоятель, обходил жилища пустынников, чтобы последний, ничего не оставляя внутри его келлии, заградил дверь ее. Когда же Вассон представлял трудность такого подвига и убеждал не считать насильственной смерти добродетелью (так как это есть величайшее и первое преступление), Симеон сказал: «Так положи мне, отче, десять хлебов и сосуд воды, и я, если увижу, что тело имеет нужду в пище, возьму отсюда». Тот сделал, как он просил: отложил то и завалил дверь камнем.

По исполнении сорока дней пришел дивный Вассон, отвалил от двери камень, взошел внутрь и нашел хлеб целым и сосуд воды нетронутым, а блаженного Симеона лежащим на земле, как бы мертвым, не могущим ни говорить, ни двигаться. Посему, взяв губку, настоятель намочил и обмыл ею уста лежавшего и вложил в них Божественные Тайны. Укрепленный таким образом, блаженный встал, принял несколько пищи, салата и цикория, вкушая понемногу. Вассон чрезвычайно был изумлен и, пришед к своей пастве, рассказал об этом великом чуде. Ибо он имел более двухсот сподвижников, которым не позволял иметь ни вола, ни лошака, также принимать принесенное золото, выходить за дверь для покупки толи необходимых вещей, или для свидания с кем-либо из знакомых, но приказывал пребывать в келлии и воспринимать посылаемое свыше благодатное утешение. Этого правила сподвижники его держатся даже доныне и, умножившись в числе, не

преступают данных заповедей. Я же возвращусь к великому Симеону.

С того времени, как он пробыл сорок дней без пищи, вот уже двадцать восемь лет он ежегодно в Святую Четыредесятницу постится подобным же образом: время и постоянное упражнение сделали для него этот труд менее тяжким. Первые дни обыкновенно он проводил в стоянии и псалмопении, потом, когда тело, по причине голода, не могло более переносить стояния, сидя совершал служение Богу, а в последние дни даже ложился. Истощая и истрачивая мало-помалу силу, он принужден бывал прилечь, и лежал иногда как бы мертвый. После же того, как стал на столп и решился уже не сходить с него, придумал особый род стояния. Прикрепив к столпу перекладину и потом привязав себя к этой перекладине веревками, старец таким образом проводил сорок дней. Впоследствии, получив свыше большую благодать, которою, впрочем, пользовался и доселе, он стоял сорок дней, не вкушая пищи, но подкрепляемый ревностию и Божественною благодатию.

Итак, проведши, как я сказал, три года в домике, он занял известную вершину горы, приказав обнести себя кругом стеною; потом, устроив железную цепь в двадцать локтей, один конец ее приковал к большому камню, а другой привязал к своей правой ноге, чтобы нельзя было ему выйти из-за стены, если бы и захотел; постоянно устремлял взор к небу и созерцал то, что выше небес: узы железа не останавливали полета ума. Но

когда дивный Мелетий, поставленный тогда епископом в Антиохию, муж, отличавшийся мудростию и образованием, украшенный проницательностию, сказал, что железо не нужно, когда воля в состоянии наложить на тело узы мысленные, Симеон охотно принял убеждение и, призвав кузнеца, приказал ему разрешить узы. И так как голени были обтянуты и обшиты кожею, чтобы тело не терпело вреда от железа, то когда разорвали ее, увидели, говорят, более двадцати больших червей, скрывавшихся за нею: это видел и дивный Мелетий, по его собственному свидетельству. Я упомянул о сем для того, чтобы показать великое терпение мужа: он мог бы сдавить кожу рукою и легко умертвить всех червей, но захотел лучше терпеть мучительные терзания, малыми подвигами приучая себя к упражнению в больших.

Когда о великом подвижнике повсюду распространилась молва, все к нему стекались, не только жившие в соседстве, но и из мест, отдаленных от него на много дней пути: одни с телом, разбитым параличом, другие с просьбою об исцелении больному, иные с прошением об исходатайствовании им дара чадородия, в котором отказала им природа. Получившие удовлетворение своим просьбам, возвращаясь, с радостию рассказывали о благодеяниях, которые они получили, и посылали к старцу других, имеющих многообразные подобные нужды. Когда устремились к нему все со всех сторон, путь к нему стал похож на реку, и казалось, как будто это было море, к которому стекались отовсюду реки. Ибо к нему приходили не

только живущие близ нашей области, но и измаильтяне, и персы, и армяне, им подвластные, иверийцы и гомириты¹ и соседи их. Приходило даже много живущих на отдаленнейших границах запада: испанцев, британцев и галатов, и других, живших между ними; не упоминаем уже об Италии. Говорят, что в великом Риме муж этот пользуется такою славою, что на вратах всех мастерских прибывают небольшие его изображения в надежде получить чрез то защиту и безопасность².

Когда число приходивших к преподобному отцу слишком увеличилось, и все старались прикоснуться к нему и получить от него благословение и какую-нибудь частичку кожаных одежд его, он, считая неуместною столь великую почесть ему, а с другой стороны, обременяясь неудобствами такого образа жизни, решился на новый подвиг — стоять на столпе. Сперва он поставил столп в шесть локтей, потом в двенадцать, затем в двадцать два, а ныне — в тридцать шесть, постепенно возвышаясь таким образом к Небу и отдаляясь от земных сует. Я верю, что подобное стояние устроилось не без Божией воли. Почему и прошу тех, которые любят все порицать, чтобы они обуздали свой язык и не позволяли ему обращаться в устах как случится; но принимали бы во внимание, что Господь часто устроит подобные вещи для вразумления небрежных. Так, Он пове-

¹ Гомириты — арабское племя, населяющее юго-западную часть Аравии.

² Об этом упоминает прп. Иоанн Дамаскин (в Слове 3: Об иконах) и VII Вселенский Собор (Деяние 4).

лел Исаии ходить нагим и разутым (20, 2), Иеремии — препоясать чресла своя и в таком виде явиться с пророчеством к неверующим (1, 17; 28, 12), в другое время — наложить на шею иго, сначала из дерева, а потом и железное, Осии — поять за себя жену блуждения (1, 2) и питать любовь к жене злой и прелюбодейной (3, 1), Иезекиилю — спать на правом боку сорок дней, и на левом сто пятьдесят (4, 4), потом — прокопать себе стену и изыти сквозь нее (12, 5), чтобы изобразить таким образом плен, в другое время (5, 1) еще — взять себе меч остр, обрить голову и волосы разделить на четыре части и распределить одну туда, другую сюда, и прочее. Каждому из этих событий Владыка вселенной повелел быть для того, чтобы не убеждающиеся словом и не хотящие внимать пророчеству необычайностию зрелища были приведены в себя и предрасположены к слушанию пророчеств. Кто не изумлялся, видя, как Божий человек ходит нагой? У кого не возбуждалось желания узнать причину такого обстоятельства? Кто не любопытствовал отгадать, почему пророк поял себе в жену блудницу? И как каждому из этих событий Бог повелел быть для пользы живущих беспечно, — так и стояние на столпе, избранное Симеоном, Он направил к тому, чтобы необычайностию привлечь всех к зрелищу и сделать для них более убедительным урок, который им предложен: известно, что новость зрелища бывает надежнейшим проводником учения, и приходящий посмотреть на зрелище возвращается со стяжанием ведения Божественного.

Как обладающие народами, по прошествии известного периода времени, переменяют изображения на монетах, оттискивая на них то фигуры львов, то изображения звезд и Ангелов, и другими новыми изображениями на монетах стараются обозначить цену металла, так и Царствующий над всеми Бог налагает как бы новые черты на дело благочестия, предлагая многочисленные образы жизни, чтобы подвигнуть к славословию языки не только питомцев веры, но и страждущих неверием. Что это так, свидетели тому не слова только, но и голос самых дел. Ибо стояние преподобного Симеона на столпе просветило многие тысячи измаильтян, находившихся дотоле во мраке нечестия. Словно светильник, поставленный на свещнике, блаженный повсюду распространял лучи, подобно солнцу.

Около него можно было видеть и иверийцев, как я сказал, и армян, и персов, принимавших Божественное Крещение. Также и измаильтяне, приходя толпами по двести в одно время, по триста, а иногда и по тысяче, торжественно отрекаются от отеческого заблуждения, сокрушая пред столпом подвижника боготворимые ими кумиры, и, отрицаясь от безумных таинств Афродиты (которой они издавна приносили жертвы), принимают Таинства Божественные, подчиняются правилам, какие предлагают им священные уста его, и, простившись навсегда с отеческими обычаями, отрицаются от ядения диких ослов и верблюдов. И я сам видел и слышал, как отрица-

лись они от отеческого нечестия и прилагались к учению Евангельскому.

Однажды я даже подвергся было величайшей опасности. Святой старец приказал им, чтобы они приходили ко мне и принимали от меня священническое благословение, сказав, что они получают от того величайшую пользу. Дикари, варварски обступивши меня, толкали одни спереди, другие сзади, иные с боков; отстоящие подальше от меня теснились чрез других и, протянув руки, одни тащили меня за бороду, другие разрывали одежду — я задохся бы от их стремительного нападения, если бы не отогнал их, закричав громким голосом. Таковую-то источил пользу порицаемый недобрыми людьми столп! Такой-то луч Богопознания пролился от него в сердца варваров!

Я знаю и другое, подобное сему, обстоятельство. Один отряд войска просил блаженного Симеона помолиться за своего начальника и послать ему благословение; другой, здесь же находившийся, отряд отговаривал, утверждая, что должно послать благословение не тому, но его собственному начальнику, — так как тот есть человек несправедливейший, а этот — совершенно чуждый неправды. Поднялся великий спор, началась жестокая ссора, наконец они напали друг на друга. Я должен был употребить много усилий к тому, чтобы убедить их хранить тишину, говоря, что Божий человек может в изобилии дать благословение и обоим начальникам. Но из варваров одни говорили, что тот начальник недостойн получить благословение, а другие настаивали, что

другой начальник должен быть лишен его. И я едва, угрозой наказания свыше, мог утишить распрю. Об этом я рассказал для того, чтобы показать, сколь велика была их вера в святого старца.

Я видел и еще славное чудо, совершенное им. Некто пришел к нему (это был начальник сарацинов) и молил блаженного оказать помощь человеку, разбитому на пути параличом во всех членах тела, говоря, что болезнь приключилась несчастному близ Каллиники (у одной весьма большой крепости). Когда больной был принесен, старец приказал ему открыто отречься от нечестия предков. Тот с охотою послушался и исполнил, что ему было приказано. Блаженный после того спросил: верует ли он в Отца, Единородного Сына и Святаго Духа? И когда тот исповедал, что верует, старец сказал: «Если веруешь, то восстань». Когда тот восстал, старец приказал ему нести на плечах начальника (который был огромного роста) до самых носилок. Исцеленный, взявши начальника, тотчас пошел, а все присутствовавшие стали прославлять Бога. Давая такое приказание, блаженный последовал примеру Господа, повелевшего некогда расслабленному нести одр свой. Подражания сего никто не должен называть дерзостью. Ибо Господь Сам сказал: *веруй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Случилось и еще чудо, нисколько не меньшее предыдущего. Некто из уверовавших в спасительное имя Иисуса Христа (это был довольно знатный измаильтянин) приносил Богу молитву

и изрек обет пред лицом Вседержителя. Обет состоял в том, чтобы до конца жизни воздерживаться от всякой животной пищи. Спустя несколько времени, не знаю, каким образом преступив этот обет, измаильтянин решился есть умерщвленную птицу. Бог, желая обличением привести его к обращению и почтить Своего раба, бывшего свидетелем нарушенного обета, превратил мясо птицы в камень, так что преступник уже не мог есть ее: ибо как есть то, что, будучи приготовлено в пищу, обратилось в каменную массу? Варвар, изумленный этим странным явлением, поспешно отправился к блаженному Симеону, открыл ему тайную вину свою, объявил пред всеми нарушение обета и, взывая к Богу о помиловании, просил святого старца, чтобы он своими молитвами исходатайствовал ему разрешение от уз соделанного греха. Очевидцами этого чуда были многие, которые сами осязали, что мясо птицы превратилось в камень.

А я не только был очевидцем чудес преподобного Симеона, но и сам слышал его предсказания о событиях будущих. Он еще за два года предсказал бывшую у нас засуху, неурожай и следовавшие за тем голод и язву, засвидетельствовав, что видел, будто свыше упал на людей жезл и что этот жезл означает собою кары небесные. В другой раз он предсказал нападение так называемой саранчи, а равно и то, что она не причинит большого вреда и что за наказанием вскоре последует Божественное помилование. По прошествии тридцати дней, действительно, поднялась

большая туча саранчи, так что пресекала солнечные лучи и производила тень: это все мы видели ясно. Но она повредила только корму бессловесных, а растениям, идущим на пищу людям, не нанесла никакого вреда. Мне самому, когда некто вооружался против меня, старец за пятнадцать дней предсказал погибель моего врага, — и истину предсказания я узнал на деле. Зная много подобного о великом подвижнике, я весьма многое опущу, чтобы избежать длинноты в повествовании. Впрочем, и сказанное достаточно показывает духовную прозорливость его ума.

Громкая молва о блаженном достигла и царя Персидского, который, как рассказывают бывшие при нем послами, тщательно расспрашивал, какова жизнь этого мужа и сколь велики его чудеса. А супруга царя, говорят, требовала даже елей, благословенного подвижником, и приняла этот елей как драгоценнейший дар. Все приближенные царя, слыша также высокие отзывы о блаженном, а с другой стороны, много клевет на него от волхвов, с особенным вниманием разведывали о нем и, узнав, сами назвали его мужем Божественным. И простой народ сбегался к погонщикам лошаков, к начальникам и к воинам, приносил деньги и выпрашивал у них благословенного елей, полученного от святого старца. Царица измаилитская, будучи бесплодна, но желая иметь детей, сперва присылала к нему своих вельмож с просьбою, чтобы он исходатайствовал ей у Бога милость — сделаться матерью. Потом, когда исполнилось ее прошение и она

получила, чего желала, обрадованная мать взяла новорожденного царевича и отправилась с ним к блаженному старцу. А так как женам не было к нему доступа, то она, послав к нему дитя, молила удостоить его благословения. «Это твой дар, — говорила она, — я со слезами принесла семя молитвы, а ты из этого семени произвел плод, привлеки на него своею молитвою дождь Божественной благодати».

Но доколе я буду усиливаться измерить глубину Атлантического океана?.. Ибо как это море неизмеримо для людей, так превосходит всякое описание и то, что блаженный совершал каждодневно. Больше же всего я удивляюсь в нем терпению. Ночь и день стоит он, будучи видим для всех, потому что значительная часть стены разрушилась и он представляет в себе для всех новое и необычайное зрелище, совершая свою молитву долгое время, то недвижимо, то творя поклоны. Многие из приходящих считают его поклоны. Однажды некто из бывших там со мною насчитал их тысячу двести сорок четыре, но потом утомился и прекратил счет. Когда старец творит поклоны, лоб его всегда приближается к самым пальцам ног: принимая пищу однажды в неделю, и то понемногу, чрево его дает возможность спине легко наклоняться. Говорят, что от долговременного стояния у него открылась на одной ноге рана, из которой постоянно отделяется очень много гноя. Но и это не отторгло подвижника от его подвигов: мужественно переносит он и вольные и невольные страдания и преодолевает те

и другие пламенной ревностью. Рану же свою он принужден был некогда показать по следующему случаю. Пришел к нему из Равенны один священник, человек добрый и благочестивый, и, взошедши на самую вершину горы, сказал блаженному: «Открой мне, ради истины, влекущей к себе род человеческий, человек ли ты, или существо бестелесное?» Присутствовавшие при этом вознегодовали на такой вопрос; но старец приказал всем молчать, а у священника спросил: «Что побудило тебя предложить мне такой вопрос?» «Я слышу отовсюду, — отвечал священник, — будто бы ты не ешь и не спишь, тогда как то и другое необходимо человеку; потому что, имея человеческую природу, никто не может жить без пищи и сна». Тогда блаженный велел приставить к столпу лестницу, позволил ему войти к себе и сперва рассмотреть его руки, потом заложить руку за кожаную одежду его и осмотреть не только ноги, но и жесточайшую его рану. Увидев собственными глазами великую рану и узнав от старца, как он принимает пищу, священник сошел со столпа, пораженный удивлением, и, пришедши ко мне, рассказал обо всем.

Во дни церковных празднеств святой подвижник являет особый образ терпения. Со времени заката солнца до самого восхода его на восточном горизонте он стоит всю ночь, с поднятыми к небу руками, забывая о сне и об усталости. Но и при столь великих подвигах и добродетелях, совершив такое множество чудес, старец так смирен духом, как будто он ниже каждого из людей по досто-

инству. При своем смирении он удободоступен, ласков и обходителен, отвечает каждому из беседующих с ним, хотя бы то был ремесленник, или нищий, или поселянин. Прияв от великодаровитаго Господа и дар премудрости, он ежедневно по дважды предлагает наставления и услаждает ими слух слушателей, потому что говорит очень приятно: многих своим учением склонил он устремлять взор к Небу, удаляться от земных сует, представлять ожидающее нас Царство и страшиться казней геенских, презирать настоящее и чаять будущего. Можно видеть блаженного и судиею, прекращающим между людьми свары и ссоры. Но этим и сему подобными вещами занимается он уже после девятого часа. Ночь всю и день до девятого часа проводит он в молитве; а после девятого часа сперва предлагает присутствующим поучение, потом выслушивает прошения каждого и, совершив несколько исцелений, занимается примирением враждующих, прекращает ссоры тяжущихся; наконец около заката солнечного опять начинает беседу с Богом. Но, провождая жизнь в таких занятиях, подвижник не оставляет попечения и о святой Церкви: то сражается против нечестия язычников, то сокрушает дерзость иудеев, то рассеивает сборища еретиков; иногда пишет о сем послания к самому царю, иногда возбуждает в начальниках ревность по Боге, иногда же убеждает самих пастырей церквей, чтобы они прилагали больше попечения о пасомых.

Я рассказал о немногом, думая одною каплею дать понятие о дожде и о сладости меда

тем, которые будут читать это описание. Я не принимал на себя труда описать все, но хотел изложить столько, сколько нужно, чтобы в немногом показать отличительные свойства великого подвижника. Вероятно, что и другие будут писать о нем и напишут гораздо больше меня. Если он проживет еще, они, конечно, расскажут о нем и больше чудес. А я желаю только, чтобы и мне, при помощи молитвенного труда, пребывать в таких же благих подвигах, и молю Бога, который есть высочайшее совершенство и венец добродетели, да укрепит Он жизнь мою и да направит ее по образу жизни Евангельской.

27. Варадат¹

Как общий враг человеческого рода изобрел много путей зла, стараясь увлекать людей к совершенной гибели, так питомцы благочестия придумали многие и различные лестницы для восхождения на Небо. Одни подвизаются совместно, соединяясь между собою в общества (таких обществ есть бесчисленное множество), стяжавая себе нетленные венцы и достигают Горняго отечества. Другие, избрав жизнь уединенную и желая беседовать с одним Богом, лишают себя всякого утешения человеческого, и таким образом получают победные венцы. Иные славословят Бога, живя в хижинах, другие — в палатках, иные проводят жизнь во рвах и пеще-

¹ Прп. Варадат, Сирийский пустынный (†V). Память — 22 февраля / 7 марта.

рах. А многие (о таких мы отчасти упоминали) даже не хотят иметь ни рва, ни пещеры, ни хижины, ни палатки; но, предоставив свои тела открытому влиянию стихий, переносят все враждебные их действия, в одно время терпят сильнейший холод, в другое опаляются солнечными лучами. У этих последних подвижников опять жизнь различна: одни беспрестанно стоят, другие иногда стоят, иногда сидят. И притом одни окружаются какою-нибудь стеною и уклоняются от столкновения с посторонними, а другие не употребляют никакой ограды и предстоят очам всех, желающих их видеть. Все это теперь я счел необходимым исчислить, приступая к описанию жизни Варадата, который также изобрел для себя новый образ терпения.

Сначала, заключившись в небольшом домике, он долго пользовался одним Божественным утешением. Потом, переселившись на близлежащий утес, устроил из дерева небольшой и несоразмерный с телом своим ящик и жил в нем постоянно в согбенном положении, потому что ящик был ниже его роста. И этот ящик не был сплочен из досок, но был связан наподобие решеток и походил на светлицу, имеющую широкие отверстия для света. Посему подвижник не был защищен ни от действия дождей, ни от зноя солнечного, но переносил то и другое, подобно прочим, живущим под открытым небом, превосходя их тяжким заключением. Проведши в своем ящике долгое время, Варадат наконец вышел из него, склонившись на убеждение блаженного Феодота, занимавшего

тогда первосвященническую кафедру Антиохийскую, и начал подвизаться стоя. Стояние свое совершал он с руками, постоянно воздетыми к небу, и в непрестанных славословиях Господу. Все тело у блаженного покрыто было кожаным хитоном: только около носа и рта оставлено было небольшое отверстие для дыхания, чтобы чрез это отверстие принимать в себя воздух, без которого тело человеческое жить не может. И такие труды переносил старец, не только не имея крепкого сложения, но будучи еще подвержен очень многим болезням: горячее усердие, воспламененное Божественною любовью, заставляет принимать труды и того, кто, по-видимому, не может поднять труда. Обладая умом рассудительным, Варадат предлагает прекрасные вопросы и ответы и доказывает иногда правильное и сильнее, нежели изучившие диалектику Аристотеля¹. Но и при высоких совершенствах он не позволяет уму своему возноситься далеко, а принуждает его как бы ползать долу, у подошвы горы: ибо знает, какой великий вред может причинять ум, воспламененный гордостью.

Таково, вкратце, подвижничество сего мужа! Дай Бог, чтобы, возрастая в любомудрии и благочестии, он достиг наконец цели своего течения. Ибо слава святых победоносцев есть общая радость всех благочестивых. Мне же да дарует Господь молитвами великого подвижника отстоять не далеко от этой горы, но по временам

¹ Аристотель — древнегреческий философ и ученый (384–322 до Р. Х.)

восходить на нее и наслаждаться созерцанием святых старцев.

28. Фалалей¹

Не умолчу и о Фалалее, представляющем собою не менее дивное зрелище. Я не только слышал, как другие рассказывали, но и сам был очевидцем этого необычайного зрелища. На двадцать стадий от Гавал (небольшого, но красивого городка), заняв один холм, на котором издавна существовал идольский храм, оскверняемый многими жертвами идолам, блаженный Фалалей устроил себе небольшую хижинку. А демонам служили здесь язычники потому, как рассказывают, что жертвами думали укротить их жестокость: так как они многим причиняли вред, и проходящим, и в соседстве живущим, и не только людям, но и ослам, лошадкам, коровам и овцам, не враждуя против бессловесных, но чрез них строя ковы людям.

Увидев и этого блаженного, когда он пришел туда, демоны пытались устрашить его, но не могли, потому что его ограждала вера и по нем поборала благодать. Исполнившись бешенства и ярости, они напали на растущие там деревья (около холма было много зеленевших смоков и маслин) и, говорят, вдруг ниспровергли их более пятисот. Я слышал, как это рассказывали соседние поселяне, которые, издавна пребывая во мраке нечестия, при помощи учения и чудотворений Фалалея, приняли свет Богопозна-

¹ Прп. Фалалей, Сирийский отшельник († ок. 460). Память — 27 февраля / 12 марта.

ния... Не поколебав подвижника любомудрия таким образом, коварные демоны употребили другую хитрость: ночью они подняли плач и показывали множество огоньков, чтобы уstrate старца и произвести смущение в его мыслях. Когда же он осмел все их нападения, демоны, наконец оставив его, удалились.

Он же, устроив два колеса в два локтя в диаметре, скрепил их между собою досками, не сряду положенными, но отставленными друг от друга. Потом, прикрепив находившиеся на значительном расстоянии доски к колесам клинами и гвоздями, вытащил колеса под открытый воздух. Далее, утвердив в земле три длинных шеста и соединив верхние концы их между собою также деревянными досками, повесил на них означенное вместилище, устроенное из двух колес и досок, и поместился внутри его. И так как внутреннее пространство вместилища в высоту имеет только два локтя, а в ширину один, между тем блаженный очень высок ростом, то он и сидит там не в прямом положении, но постоянно согнувшись и преклонив голову к коленам. Когда я пришел к нему, я нашел его за чтением Божественных Евангелий и, желая узнать причину избранного им нового образа жизни, спросил его о сем. Фалалей, говоря на греческом языке, сказал: «По происхождению я киликиец; будучи обременен многими грехами и веря в угрожающие грешникам наказания, я придумал для себя настоящий подвиг для того, чтобы, подвергнув тело столь малозначительным истязаниям, уменьшить тяжесть будущих. По-

следние будут тяжки не только по количеству, но и потому, что будут не произвольны, — а все, что бывает против воли, весьма мучительно. Произвольное же, хотя и трудное, менее прискорбно: потому что здесь труд бывает добровольный, а не принужденный. Итак, если я настоящими малыми скорбями уменьшу будущие, то извлеку для себя великую пользу». Услышав это, я подивился мудрости старца, который не только проходил путь подвижничества, уже проложенный другими, но и сам себе придумывал подвиги особенные, и не только сам понимал причину этих последних, но и другим открывал ее.

Окрестные жители свидетельствуют, что молитвами его совершено и много чудес. Почему весь этот народ, издавна одержимый нечестием, отказался от отеческого нечестия и просветился сиянием Божественного света. Тогда подвижник разрушил храм демонов и воздвиг великий храм в честь победоносных мучеников, противопоставив лжеименным богам боголюбезные останки святых Божиих. Их молитвами, даруй Бог, и ему достичь с победою до цели подвигов, и нам, при помощи как их, так и его, сделаться ревностными подражателями подвигов любомудрия.

29. Марина и Кира¹

Описав образ жизни приснопамятных мужей, я считаю долгом упомянуть и о женах, совершивших не менее, если еще не более, подви-

¹ Прпп. Берийские (Македонские) девы, затворницы († ок. 450). Память — 28 февраля / 13 марта.

гов. Жены достойны тем большей похвалы, что, имея слабейшую природу, показывают одинаковое с мужами усердие и освобождают свой пол от наследственного нареkania. Прежде всего упомяну о Марине и Кире, которые превзошли всех других подвигами терпения.

Отечество их Берия; происхождения они знатного, воспитание их было сообразно с происхождением. Но все это презрев, они отгородили для себя одно небольшое место за городом, вошли в него и завалили дверь землею и камнями. Служанкам же, пожелавшим принять участие в их подвигах, построили небольшой домик подле своей ограды, и сквозь небольшое отверстие непрестанно наблюдают за ними, возбуждают их к молитве и воспаляют к Божественной любви. А сами, не имея ни дома, ни хижины, проводят жизнь под открытым небом. Вместо двери у них устроено небольшое окно, чрез которое они и принимают необходимую пищу, и беседуют с приходящими к ним женщинами. Для такого свидания у них определено время Пятидесятницы; во все остальные дни года они хранят молчание. Впрочем, и в урочное время одна Марина беседует с приходящими, другой же никто никогда не слышал, чтобы она говорила. Они носят вериги, и эти вериги так тяжелы, что Кира, будучи более слабого сложения, преклоняется до самой земли и никак не может выпрямить своего тела. Имеют они также весьма большие покрывала, которые назади опускаются до низу, совершенно закрывая ноги, а спереди опускаются до

самого пояса, закрывая совершенно лицо, шею, грудь и руки.

Я несколько раз видел их, будучи допускаем ими внутрь ограды: для меня они приказывали отворять дверь из уважения к моему сану священства. Увидев на слабых женах такие вериги, которые были бы тяжки и для мужа, я убеждал их сложить эту тяжесть и с трудом исторгнул их согласие. Впрочем, после моего отшествия они опять возложили иго на свои члены: на шею, на чресла, на руки и на ноги. И живут таким образом не пять, или десять, или пятнадцать лет, но сорок два года. Подвизаясь столько времени, как будто только начинают свои подвиги: так любят они труды. Созерцая красоту Небесного Жениха, они очень легко и охотно переносят труд своего течения и стремятся достигнуть до последнего предела подвигов, где стоит Тот, Кого они любят, и показывает им венцы победы. Посему, перенося действия дождя, снега и солнца, подвижницы не скучают и не скорбят, но из этих видимых неприятностей получают еще удовольствие. Подражая посту божественного Моисея, они трижды по столько же времени пребывали без пищи, и по прошествии сорока дней принимали немного пищи. Трижды, подражая воздержанию блаженного Даниила, проводили в посте по три седмицы дней, и потом уже давали телу пищу.

Пожелав однажды видеть священные места спасительных страданий Христовых, они поспешно пошли в Элию (Иерусалим), не принимая на пути никакой пищи; пришед в тот город и

совершив поклонение святыне, приняли пищу, и опять обратный путь совершили в посте, — а расстояние было не менее двадцати стадий. В другой раз, пожелав видеть гроб победоносной Феклы в Исаврии, шли и туда, и оттуда возвратились, не вкушая пищи.

Вот какую великою ревностью о благочестии исполнены были святые жены и как сильна была у них любовь к Небесному Жениху! Соделавшись по своей жизни украшением женского пола, они послужили и для других образцами, и от Господа увенчаются венцами победными. А я, предложив сказание о них на пользу общую, приступлю, с благословения, к другому повествованию.

30. Домнина

Жизни блаженного Марона, о котором мы прежде упоминали, подражала дивная Домнина¹. Она устроила себе небольшую палатку в саду материнского дома из стеблей мелиссы. Проводя там целые дни, Домнина непрерывными слезами орошает не только ланиты, но и власяные свои одежды, которыми покрывает свое тело. После пения петухов обыкновенно отправляется она в Божий храм, находящийся неподалеку, вместе с другими женами и мужами, и там приносит славословие Господу: так поступает она не только при начале, но и при конце дня, будучи и сама

¹ Сирийская дева, преподобная († ок. 450–460). Память — 1/14 марта.

убеждена, и другим внушая, что место, посвященное Богу, досточтимее всякого другого места. Посему и сама показывает о нем великое попечение, и убеждает мать и братьев жертвовать на дом Божий от своего имения. Питается она только чечевицею, смоченною водою, при всем том, что имеет тело изнуренное и полумертвое. Слабые кости ее обложены тончайшею кожею, а жир и плоть совершенно в ней истощены трудами. Она живет открыто для всех желающих видеть ее, будут ли то мужчины или женщины; только как сама не смотрит ни на чье лицо, так и своего не показывает никому, будучи совершенно вся покрыта покрывалом, достигающим до колен. Говоря весьма слабо и неясно, она всегда со слезами предлагает то, что говорит. Часто, взяв мою правую руку и приложив ее к глазам, Домнина выпускала ее такою мокрою, что как будто бы сама рука источала из себя слезы. Какое слово восхвалит по достоинству эту блаженную, которая, при таком богатстве любомудрия, плачет, скорбит и стенает, подобно живущим в крайней бедности? Ибо горячая любовь к Богу рождает ее слезы, воспламеняя ум к Божественному созерцанию и заставляя ее желать отшествия из мира.

Так проводя дни и ночи, она не оставляет без внимания и других родов добродетели, но оказывает, по возможности, услуги великим подвижникам, о которых мы уже упомянули, и многим, о которых мы не говорили. Оказывает она услуги и тем, которые к ней приходят, предлагая им жить у пастыря того селения и сама достав-

ляя им все необходимое: потому что у нее в распоряжении находится имение матери и братьев, которые приобрели его по ее благословию. Она и мне, когда я прихожу в ту страну, находящуюся на севере от нашей, присылает и хлеб, и овощи, и намоченную чечевицу.

Но не время ли кончить повествование о добродетелях блаженной, чтобы показать и жизнь других, которые подражали и ей, и тем женам, о которых мы упомянули прежде? Ибо было и есть много и других жен, из которых одни проводили и проводят жизнь уединенную, а другие, любя общежитие, живут вместе по двести пятьдесят и более или менее, принимают одну пищу, спят только на рогожах и, во время занятия рук вóлною, посвящают язык на священные псалмопения. Таковых училищ любомудрия не только в нашей стране, но и по всему Востоку очень много, так что и перечислить их невозможно. Ими наполнены — и Палестина, и Египет, и Азия, и Понт, и Европа. С того времени, как Христос Господь почтил девство, родившись от Девы, природа произрастила эти, так сказать, луга девства и приносит Творцу благовонные и никогда не увядающие цветы добродетелей в мужах и женах, без различия любомудрия у тех и других: потому что они различаются только телами, а не духом. *Во Христе Иисусе*, по слову святого апостола, *нестъ мужеский пол, ни женский* (Гал. 3, 28); одна и та же вера дана и мужам и женам: *един Господь, едина вера, едино крещение: един Бог и Отец всех, Иже над всеми и*

чрез всех и во всех нас. Единому же комуждо нас дадеса благодать по мере дарования Христова (Еф. 4, 5–7). Одно и Царство Небесное Подвигоположник обетовал победоносцам, определив за подвиги эту общую награду. Итак, много есть, как я сказал, училищ любомудрия и мужеских, и женских не только у нас, но и во всей Сирии, в Палестине, Киликии и в Месопотамии. Говорят, что в Египте есть некоторые монастыри, которые имеют в себе более пяти тысяч мужей, подвижающихся в различных трудах и вместе славящих Господа: они не только себе помощию своих трудов приобретают необходимую пищу, а помогают и приходящим к ним и нуждающимся странникам.

Но пересказать все не только для меня одного, но и для всех историков было бы невозможно. Да если бы и возможно было, считаю это излишним и бесполезным. Желаящим получить какую-нибудь духовную пользу, — и сказанное мною в изобилии доставит желаемое. За тем-то я и упомянул о различных образах жизни и к повествованию о мужах прибавил повествование о женах, чтобы и старцы, и юноши, и жены имели для себя образцы любомудрия, предложенные в моем повествовании. И как живописцы, смотря на какой-либо первообраз, снимают копии и с глаз, и с носа, и с уст, и с ланит, и с ушей, и с чела, и даже с волос головы и бороды; кроме того, изображают сидение, стояние изображаемого, самое положение его глаз, будут ли они веселы или суровы, так и те, которые будут читать

настоящее повествование о подвижниках, пусть избирают какую угодно жизнь, и с тою, какую изберут, пусть по возможности соображают свою. И как плотники, выравнивая доски по отвесу, до тех пор отсекают все излишнее, пока не увидят, что доска выровнена соответственно отвесу, так пусть поступает и тот, кто захочет подражать жизни какого-либо святого, пусть положит ее для себя мерилom, и по указанию его отсекает в себе излишек зла и восполняет недостаток добродетели. Для сего-то мы и принимали на себя настоящий труд, чтобы желающим доставить случай получить пользу.

Прошу же и читателей, так как они без труда будут пользоваться трудом другого, чтобы они заплатили за этот труд своими молитвами. Молю и тех, жизнь которых я описал, да не презрят они меня, живущего вдали от их духовного лика, но да воздвигнут долу лежащего, да возведут на высоту добродетели и да присоединят к своему светлому сонму, чтобы я не только восхвалял чужое богатство, но и сам имел качества, достойные похвалы, делом, словом и мыслию прославляя Спасителя всех — Христа Бога нашего, Которому со Отцем и Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5	17. Авраамий	134
1. Иаков Низибийский ...	13	18. Евсевий	140
2. Иулиан	26	19. Саламан	143
3. Маркиан	44	20. Мар	144
4. Евсевий	58	21. Иаков	146
5. Публий	70	22. Фалассий	
6. Симеон древний	77	и Лимний	167
7. Палладий	84	23. Иоанн, Моисей,	
8. Афраат	86	Антиох и Антонин	170
9. Петр	96	24. Зебинас	
10. Феодосий	106	и Полихроний	171
11. Роман	111	25. Асклипий и Иаков....	178
12. Зинон	113	26. Симеон	179
13. Македоний	118	27. Варадат	197
14. Мавсима	126	28. Фалалей	200
15. Акепсим	129	29. Марина и Кира	203
16. Марон	132	30. Домнина	206

Блаженный Феодорит Кирский

ИСТОРИЯ БОГОЛЮБЦЕВ

Редактор Т.В. Ионина. Корректор Е.А. Алешина

Технический редактор *А.Л. Гулина*

Выпускающий редактор *Л.В. Бутримова*

Верстка *Е.Г. Платонов*. Дизайн обложки *С.Л. Белокуров*

Подписано в печать 21.07.10. Формат 84x108 ¹/₃₂
Бумага офс. Печать офс. Физ. п.л. 6,5. Тираж 7000 экз.
Заказ № 1656

ООО Издательство «Отчий дом»

119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1

Тел. 8-499-261-18-87

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

«ОТЧИЙ ДОМ»

